

22
КРАЕВЕДЕНИЕ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

91/48/026

ПО

ВОЛГЪ

МЕЖДУ НИЖНИМЪ И АСТРАХАНЬЮ.

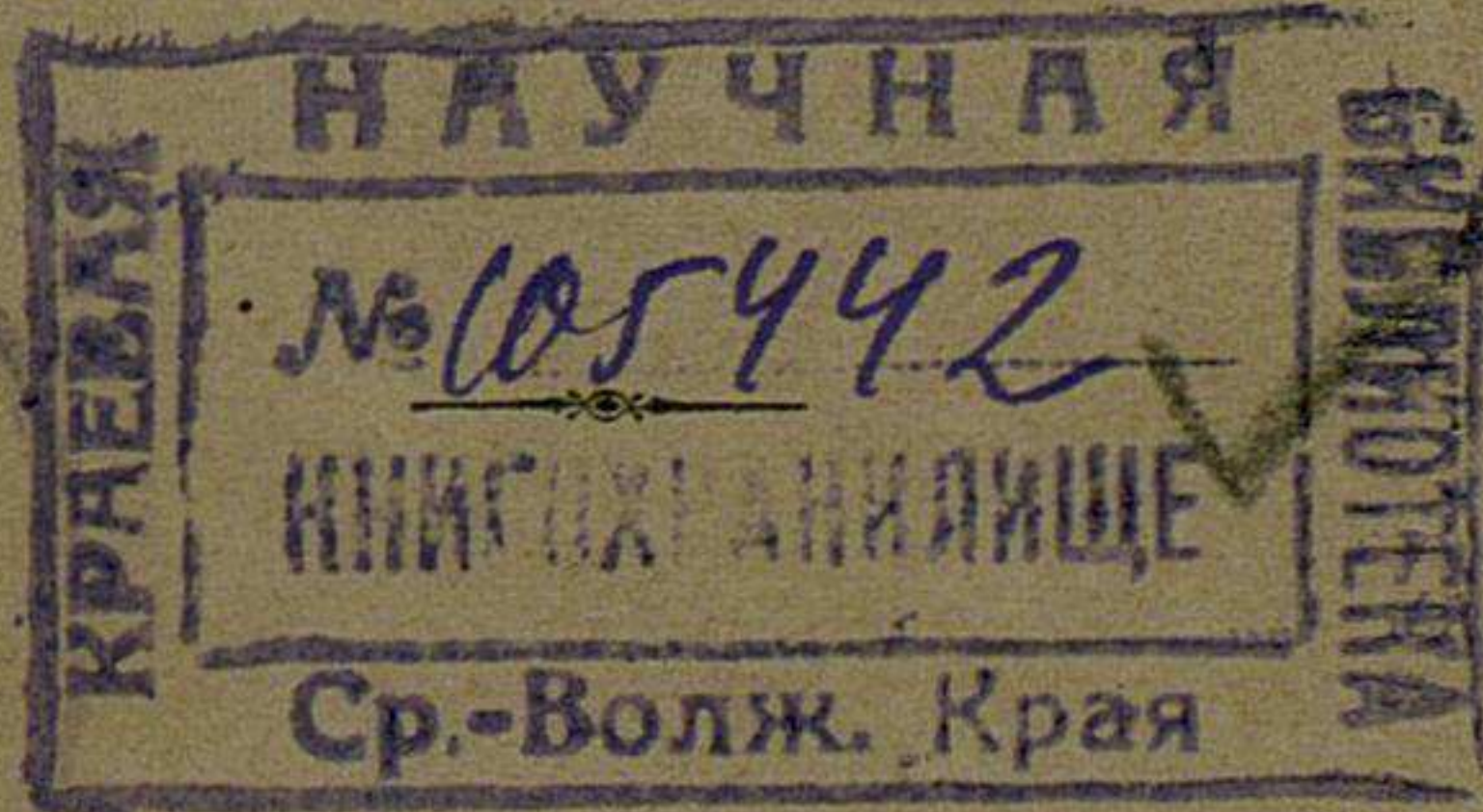
СОСТАВИЛЪ

Я. П. КУЧИНЪ.

Красведческая

910
A-26

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр. 9 лин., № 12.)

1870.

1915/17

Источниками при составленіи настоящей книжки, кромѣ собственныхъ путевыхъ записокъ составителя служили: книга г. Боголюбова — «Волга отъ Твери до Астрахани» (изданіе общества «Самолетъ»), «Письма о путешествіи Государя Наслѣдника», гг. Побѣдоносцева и Бабста, многія статьи, помѣщенныя въ газетѣ «Волга» *) за все время ея существованія и, наконецъ, свѣдѣнія, сообщенныя составителю изъ нѣкоторыхъ городовъ приглашенными къ тому лицами.

*) Издавалась въ Астрахани съ 1862 по 1865 гг., г. Бенземаномъ при постоянномъ участіи составителя.

Красноярск

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Пароходы на Волгѣ разныхъ родовъ, и представляютъ довольно разнообразный выборъ: пассажирные или легкіе, товаро-пассажирные и буксирные. Каждый изъ этихъ разрядовъ имѣетъ свои преимущества, и каждый можетъ быть для будущаго удобнѣе другихъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ большинствѣ случаевъ предпочитается, конечно, легкій пароходъ; но иногда и товаро-пассажирный, даже и буксирный могутъ быть чрезвычайно полезны.

Легкіе пароходы — самые быстрые и возятъ дороже прочихъ. *Товаро-пассажирные* пароходы совершаютъ, такъ же, какъ и легкіе, правильные рейсы, то есть приходятъ къ пристанямъ и отходятъ отъ нихъ въ опредѣленные сроки. Изъ росписанія ихъ рейсовъ вы увидите, что они ходятъ гораздо медленнѣе легкиxъ; но за то они и за мѣста берутъ вдвое *дешевле легкиxъ*. На товарно-пассажирномъ пароходѣ есть и прислуга и буфетъ, какъ и на легкомъ, иногда еще и лучше, чѣмъ на легкомъ. Общество пассажировъ нерѣдко встрѣчается весьма многолюдное, какъ и на легкомъ пароходѣ. Удобства вообще на пароходахъ обоихъ этихъ разрядовъ совершенно одни и тѣ же. Разница между ними только въ томъ, что на сторонѣ *товаро-пассажирныхъ* — медленность и дешевизна. Но если послѣднее очень важная вещь, то и первое также заслуживаетъ вниманія. Слѣдуетъ принять въ расчетъ,

что долго ѣхать на пароходѣ очень и очень скучно. ✓

Еще дешевле, чѣмъ на товаро-пассажирномъ, можно проѣхать на буксирномъ пароходѣ: на этомъ васъ свезутъ почти даромъ. Буксирные пароходы ходятъ безъ всякаго росписанія. Если вы пожелаете узнать, когда такой пароходъ придетъ къ той или другой пристани, то должны спросить объ этомъ капитана, да и онъ не скажетъ вамъ опредѣленно, а если не захочетъ солгать, назначитъ какой нибудь приблизительный срокъ, который всетаки будетъ зависѣть отъ воли Божіей. На буксирномъ пароходѣ нѣтъ ни буфета, ни прислуги для пассажировъ, по той простой причинѣ, что пассажиры на нихъ чрезвычайно рѣдки. За то просторно на буксирномъ пароходѣ: можете, если вамъ угодно, одинъ занять три или четыре каюты, расположившись совершенно какъ дома. Главнѣйшее же удобство, это дешевизна. Таксы на такомъ пароходѣ обыкновенно не

бывается; нужно торговаться о мѣстѣ съ капитаномъ. Берутъ очень дешево, вдвое или втрое дешевле, чѣмъ на товаро-пассажирныхъ. Вы можете прицѣниться на нѣсколькихъ буксирныхъ пароходахъ, отправляющихся въ ту сторону, куда вамъ нужно, и выбрать тотъ, на которомъ съ васъ возымутъ дешевле. Путешествіе на буксирномъ пароходѣ неопѣнено для переселяющихся куда нибудь со всѣмъ семействомъ и домомъ: можно совершенно удобно помѣстить дѣтей, съ собою же можно везти все имущество. Переселеніе будетъ и дешево и покойно. Для такого путешествія нужно запастись всѣмъ тѣмъ, что нужно дома: и кухонною посудой, и съѣстными припасами, и самоваромъ, и прислугою. Отъѣзжая отъ города, чтобы въ должномъ количествѣ заpastись съѣстными припасами, слѣдуетъ поговорить съ капитаномъ, о томъ, гдѣ и когда примѣрно онъ думаетъ пристать къ берегу у жилаго мѣста, въ которомъ можно возобно-

вить запасъ. Буксирный пароходъ останавливается далеко не у всѣхъ пристаней; случается, если у него на баржѣ много дровъ, что онъ сутокъ трое-четверо не подходитъ къ берегу, а если и подходитъ, то въ такихъ мѣстахъ, что версты три нужно идти берегомъ, чтобы дойти до деревни, въ которой еще въ добавокъ ничего не найдете изъ того, что вамъ нужно. Вообще нужно быть очень предусмотрительнымъ, отправляясь въ плаваніе на буксирномъ пароходѣ, и только въ томъ случаѣ, когда, какъ я сказалъ, вы ѣдете всѣмъ домомъ, еще сносно такое плаваніе. Во всякомъ же другомъ случаѣ, только одна крайняя нужда, рѣшительная невозможность заплатить за проѣздъ подороже, можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы обречь себя на это заключеніе хуже тюрьмы, которое называется плаваньемъ на буксирномъ пароходѣ.

Билеты на проѣздъ и на провозъ багажа

на большихъ пристаняхъ, гдѣ есть конторы общества, пріобрѣтаются въ этихъ конторахъ, а тѣ, которые садятся на пароходъ съ пристани, не имѣющей конторы, билеты получаютъ уже на пароходѣ, отъ помощника капитана.

✓ Багажъ, кромѣ сакъ-вояжа, подушки, шубы и тому подобныхъ вещей, которыя необходимо имѣть при себѣ, на пристани взвѣшивается, оплачивается по таксѣ и везется въ особомъ багажномъ помѣщеніи.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ.

Лежитъ подъ $56^{\circ}20'$ сѣв. шир. и $62^{\circ}8'$ вост. долг.; отъ Петербурга—1,064 версты; отъ Москвы — 390 в. По Волгѣ: отъ Казани—392 в., отъ Симбирска—597 в., отъ Самары—823 в., отъ Саратова—1,275 в., отъ Астрахани—2,135 верстъ.

Основанъ между 1219 и 1222 годами, великимъ княземъ Владимірскимъ Юріемъ Всеволодовичемъ. Сдѣлался самобытнымъ съ 1350 года, съ этого года онъ сдѣлался мѣстопребываніемъ великихъ князей нижегородскихъ. Съ 1418 года подпалъ подъ зависимость Москвы. Въ 1612 году ниже-

городцы ознаменовали себя, ополчившись на избавленіе Москвы отъ поляковъ (Мининъ и Пожарскій). Въ 1708 году Нижній былъ причисленъ къ Казанской губерніи, а съ 1719 г. сдѣлался губернскимъ городомъ. Въ 1817 году переведена въ Нижній изъ Макарьева ярмарка. Въ Нижнемъ родился и умеръ извѣстный Кулибинъ, механикъ академіи наукъ, выучившійся безъ учителей и книгъ. Онъ первый дѣлалъ телескопы въ Россіи; не зная, какъ ихъ дѣлаютъ за границею, онъ самъ изобрѣлъ способъ ихъ приготовленія. Кулибинъ умеръ въ Нижнемъ въ крайней бѣдности. Нижегородскому обществу завѣщалъ онъ изобрѣтенное имъ самоходное судно, которое до изобрѣтенія пароходовъ было чудомъ своего времени. Нижегородское общество, не спуская судна на воду, употребило его на отопленіе городской думы. Нижній также родина и мѣсто первоначальнаго воспитанія Н. А. Добролюбова.

Въ настоящее время въ Нижнемъ считается около 40 т. жителей обоего пола. Мѣстная промышленность и торговля незначительны; все поглощается ярмаркой; жители, кромѣ обычныхъ ремеслъ и промысловъ приволжскаго города, занимаются пряденіемъ веревокъ и канатовъ. Заводовъ и фабрикъ—29; стальные и канатные, два механическихъ завода (Джонса и Колчина), на которыхъ дѣлаютъ желѣзные парходные корпуса и небольшія паровыя машины.

Въ семи верстахъ отъ города, въ дер. *Сормовъ* находится машинная фабрика *Бернардаки*, на которой сдѣлано около 400 парходовъ, ходящихъ по Волгѣ. При этой фабрикѣ нынѣ открыто новое сталелитейное производство.

Городскіе доходы свыше 207 т. р. сер. Городу дорого обошлись разныя сооруженія, какъ откосы берега и взвѣзды съ Волги, вслѣдствіе чего онъ въ долгу до 925 т. р. сер.

Нижній находится при сліяніи Оки съ Волгою и построенъ на правыхъ берегахъ ихъ. Берега окаймлены высокими горами, которыя, немного отступя отъ берега, поднимаются до 50 саж. надъ уровнемъ рѣкъ. На этихъ высотахъ и уступѣ, городъ растянулся живописнымъ амфитеатромъ. Горы прорѣзаны оврагами, покрытыми прекрасною зеленью, между которою красиво сгруппировались разныя строенія. Вообще мѣстоположеніе таково, что Нижній, съ Волги, представляется живописнѣйшимъ изъ приволжскихъ городовъ.

Пристани.

Пароходныя пристани начинаются отъ южной оконечности казармъ, и стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: обществъ «Самолетъ» и «Камско-Волжскаго»; Ильина, Соважъ и Миронова; обществъ «Нептунъ» и «Волжскаго»; Климова и Шипова; общества «Польза»; общества «Кавказъ и Меркурій»

и Колчина и Котельникова. Суда, проходящія къ Нижнему, останавливаются у обоихъ береговъ Оки и по Волгѣ и занимаютъ протяженіе до 20 верстъ, вмѣстѣ съ пароходными пристанями.

По громадности, пристань управляется особымъ офицеромъ корпуса Путей Сообщенія, а для разбора дѣлъ по судоходству, въ городѣ существуетъ *судоходная расправа*, находящаяся въ зданіи городской думы.

Извозчики.

На пристани, во время прихода пассажирныхъ пароходовъ, бываетъ много извозковъ. Извозчики здѣсь очень хороши: они здѣсь лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ низовыхъ городахъ. Зато они дороже, чѣмъ въ другихъ городахъ. Съ пристани до гостиницы, не смотря на близость, возятъ по 50 и 40 коп.; просятъ еще и дороже, указывая на взѣздъ. Для ѣзды по городу уста-

новлена такса — 30 коп. въ часъ, во время ярмарки цѣна увеличивается.

Гостиницы и номера для прїѣзжающихъ.

Гостинницъ, номеровъ, постоялыхъ дворовъ и вообще всякихъ прїютовъ для прїѣзжающихъ въ Нижнемъ много. Ихъ расплодила ярмарка, которая и даетъ имъ средства къ существованію. Помѣщенія есть всякихъ сортовъ и за всякую цѣну — отъ 15 коп. до 3 руб. въ сутки. Дешевыя помѣщенія на нижнемъ базарѣ (городъ состоитъ изъ верхняго и нижняго базара), — многочисленныя подворья и постоялые дворы. Лучшія помѣщенія (отъ 50 коп. въ сутки) также на нижнемъ базарѣ: номера Бубнова и Башкирова, и на верхнемъ, на благовѣщенской площади — Лопашева и Смирнова и Лопашева же на Покровкѣ.

Во время ярмарки найти помѣщеніе не совсѣмъ легко, и цѣны возвышаются громаднымъ образомъ: номера, за которые въ

обычную пору платятъ отъ 50 коп. до 1 рубля, доходятъ до 2 и 3 рублей въ сутки. Предлагаютъ и больше, лишь бы найти пріютъ.

Библіотеки и книжныя лавки.

Есть Публичная бібліотека. Книжныя лавки и при нихъ бібліотеки для чтенія: Улитина и Меледина.

Гулянья и развлеченія.

Городъ богатъ мѣстами для прогулокъ. Внутри верхняго города есть порядочный садъ, съ прудомъ, называемымъ чернымъ. Вокругъ кремля бульваръ. Подъ горой раскинулся англійскій садъ. Самая набережная есть одно изъ лучшихъ мѣстъ для лѣтнихъ гуляній: она разнообразится непрерывнымъ движеніемъ судовъ и пароходовъ. Существуетъ въ Нижнемъ и театръ, обыкновенно съ весьма порядочною труппою.

Достопримѣчательности.

(ВЕРХНИЙ ГОРОДЪ.)

Кремль. Строился отъ 1372 до 1510 гг. Начать при великомъ князѣ Дмитріѣ Константиновичѣ (при немъ была построена дмитріевская башня съ цитаделью); достроенъ зодчимъ венеціанцомъ Петромъ Франческо Фрязинымъ. Имѣетъ 11 башенъ (*). Башня подъ зеленымъ съѣздомъ называется — тайницкая: здѣсь былъ потаенный выходъ изъ Кремля на Почайку за водою. Съ сѣверной башни открывается великолѣпная панорама: видно даже Балахну, отстоящую за 30 верстъ. Въ кремль помѣщаются: дворецъ,

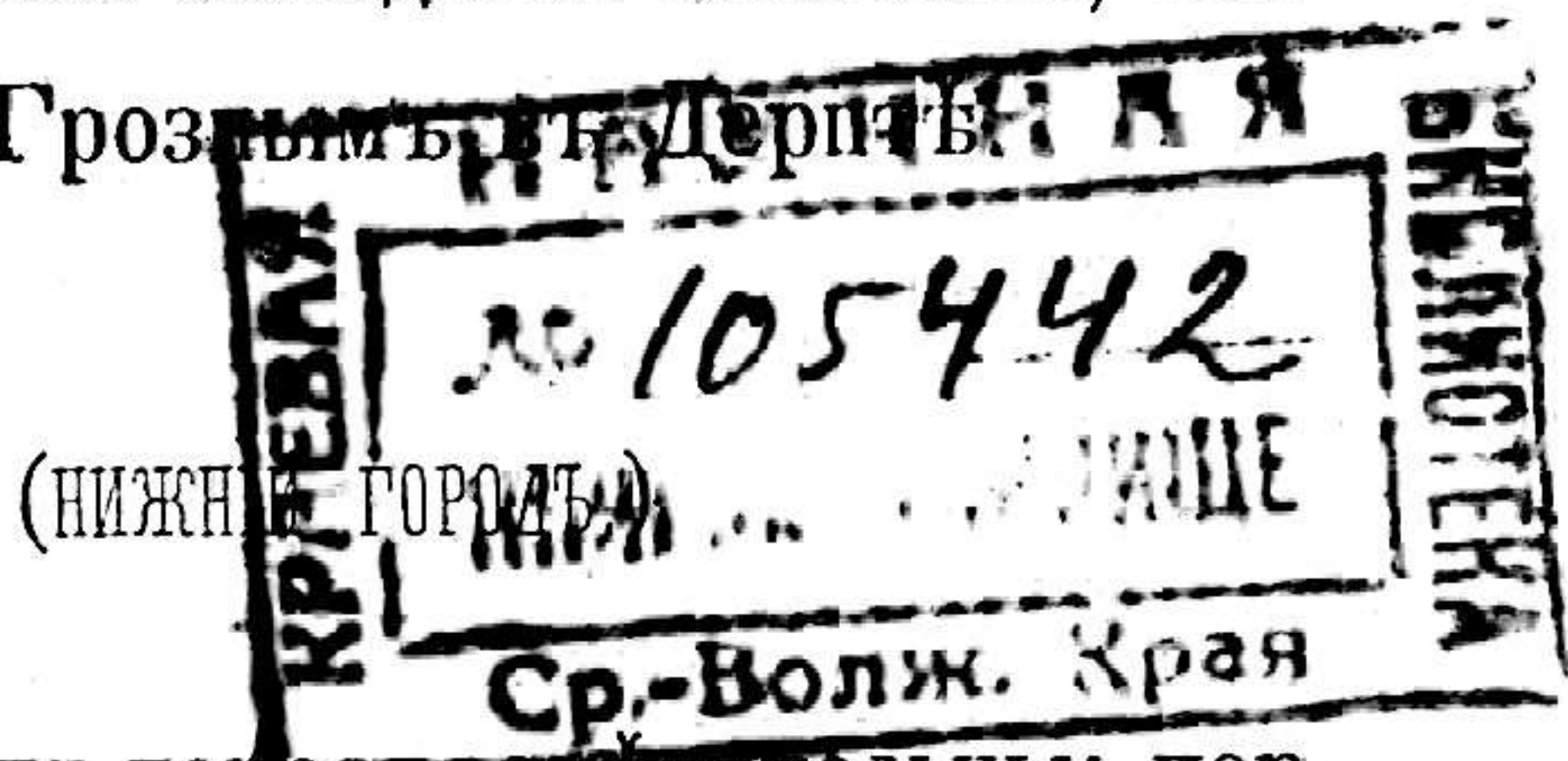
(*) Изъ нихъ о башнѣ Коромысловской, (подъ зеленымъ съѣздомъ) существуетъ преданіе: Кремль начали строить именно съ нея. Для успѣшнаго строенія, необходимо было заложить въ основаніе башни живое существо, которое придетъ на это мѣсто. Пришла дѣвушка съ ведрами на коромыслѣ за водой на рѣчку Почайку. Ее и заложили въ башню съ ведрами и коромысломъ. Оттого и башня *коромысловая*.

въ которомъ живеть губернаторъ, присутственныя мѣста, казармы, арсеналь, телеграфная станція, памятникъ Минину и Пожарскому и преображенскій и архангельскій соборы. Спасо-преображенскій соборъ построенъ въ 1221 году; въ немъ есть древнія иконы, древнія хоругви, древнія облаченія митрополитовъ, посохъ перваго нижегородскаго митрополита Филарета, на престольное евангеліе, писанное въ 1408 году, на пергаментѣ, списокъ съ знамени Пожарскаго (подлинникъ въ московской оружейной палатѣ). Въ подвальномъ этажѣ собора устроена церковь. Въ ней погребены: правнукъ Александра Невскаго, великій князь Константинъ Васильевичъ и супруга его; великій князь Андрей Константиновичъ; великіе князья Дмитрій и Борисъ Константиновичи; князь Василій Дмитріевичъ Кирдяна и братья его: — Семень и Иванъ Брюхатый; князь Иванъ Борисовичъ Тугой-Лукъ. Тутъ же погребенъ Козьма Захарье-

вичъ Мининъ Сухорукъ (умеръ въ 1616 году). Его могила по лѣвую руку церкви обозначена гробницею, покрытою бархатнымъ покрываломъ. Государь Наслѣдникъ Александръ Александровичъ, во время посѣщенія Нижняго въ 1869 г., поклонившись праху знаменитаго мясника, изволилъ обратить вниманіе на вѣтхость гробницы, — и ярмарочное купечество собрало довольно значительную сумму на реставрированіе ея. Архангельскій соборъ первоначально построенъ въ 1222 году, а перестроенъ въ 1620 году. Онъ считался великокняжескою дворцовою церковью. Между соборомъ и его колокольнею стоитъ сторожевая башня, съ которой въ старину наблюдали за непріятелемъ.

Печерскій мужескій монастырь, находится на берегу Волги, въ южномъ концѣ города. Онъ первоначально былъ построенъ въ 1330 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь цер-

ковъ слободы Старыя Печоры, въ полутора верстахъ ниже настоящаго монастыря. Въ 1597 году, монастырь былъ разрушенъ отъ обвала горы и перенесенъ на нынѣшнее мѣсто. Онъ отличается красивымъ мѣстопо-
ложеніемъ. Здѣсь находится колоколъ, взя-
тый Иваномъ Грознымъ въ Дербентѣ.

Въ этой части города замѣчательны: цер-
ковъ Рождества Богородицы или строгонов-
ская, построенная въ 1719 году именитымъ
человѣкомъ Григоріемъ Строгоновымъ; за-
мѣчательна по своей архитектурѣ. Подлѣ
церкви, на горѣ, сохранились остатки фун-
дамента дома Строгонова, въ которомъ жилъ
Петръ Великій въ 1722 году. Благовѣщен-
скій мужскій монастырь, на дятловыхъ го-
рахъ, построенъ въ 1371 году Алексѣемъ
митрополитомъ.

Ярмарка.

Знаменитая макарьевская ярмарка, переведенная въ Нижній въ 1817 году, помещается за Окою, на углу, образуемомъ правымъ берегомъ Волги и лѣвымъ Оки.

Центръ ярмарки составляютъ каменные зданія. Въ срединѣ ихъ помещаются зданія для главнаго управленія ярмаркою. Отсюда по прямой линіи идетъ бульваръ, на концѣ котораго стоитъ соборъ; вправо отъ собора—татарская мечеть, влѣво—армянская церковь. Корпуса, ближайшіе къ бульвару, заняты разными модными, галантерейными, ювелирными товарами. Въ дальнѣйшихъ корпусахъ продаютъ мѣха, панскіе и суровскіе товары, также товары москательные и другіе; позади идетъ китайскій рядъ, съ глиняными китайскими фигурами на крышахъ. Для безопасности отъ пожара, зданія эти окружены обводнымъ каналомъ.

Каменные зданія далеко не соотвѣтствуютъ громадности торга, почему за предѣлами гостиннаго двора, по ту сторону обводнаго канала, возведено множество деревянныхъ построекъ. Эти ряды деревянныхъ лавокъ предназначаются купцами для склада громоздкихъ и легковоспламеняющихся товаровъ, а также для мелочнаго торга. За ними, къ волжскому берегу, идутъ: театръ, балаганы, трактиры, постоялые дворы, кузницы и т. п. Еще далѣе, по самому берегу Волги, идетъ такъ называемая сибирская линія, гдѣ сложены всѣ громоздкіе товары, чай, хлопокъ, желѣзо, тряпье, лыко и проч.

Ярмарка соединяется съ городомъ мостомъ. Къ ярмаркѣ почти прилегаетъ село Кунавино, которое населяется, во время ярмарки, странствующими актерами, музыкантами, арфистами и арфистками, пѣвцами и пѣвицами, цыганами и цыганками, волтижерами, шарманщиками и другимъ людомъ. Кунавино обыкновенно бываетъ перепол-

нено трактирами, гостинницами и постоялыми дворами, и оживлено съ утра и до глубокой ночи: шумъ, говоръ, пѣсни на улицахъ, пляски и разгульное веселье въ заведеніяхъ.

По положенію, ярмарка продолжается отъ 15 іюля до 25 августа; но на самомъ дѣлѣ начинается съ 25 іюля и оканчивается около половины сентября. Съ 1 августа—самая оживленная дѣятельность.

ПУТЬ ОТЪ НИЖНЯГО ДО ВАСИЛЬ-СУРСКА.

(156 верстъ).

Путешествующему по волжскому низовью вообще немало предстоитъ полюбоваться живописными мѣстностями на этомъ по пѣсенному выраженію «широкомъ раздольѣ». Жителю сѣверныхъ и сѣверозападныхъ губерній, глазъ котораго привыченъ видѣть на огромномъ пространствѣ лишь унылыя равнины, съ болотами и тощими нивами, волжскіе берега представятъ рѣ-

шительно очаровательными, по своему разнообразію и величавости.

Еще до Нижняго Волга начинаетъ протекать между берегами, отличающимися живописными ландшафтами. Подъ Нижнимъ она уже широко раздвигаетъ свои берега и течетъ между ними на большомъ просторѣ. Подъ Нижнимъ, даже по спадѣ весеннихъ великихъ водъ, ширина ея около версты. Далѣе, берега принимаютъ все болѣе и болѣе живописный характеръ.

Первая мѣстность, на которую вы посмотрите, на быстромъ бѣгу вашего парохода, по отправленіи изъ Нижняго, кромѣ собственной его прекрасной панорамы, это печорскій монастырь, о которомъ было упомянуто въ предыдущей главѣ. Рядомъ съ нимъ, раскинулась по крутизнѣ слобода Старыя Печеры, представляющая также весьма живописный пейзажъ. Далѣе на томъ же берегу, опять красивая мѣстность, на которой расположено село Подновье. Всѣ эти

мѣстности очень быстро промелькнутъ передъ вами, такъ что и не дадутъ достаточно полюбоваться каждою въ отдѣльности, а представятъ какъ бы одну, обширную и привлекательную картину. Но вотъ пароходъ пошолъ тише; съ носа его, пожалуй, раздаются возгласы матроса, все опускающаго и вынимающаго намѣтку. Это стали обнаруживаться капризы красавицы-Волги, капризы весьма непріятные и вредные, — мели. Полверстою ниже Подновья, попадаетъ мель, которая тоже называется Подновье; нѣсколько ниже (на 8-й верстѣ отъ Нижняго) другая: Телячій бродъ, а вслѣдъ за нею третья: Собачій проранъ.

Проѣхавши 45 верстѣ отъ Нижняго, вы увидите на правомъ берегу большое село Кадницы, мимо котораго пробѣжите не останавливаясь; или же пріостановитесь на нѣ-
сколько минутъ, чтобы отправить на шлюпкѣ
къ берегу нѣсколько мужичковъ и взамѣнъ
ихъ принять нѣсколько челоуѣкъ оттуда.

10-ю верстами ниже этого села, впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны одинъ изъ ея многочисленныхъ притоковъ — *Керженецъ*.

Керженецъ—рѣка пресловутая: кто на руси не слыхалъ о керженскихъ лѣсахъ, керженскихъ удалыхъ молодцахъ и керженскихъ скитахъ?

Керженецъ беретъ начало изъ варнавинскаго уѣзда Костромской губерніи, и протекаетъ около 200 верстъ (по Костромской и Нижегородской губерніямъ). На всемъ 200 верстномъ протяженіи рѣки, широко и далеко раскинулись по обѣимъ ея сторонамъ дремучіе лѣса. Лѣса эти служатъ пріютомъ разныхъ звѣрей и дичи; здѣсь водятся олени, лоси, медвѣди, куницы, волки и другіе. Эти же дремучіе лѣса служили въ былое время пріютомъ для люда протестующаго, недовольнаго господствовавшимъ порядкомъ вещей. Керженецъ пріобрѣлъ громкую извѣстность по пристанищамъ раскольниковъ въ темной глуши лѣсовъ его, по распростра-

ненію раскола въ здѣшнихъ мѣстахъ и по основанію раскольничьихъ скитовъ, слава о которыхъ шла по всей Россіи.

Въ прежнія времена въ керженскомъ околѣ считалось скитовъ до полсотни. Самые извѣстные были женскіе. Больше всѣхъ пользовались извѣстностью, по многолюдству своему, скиты *Оленевскій* и *Комаровскій*, изъ которыхъ въ каждомъ жило женщинъ болѣе шести сотъ. Керженецъ приобрѣлъ также извѣстность разбойничьими притонами. Въ стародавнія времена, когда дремучій лѣсъ по берегамъ его стоялъ густыми стѣнами, разбойничьи шайки заводили себѣ пристанища на всемъ протяженіи его. Въ позднѣйшее время, удалыя головушки гнѣздились болѣе въ пустынныхъ дебряхъ нижней части рѣки. На легкихъ лодкахъ, изъ темной глуши здѣшнихъ раменей, они вылетали на раздолье Волги и грабили селенія, судохозяевъ и купцовъ, особенно въ то время, когда славная ярмарка

макарьевская имѣла пріютъ у Макарья, подъ самымъ бокомъ керженскихъ лѣсовъ. Многія лѣсныя урочища до сихъ поръ сохранили явные слѣды разбойничьихъ притоновъ. Вольница жила здѣсь иногда цѣлыми поселеніями; строили для себя просторныя избы, а для скота и птицъ разныя помѣщенія; заводили даже кузницы и бани. Было раздолье привольное для разгула вольныхъ людей. Воды Керженца выносили удалыхъ молодцовъ на широкое раздолье матушки Волги; онѣ-же и назадъ ихъ уносили съ добычею, въ непроходимую лѣсную глушь. И много осталось преданій о страшныхъ атаманахъ керженскихъ.

Ганька—атаманъ зарылъ добра въ Комаровѣ съ семи паръ лошадей. Шмель — атаманъ оставилъ воспоминаніе о несмѣтномъ сокровищѣ на озерѣ Телки, а Усище — атаманъ — о широкомъ пристанищѣ въ Фирсовой-Рамени. Притонъ его былъ словно замокъ. Чего ужъ въ нёмъ не было на-

строено! чего не заведено, какихъ богатствъ не собрано! Самъ онъ ковалъ мечи и копья, самъ строилъ новыя лодки, самъ шилъ новыя паруса. А лошадей держалъ 12 паръ: выѣзжалъ иногда купцомъ - молодцомъ. А шайку имѣлъ въ сорокъ все удалыхъ головъ.

Вотъ образчикъ сказанія объ одномъ кладѣ.—Лѣсникъ изъ Лыковщины, Артемьева дому, сплывши до Лыскова, встрѣтилъ тамъ въ харчевнѣ владимірца. Швець-ли онъ былъ стеглицкой, офеня-ли ландехской, или богомазъ суздальскій, того ужъ за давностью не запомнятъ, а только помнятъ, что изъ сибирскаго края возвращался онъ на родину: вѣдь они такіе проходимцы, гдѣ ужъ не бывають! Вотъ слово за слово съ лѣсникомъ, тотъ и узналъ, что лѣсникъ съ Керженца. Давай угощать его и угощая такъ и льнётъ къ нему. Лѣсникъ отъ угощенія не прочь. Подпили и пустились въ откровенность, а сидѣли въ особой комнатѣ и только

вдвоемъ. Лѣсникъ поразсказалъ разныя исторіи о разбойникахъ и кладахъ по Керженцу... А то и на руку было владимірцу: изъ за того только онъ и льнулъ.

«А знаешь ты всѣ урочества по Керженцу?» спросилъ его офеня, такъ будемъ звать владимірца.

— Еще бы не знать! Всѣ на-перечотъ, какъ пальцы на рукахъ, отвѣчалъ лѣсникъ Артемьевъ.

«Такъ знаешь урочество керженское *плесъ*, что у семи дубовъ и длиною въ семь верстъ?»

— Ну вотъ, вотъ, какъ не знать! каждое лѣто все ужъ раза два побываешь на немъ.

«А знаешь ли тутъ мѣсто, слыветъ оно Ватага?»

— Ну вотъ, какъ на ладонь іляжу!

«За примѣту-ли, тутъ есть ямы съ три?»

— Ну, есть! и ямы тѣ всѣ рядомъ.

«Нѣтъ-ли объ нихъ у васъ какихъ слуховъ?»

— Вотъ ужь, братъ, чего не знаю, такъ не знаю! А развѣ есть какіе слухи?

«То-то есть; да не слухи, а суццая правда!»

— А што такое, можно эвдакъ сказать?

«Доведешь меня до мѣста, такъ скажу!»

— Слова нѣтъ, хоть сей-часъ!

«Такъ давай по рукамъ. Ну, слушай: лежить тутъ, братецъ, казна, да и большая! Ужь эвто не пересказы, а я самъ слышалъ изъ усть. Клалъ её тотъ самый, кто мнѣ открылся,—одинъ изъ каторжниковъ. Проговорился онъ, што-де и записъ послалъ къ роднымъ, а родомъ онъ отселева, — вотъ изъ Татинца!»

— Дотошно-ли рассказалъ онъ тебѣ примѣты-то?

«Дотошно, всѣ до единой; ужь не сумнѣвайся!»

— Нѣтъ, нѣтъ! Ну, говори дальше!

«И вотъ эвти ямы небольшія. Были онѣ колодцы: одинъ питной, другой платной, а третій кладавой. Въ послѣднемъ-то и лежить

поклажа: зарыть ведерный котелъ съ золотомъ и серебромъ, а накрыть онъ сковрадой. И проведена изъ этаго колодца желѣзная цѣпь въ питной, а зарыта она въ глубь не больше какъ въ колѣно».

— Эвдакая, братецъ, диковина-то! А прошлую осень мы съ братьями все тутъ бересту били. Да и подкуръ былъ вблизи ихъ, всего лукнуть палкою. А ужъ мимо ямъ то ходили каженной разъ. И не въ домекъ намъ, што эвто за ямы! Вотъ не знамо дѣло-то! поди-ты!

«Такъ веди, идемъ туда!»

— Идемъ сей-часъ же!

И офеня съ Артемьевымъ отправились на Керженецъ... Но что же? лѣсникъ, смѣкнувши дѣло, задумалъ схитрить, обмануть офеню. И провелъ его на другое мѣсто, гдѣ также были три ямы и всѣ рядомъ. Порылись въ нихъ, поискали во всѣхъ, да такъ и разошлись.

Но лѣсникъ и одинъ не успѣлъ поискать на приуроченномъ мѣстѣ. Скоро захватила его смерть. Тайну передалъ брату. Но и тотъ въ свою очередь не срядился же по-рыться, такъ и умеръ. А умирая передалъ ужь сыну. Тотъ искалъ, или нѣтъ, неизвѣстно; только извѣстно, что котель и ему не достался, а тутъ же остался. Сказаніе же объ ватагинскомъ кладѣ, переходя отъ одного къ другому, изъ рода въ родъ, наконецъ разошлось чуть-ли не по всему керженскому краю. Много было охотниковъ попробовать своего счастья, да и нынѣ ходоки не разъ пытались искать мѣста. Одни братья Ильины изъ З... пожалуй набили къ нему тропу, какъ и къ озеру Телки, гдѣ лежитъ пресловутый кладъ Шмелевъ. Но теперь не находятъ не только мѣста Ватаги, даже самыхъ ямъ. Толкуютъ, что онѣ, заваленныя лѣсомъ, заросли и запыли всѣ до верху и признаку нѣтъ, что были тутъ ямы. По преданію, такъ котель и остался тутъ и до сихъ поръ...

Вотъ и образчикъ одной записи: «Дѣдуш-ка Родивонъ, обѣщаніе далъ-бы ты мило-сердію божью, да на моихъ родныхъ и нищу братью, батюшкѣ Миколѣ—свѣчъ пудъ бѣлаго воску яраго, матушкѣ празднику Бого-родицы—бусы жемчужныя, а жемчугу бу-рмицкаго, да во весь образъ атласу золотно-ва платокъ, а всемилостивому спасу—ризу серебряну всю, а вѣнецъ позолоченый. Не дасть-ли тебѣ спасъ милостивой? Есть Кладовая грива поверхъ Вишни рѣчки; на осо-бливой гривѣ на полдни есть тумба и бо-лото, непроходимое мѣсто, на праву руку прорѣзъ, соснякъ и березы, одинъ сухо-долъ, въ вешнее время тѣмъ суходоломъ во-да течетъ; тутъ была келья, дверью на пол-дни, а вокругъ нея съ трехъ сторонъ окопъ: есть три ямы на праву сторону и колодецъ. И есть тутъ небольшое токовище, гдѣ игра-ли мы въ орлянку, въ деньги, и есть ма-ленькая гривка, да сосна о трехъ верши-нахъ; на всходѣ сложенъ столбъ кирпичной

— двѣнадцать тысячъ рублёвъ. По первой примѣтѣ Т яма Ивана... другой—въ вязовыхъ... А промежь болотъ есть зимница—восемь тысячъ рублей и 12 ружей все съ серебряными насѣчками... а тамъ нѣтъ и счоту... И были три норы на томъ мѣстѣ: двѣ въ обѣднее время... Е еще больше В... А братъ троимъ, двумъ мущинамъ и одной женщинѣ..... Взыскавъ Коня и Жеребенка, раменей и межн; отъ нея въ Криловищѣ».

Вотъ одна пѣсня объ удалыхъ керженскихъ молодцахъ, записанная на мѣстѣ и не попавшая еще, кажется, ни въ одинъ изъ сборниковъ.

Что повыше Лыскова, пониже Юркина,
Противъ сельца Богомолова,
Вытекала рѣчка быстрая;
Выплывала по ней легкая лодочка.
Хороша лодка изукрашена;
Молодцами она изусажена.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ весломъ,

На носу стоитъ эсауль съ ружьемъ.
Посреди — золота казна.
На казнѣ сидитъ красна дѣвица.
Она плачетъ, какъ рѣка льется:
Нехорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Расплелась моя коса русая,
Выпадала изъ ней лента алая.
Атаману быть застрѣлену!
Эсаулу быть повѣшену!
А мнѣ-то красной дѣвушкѣ — сидѣть во
неволюшкѣ!...

Нетакъ давно въ трущобахъ керженскихъ
лѣсовъ гнѣздились люди, протестовавшіе дру-
гими, болѣе современными способами. Охот-
ники за оленями разъ, позднею осенью, за-
шли слишкомъ далеко въ лѣсную глушь;
пришлось переходить имъ болото, болото
обширное, въ лѣтнее время едвали доступ-
ное по своей топкости и со множествомъ
огривковъ. Вотъ на одномъ огривкѣ его и
видятъ они келью. Входятъ. Келья чистая,

просторная, съ казенкою и перегородкою у печки. Изъ за перегородки выходитъ женщина. Послѣ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ съ той и съ другой стороны, она— рада или не рада неожиданнымъ гостямъ — приняла ихъ, накормила и напоила, какъ и не чаяли, а отпуская, вдобавокъ обдѣлила еще всѣхъ серебрянными деньгами, примолвивъ: «ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами». Кто-же жилъ въ кельѣ и чѣмъ промышлялъ? Впослѣдствіи открылось, что тутъ жили *писакѣ* да *мастера*, кто изъ подъ борку, кто изъ подъ сосенки, а кто и съ каторги. *Писакѣ* переписывали раскольничьи книги и сочиняли грамоты, въ родѣ посланій, противъ правительства и вообще никоніанъ. Они-же составляли подложные документы: паспорта, отпускныя, крѣпости и тому подобное. А *мастера* мастерили деньги—и билеты и звонкую монету.

Керженецъ удержалъ за собою воспоминанія и другаго рода. Преданіе говоритъ,

что, по раззорѣніи Макарьевской обители на Жолтыхъ Водахъ казанскими татарами, преподобный Макарій шолъ здѣсь около 1440 года, и шолъ именно лѣвымъ берегомъ рѣки. До сихъ поръ сохранились въ памяти народной названія урочищъ отъ имени этого подвижника, какъ-то: Макариха—потокъ, и Макарьево озеро, гдѣ онъ съ своими спутниками имѣлъ ночной роздыхъ.

Выпущенный изъ плѣна съ приказаніемъ удалиться съ мѣста желтоводской обители въ другіе края, Макарій предпринялъ путь въ предѣлы нынѣшней Костромской губерніи. Намѣреніе у него было поселиться въ галицкой области, которая отстояла отъ раззоренной обители около 250 верстъ. И не одинъ собрался онъ, а нашлось еще довольно подвижниковъ, желавшихъ сопровождать его и жить вмѣстѣ съ нимъ. Передъ отходомъ въ этотъ дальній и трудный путь, преподобный совершилъ молитву, и въ духѣ кротости увѣщевалъ своихъ спутниковъ, чтобы никто

изъ нихъ не стужалъ о пищѣ, питіи и другихъ потребностяхъ, въ которыхъ былъ большой недостатокъ. «Не скорбите, чада, говорилъ онъ братіи, — не скорбите о постигшемъ насъ несчастіи отъ скиѣскихъ варваровъ за наши погрѣшенія. Этимъ несчастіемъ ведетъ насъ Богъ къ спасенію». Вѣрные спутники приняли это наставленіе съ радостью. Предварительно посоветовавшись съ ними о направленіи своего пути, по которому должны слѣдовать, онъ высказалъ, что избѣгаетъ прежней славы, а потому изъявилъ желаніе поселиться на пустынныхъ берегахъ рѣки Унжи. Сподвижники безпрекословно согласились съ нимъ въ такомъ избраніи. Прямой удобный путь до избраннаго мѣста лежалъ вверхъ по теченію Волги. Но на этомъ пути опасность предстояла отъ тѣхъ же враговъ, разсѣявшихся и грабившихъ жителей по берегамъ Волги. И такъ Макарій рѣшился съ своей братіей идти по новому пути, по непроходимымъ лѣсамъ.

Трудный самъ по себѣ, путь дѣлался еще труднѣе, какъ сказано, отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Путешествіе совершалось въ іюнѣ мѣсяцѣ. Голодъ и жажда предстояли въ скоромъ времени. Но милосердный Богъ не оставилъ ихъ въ совершенномъ изнеможеніи. Спустя нѣсколько дней, съѣстной припасъ истощился. Путешественники скорбѣли отъ наступившаго голода. Но по молитвамъ преподобнаго былъ найдснъ и пойманъ ими одинъ дикій звѣрь, называемый лосемъ. Пойманнаго звѣря путники хотѣли заколотъ себѣ въ пищу. Но было время Петрова поста. Стали просить благословенія у преподобнаго на разрѣшеніе поста. Строгій блюститель правилъ церковныхъ, онъ запретилъ имъ заколотъ животное и нарушать святыню поста, а приказалъ отпустить лося, отрѣзавъ ему правое ухо. А въ утѣшеніе имъ сказалъ, что чрезъ три дня въ самый праздникъ апост. Петра и Павла, отпущенный звѣрь самъ явится передъ ними, и тогда уже можно бу-

детъ заколотъ его въ пищу. Для большаго же укрѣпленія ихъ въ вѣрѣ тутъ же угодникъ божій принесъ Господу теплую молитву.

Молитва преподобнаго не осталась безъ дѣйствія. Въ продолженіи трехъ дней странники совершали свой путь безъ утомленія. Въ это время не только никто не изнемогъ отъ недостатка пищи, но даже и не ощущалъ голода. При наступленіи праздника апост. Петра и Павла, Макарій уклонился въ сторону отъ своихъ спутниковъ. Тамъ, съ распростертыми руками къ небу, онъ молился милосердному Господу, спасающему отъ всѣхъ скорбей и болѣзней. Совершивъ молитву, пришелъ къ братіи и увѣщевалъ, чтобы они не скорбѣли и не роптали. Но лишь только онъ успѣлъ сказать, какъ отпущенный за три дня дикій звѣрь чудеснымъ образомъ явился къ нимъ такимъ кроткимъ, какъ ручной. Подошедши къ нему, они увидѣли, что у него правое ухо отрѣзано. Этимъ увѣрились, что лось тотъ самый звѣрь, ко-

торый былъ отпущенъ. Такимъ образомъ предсказаніе Макарія сбылось предъ всѣми. Преподобный возрадовался вмѣстѣ съ спутниками и благословилъ употребить его въ пищу. Далѣе продолжался путь съ надеждою на Бога. Они среди дремучихъ лѣсовъ такимъ чудеснымъ образомъ постоянно уже находили для себя пищу. Иногда являлся имъ съ кротостью лось, иногда—олень. Путешественники брали ихъ безъ всякаго труда въ руки, и закаляли съ чувствомъ благодаренія къ подателю всѣхъ благъ. Такъ Богъ хранилъ ихъ отъ голода, угрожавшаго имъ смертію. Такъ преподобный совершилъ свой путь съ сопровождавшими его сподвижниками по дремучимъ Керженскимъ лѣсамъ.

Керженскаго жителя кормить лѣсъ. Лѣсной промыселъ здѣсь двоякій: одинъ состоитъ изъ рубки бревенъ, дровъ, сидки смолы и дегтя, а другой — дѣланіе кадокъ, ступъ, чашекъ, ложекъ. Первый называется собственно *лѣснымъ*; а послѣдній — *щепнымъ*.

Лѣсной промыселъ дозволяется только зимою. И вотъ, какъ скоро придетъ она, желанная гостя, разомъ мужички переселяются въ лѣсную глушь, со своими лошадьми, и тамъ живутъ себѣ въ курныхъ зимницахъ, нескучая, словно въ родныхъ избахъ. Рѣдко кто заглянетъ домой. Одни съ лѣсомъ ломаются въ качествѣ работниковъ, а другіе — какъ хозяева. Въ зиму добрый работникъ заработаетъ съ лошадыю отъ 50 до 75 рублей, а хозяинъ вдвое и втрое. А больше всего кормитъ «щепочка», какъ въ просто-народіи называется щепной промыселъ. Онъ здѣсь господствующій, потому что и сподручнѣе, какъ домашній, и свободнѣе, чѣмъ лѣсной. Лѣсной стѣсненъ многими условіями; — имъ занимаются много 200 человѣкъ, а щепнымъ — тысячи. Сплавъ разнаго лѣсу по Керженцу ежегодно простирается на сумму отъ 15 до 25 тысячъ рублей.

Верстою ниже устья Керженца, опять мель, — керженецкая. Въ мелкую воду, на

распаузку и переходъ черезъ нее суда употребляютъ до 8 дней.

На 80 верстѣ отъ Нижняго, на правомъ берегу Волги, лежитъ знаменитое село *Лысково*, съ торговою пристанью (легкіе пароходы къ Лыскову не подходятъ). Это одно изъ древнѣйшихъ селеній, построено на мѣстѣ бывшаго города Сундовита. Оно было извѣстно еще въ XV столѣтіи. Принадлежало до шестидесять перваго года дочери князя Г. А. Грузинскаго граф. Толстой. Въ немъ считается до 5 т. душъ населенія; принадлежитъ къ макарьевскому уѣзду. Въ Лысковѣ былъ главный притонъ казаковъ Стеньки Разина. По счастливому своему мѣстоположенію, село и зимой и весной наполняется многими тысячами народа, занятыми хлѣбною торговлею. Отсюда отходятъ ежегодно до 700 судовъ, съ товарами на сумму до 2 милліоновъ рублей.

Тремя верстами ниже Лыскова, на низменномъ лѣвомъ берегу, лежитъ уѣздный го-

родъ *Макаръевъ*, столь знаменитый и оживленный въ прежнее время бывшею тутъ ярмаркою, а нынѣ унылый и заброшенный.

Неудобная мѣстность служитъ причиною, что здѣсь пароходы не останавливаются, а избрали станціею село *Исады*, лежащее на противоположномъ берегу. Въ Исадахъ имѣется для ѣдущихъ на пароходахъ трактиръ, а также аптека порядочно содержимая. Въ этой мѣстности представляется путешественнику весьма оживленная картина, если ему придется быть тутъ въ ясную погоду. Вообще, тутъ, между Нижнимъ и Казанью, берега Волги чрезвычайно оживлены: то и дѣло села попадаются, да такія все славныя: взглянешь кругомъ, — тамъ и сямъ церкви виднѣются. Но та мѣстность, въ которой расположены сейчасъ названныя села и городъ, особенно хороша, и любоваться ею весьма стоитъ. Если ѣдете съ низу, то во первыхъ представляется вамъ село *Исады*, живописно раскинувшееся по нагорному берегу;

повыше, на томъ же берегу, въ глубокомъ затонѣ, виднѣется въ великолѣпной панорамѣ, съ куполами своихъ церквей, Лысково; насупротивъ—*макарьевски желты пески* и старый Макарьевъ, въ которомъ на первомъ планѣ монастырь, а потомъ развалившійся гостинный дворъ. Монастырь очень дряхлъ на видъ. Когда-то онъ былъ окруженъ двумя стѣнами, изъ которыхъ наружная теперь едва замѣтна. Оставшаяся стѣна имѣетъ на каждомъ углу по башнѣ; башни же и посрединѣ каждой стѣны. Теперь одна изъ угловыхъ башенъ, та, которая ближе другихъ къ Волгѣ, обрушилась, вѣроятно отъ дѣйствія весеннихъ водъ. Церковь была пятиглавая; средняя глава обвалилась въ 1860 году. Штукатурка обвалилась... вѣхость и дряхлость... Мѣсто, гдѣ была ярмарка, нѣсколько выше города. Тамъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки, стоитъ еще старый гостинный дворъ, напоминающій

время, когда тутъ ключемъ кипѣла замершая теперь жизнь. . .

Проѣхавши 48 верстъ отъ Исадъ, вы увидите на отлогой холмистой мѣстности праваго берега довольно большую деревню Сомовку, которая бросится вамъ въ глаза множествомъ садовъ, разведенныхъ по покатосямъ. На седьмой верстѣ отъ Сомовки (138 верстъ отъ Нижняго), находится большое и весьма красивое село Фокино, а рядомъ съ нимъ фокинская мель, которая въ мелководье тянется на 200 сажень; проходящія суда должны перегружаться. Отсюда остается 18 верстъ до Василя, города, у котораго пароходъ останавливается, какъ для пассажировъ, такъ и для нагруза топлива.

ВАСИЛЬ-СУРСКЪ.

Уѣздный городъ Нижегородской губерніи. Подъ $56^{\circ}8'$ сѣв. шир. $63^{\circ}4'$ вост. долг. отъ Петербурга—1,225 верстъ, отъ Мос-

квы—619 в. Жителей—2,500. Основанъ въ 1582 г. вел. кн. московскимъ Василиемъ Ивановичемъ. Въ 1670 году жители Василы были соумышленниками Разина.

Городскихъ извозчиковъ въ Василь-Сурскѣ нѣтъ. Но пассажиры, оставляющіе здѣсь пароходъ и имѣющіе нужду отправиться на лошадяхъ въ смежныя съ здѣшнимъ уѣздомъ уѣздные города—Курмышъ (Симб. губ.) или Ядринъ (Казанск. губ.), могутъ найти, кромѣ почтовыхъ, и вольныхъ ямщиковъ, отъ двухъ рублей до трехъ, на парѣ или тройкѣ—все равно (до Курмыша около 45 верстъ, а до Ядрина около 30 верстъ). Этихъ ямщиковъ можно найти въ Пахотной слободѣ и въ Макаровской улицѣ, у самой почти Меркурьевской пристани.

Гостинницъ здѣсь двѣ: одна принадлежитъ купцу Бѣломойкину и находится при почтовой станціи, что на Покровкѣ, противъ аптеки; другая гостинница, купца Порозенкова, находится не въ далекомъ разстояніи

отъ первой — на углу Покровки, у самой Суры. Гостинница Бѣломойкина очень чисто и даже съ комфортомъ убрана, но не слишкомъ, во-первыхъ, помѣстительна, а во-вторыхъ, часто тутъ останавливаются «проѣзжающіе» на почтовыхъ лошадяхъ и потому не всегда бываетъ тамъ покойно. Гостинница Порозенкова гораздо просторнѣе и нѣкоторыя комнаты убраны довольно чисто. Эта гостинница имѣетъ то преимущество передъ другой, что стоитъ на отличномъ мѣстѣ — на самомъ берегу Суры (виды изъ гостинницы открываются очень хорошіе), и кромѣ того въ ней находится билльярдъ. Впрочемъ этой гостинницѣ грозитъ опасность провалиться въ Суру, потому что берегъ ея то и дѣло обваливается. Есть въ городѣ сносныя лавки, въ которыхъ путешественникъ, въ случаѣ надобности, можетъ достать необходимое. Самая близкая къ пристанямъ пароходовъ и считающаяся въ городѣ лучшею — лавка Ефимова.

Василь бываетъ хорошъ во время весенняго разлива, когда вся луговая сторона Волги и Суры заливается водою, и когда съ верховьевъ Суры приходитъ безчисленное множество судовъ, такъ что ими въ полномъ смыслѣ бываетъ загромождена Сура. Тогда и Волга и Сура принимаютъ чрезвычайно оживленный видъ, да и въ самомъ городѣ начинается шумная дѣятельность; онъ какъ будто оживляется послѣ зимней спячки, которая бы рѣшительно ничѣмъ не нарушалась, если бы не пролегало здѣсь почтоваго тракту. Въ весеннее время видъ съ горы на Волгу и Суру открывается прелестный. Волга передъ самымъ городомъ образуетъ рукавъ Воложку; Сура то же подступаетъ къ Василь-Сурску зигзагами; кромѣ того на луговой сторонѣ Волги разсѣяно множество озеръ, и зритель вообще поражается большимъ обиліемъ водъ.

ОТЪ ВАСИЛЬ-СУРСКА ДО ЧЕБОКСАРЪ.

(108 верстъ).

На 24 верстѣ отъ Василя, лежитъ село Сумки, а противъ его находится сумкинская мель, которая впрочемъ затруднительна для судоходства только въ самыя низкія воды.

Въ 20 верстахъ отъ нея, впадаетъ въ Волгу, съ лѣвой стороны, рѣка *Ветлуга*.

Ветлуга вытекаетъ изъ отроговъ урало-алаунской гряды. Колыбелью ея служитъ лѣсная мѣстность въ предѣлахъ Котельническаго уѣзда Вятской губерніи. Рѣка на протяженіи слишкомъ 600 верстъ, протекаетъ по Вятской, Костромской, Нижегородской и Казанской губерніямъ, служа для двухъ послѣднихъ границею. По Ветлугѣ ходятъ барки и полубарки, плавающія больше помощію весель. Грузъ состоитъ преимущественно изъ рогожъ и другихъ мочальныхъ издѣлій, лубковъ, дегтя, смолы, досокъ, вѣтниковъ и стеклянныхъ издѣлій. Большія

суда (отъ 10 до 20 саж. длины и отъ 6 до 8 ширины) грузятся лѣсомъ и дровами. Сумма всего груза, отправляющаго съ Ветлуги простирается до 300,000 рублей; однихъ рабочихъ, занимающихся постройкою судовъ, считается 1,500 человѣкъ.

Ветлуга съ незапамятныхъ временъ служила однимъ изъ важнѣйшихъ путей сообщенія восточныхъ народовъ съ западными.

Изъ перечня товаровъ, вывозимыхъ изъ Ветлуги въ Волгу, можно видѣть, что край, прилежащій къ этому притоку великой рѣки, *Ветлужье*, — лѣсной край.

Дѣйствительно, по всему его пространству раскинулись дремучіе, подъ часъ непроходимые лѣса, которые и составляютъ его истинное, неоцѣненное богатство, въ наше время годъ отъ году получающее все большее значеніе.

Населеніе Ветлужья состоитъ изъ русскихъ и черемисъ. Послѣдніе — коренные здѣшніе обитатели, хозяева края. Первые

колонисты, но оттѣснившіе хозяевъ и сами сдѣлавшіеся хозяевами.

Русское населеніе здѣсь, подобно керженскому, весьма склонно къ расколу. Съ перваго взгляда здѣшній людъ къ православной церкви ни холоденъ ни тепелъ, ни раскольникъ ни православный, а такъ-себѣ—и нашъ и вашъ. Но если всмотрѣться попристальнѣе, то на повѣрку выходитъ, что больше не нашъ. Отпаденія отъ православія въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ на Керженцѣ, здѣсь нѣтъ, а скитовъ — видомъ не видать. Но одно это равнодушіе къ церкви заставляетъ подозрѣвать многое. Керженскій-то край, эта исконная колыбель, этотъ вѣковѣчный коноводъ раскола—вѣдь сосѣдъ. Расколъ есть и здѣсь; только онъ облеченъ въ странныя формы, ознаменованъ печатью диковинныхъ особенностей.

Здѣсь созданы свои легенды, укоренены свои вѣрованія, придуманы свои обряды. Нѣтъ здѣсь ни моельныхъ часовень, ни еди-

новѣрческихъ церквей; за то есть свой Китешъ, за то есть баснословная обитель, за то есть таинственные озера.

На верховьяхъ одного изъ многочисленныхъ притоковъ Ветлуги, — *Люнды*, есть озеро. Вода его отличается своею чистотою и прозрачностью: днемъ и ночью блеститъ она своею поверхностью, какъ зеркало. Это озеро—*Свѣтлояръ*. Оно слыветъ у раскольниковъ озеромъ святымъ; оно же и *Китешъ*.

Берега у него неровные, съ холмами, изъ которыхъ сѣверо-восточный возвышается террасою и осѣненъ березами. На вершинѣ этого холма когда-то стояла довольно просторная деревянная часовня. Въ какое время и по какому поводу она была построена, о томъ за давностью неизвѣстно. Внутренность часовни сверху до низу вся установлена была старинными образами, и передъ ними день и ночь теплились лампы. Простой народъ почиталъ ее за величайшую

святиню. Къ ней собирались для исполненія религиозныхъ обѣтовъ люди съ разныхъ сторонъ.

Про озеро рассказываютъ, что на немъ слышится иногда звонъ колоколовъ, даже говоръ таинственныхъ голосовъ, видится порою необыкновенное сіяніе, и бываетъ явленіе какихъ-то свѣтлыхъ старцевъ. Инымъ счастливымъ будто бы удавалось попадать на тайные входы въ какія-то пещеры около озера, гдѣ съ ласкою встрѣчали ихъ почтенные старцы, съ пріятностью бесѣдовали и съ любовью угощали своими неземными яствами.

Изъ ближайшихъ мѣстъ лѣтней порою приходятъ сюда на богомолье только въ праздники, а изъ отдаленныхъ краевъ — во всякое время. Самое же многолюдное стеченіе поклонниковъ бываетъ въ троицынъ день и въ праздники владимірской Божіей Матери. Въ эти дни отправляется самое торжественное моленіе и, кромѣ того, чи-

тается китешскій лѣтописецъ. Богомольцы обоего пола, старый и малый, не только покрываютъ весь священный холмъ, но вереницею стоятъ даже вокругъ всего озера. Къ растущимъ тутъ березамъ прикрѣпляютъ палочки, и на нихъ разставляютъ иконы, большею частью мѣдные складни. Ставятъ ихъ и по сучьямъ деревъ. Предъ иконами зажигаютъ восковыя свѣчи; свѣчи же держать и въ рукахъ. Скитники и скитницы, въ своемъ черномъ одѣяннѣ, играютъ тутъ главную роль; они руководятъ всѣмъ богомольемъ. Сперва отправляется всенощное бдѣніе. Затѣмъ читается сказаніе китешкаго лѣтописца. Все это совершается на-распѣвъ, протяжнымъ и гнусливымъ голосомъ. Чтецы же и пѣвцы принимаютъ на себя роль проповѣдниковъ и толкуютъ богомольцамъ о предметахъ вѣры, а главное о великой святынѣ китешской.

И все это совершается подъ покровомъ ясной, тихой ночи, съ ярко блистающими звѣз-

дами. Свѣтлыя струи озера, улегшись зеркальною гладью, какъ бы внимають чтенію и моленію всѣхъ предстоящихъ. Въ нихъ отражается и небесный сводъ съ сонмомъ своихъ звѣздъ и картинный видъ береговъ со множествомъ горящихъ свѣчъ.

Но вотъ кончились молитвы, кончилось чтеніе и поученіе. Начинается употребленіе водъ святаго озера: одни пьютъ воду, другіе умываются ею, третьи купаются, а иные наливають воды въ посудины и уносятъ съ собою въ дома.

Какихъ толковъ, какихъ объясненій и какихъ сказокъ не ходитъ объ этомъ Китешѣ въ кругу раскольниковъ; но всѣ они сходятся вотъ въ какомъ разсказѣ. Со временъ самаго Батыя, существуетъ здѣсь монастырь. А гдѣ онъ, поверхъ-ли земли, въ водахъ-ли озера, въ нѣдрахъ-ли земли—этого не знаютъ и самые мудрые вожаки раскола. Знаютъ одно, что есть монастырь и только! Далѣе: монастырь этотъ существуетъ съ тѣхъ поръ,

какъ пересталъ тутъ существовать городъ христiанскій, хотъ названіе было ему не христiанское, а чудское — Китешъ. Городъ тотъ и самъ когда то сталъ невидимъ. Въ немъ то и находится невидимый монастырь. И какъ этотъ монастырь по преимуществу святой, то въ него и поступаютъ одни только благочестивые старцы. Избранники невидимаго монастыря не безсмертны. Только убыль ихъ каждый разъ пополняется добродѣтельными же старцами. Избираются и поступаютъ они туда по своему внутреннему призванію. И путь въ Китешъ одинъ: это — *батыева дорога*, путь чрезвычайно трудный. Кто разъ попалъ на него, тотъ долженъ идти не оглядываясь назадъ и не озираясь по сторонамъ: какъ собьется съ этой батыевой дороги, то больше ужъ никогда не попадетъ въ Китешъ.

Вотъ содержаніе легенды Китешскаго лѣтописца объ озерѣ. Въ древнее время, на мѣстѣ озера стоялъ христiанскій городъ. А по-

строень онъ былъ благочестивымъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ псковскимъ, и носилъ названіе — Китешъ. Въ городѣ былъ монастырь, да и не одинъ. Поганый агарянинъ Батый, разгромивши святую русь, добрался и до этого города. А у благочестиваго князя съ православными христіанами только и осталось убѣжище, что этотъ Китешъ. Въ емъ ни затворился князь. Явились передъ городомъ басурманы и окружили его своими полчищами со всѣхъ сторонъ. Бѣжать было некуда; ожидать помощи не отъ кого. Тѣсно стало отъ поганыхъ агарянъ князю православному. Не видя никакого спасенія отъ кровожадныхъ враговъ, онъ изъ всей глубины души взмолился Богу. И Богъ услышалъ его молитву. Городъ съ княземъ, семействомъ его и со всѣми жителями, вдругъ исчезъ въ глазахъ свирѣпыхъ варваровъ, погрузился въ сокровенныя нѣдра земли. На мѣстѣ его явилось прелестное озеро; чистыя воды его заблестали, какъ хрусталь, —от-

того оно и прослыло Свѣтлояръ. Поганые агаряне такъ и пошли ни съ чемъ, а городъ тутъ существуетъ и понынѣ.—Другая святыня здѣшнихъ раскольниковъ, это нестіарская обитель, названная такъ по имени города, на которомъ находится. Нестіаръ озеро и по своимъ физическимъ свойствамъ далеко выдается изъ ряда обыкновенныхъ. На правой сторонѣ той же р. Люнды, лежитъ оно среди чистаго поля, на ровномъ мѣстѣ, за исключеніемъ сѣверной стороны, гдѣ на небольшомъ возвышеніи расположилось недавно возникшее село Нестіаръ-же. Вода въ немъ еще чище и прозрачнѣе, чѣмъ въ Свѣтлоярѣ. На глубинѣ трехъ сажень видно дно. Но исключительную особенность его составляетъ рыба. Она всего трехъ родовъ, но удивляетъ своими періодическими переселеніями. Это щука, окунь и снѣдки. Природа свела здѣсь какъ будто два враждебныхъ другъ другу племени: съ одной стороны щука и окунь, съ другой — снѣдки, ни-

какъ не могутъ ужиться между собою. Лишь только появляются одни, другіе начинаютъ исчезать. Послѣдніе живутъ и свободно разгуливаютъ по озеру, пока щука съ окунемъ не завладѣваютъ имъ. Появилась щука съ окунемъ,—снѣдки пропадаютъ всѣ—до одного, и на оборотъ. Такіе періоды существованія той или другой рыбы продолжаются неравномѣрно, — отъ 20-ти до 50-ти лѣтъ. По словамъ одного старожила, имѣющаго около 80 лѣтъ отъ роду, на вѣку его рыба чередуется уже третій разъ: ребенкомъ зналъ и ловилъ онъ снѣдковъ, въ мужествѣ появилась щука съ окунемъ, и жили они до 50 лѣтъ, а теперь стали опять появляться снѣдки, щука-же и окунь рѣдко попадаются.

Въ объясненіе этого періодическаго появленія нестіарскихъ породъ рыбы, должно допустить странствованіе ихъ изъ одного водохранилища въ другое, имѣющія между собою подземныя сообщенія.

Озеро Нестіаръ, подобно Свѣтлояру, при-

влекать толпы богомольцевъ—раскольниковъ. Ихъ привлекаетъ сюда баснословная обитель. Состоитъ она, рассказываютъ, изъ маленькаго братства, всего изъ семи старцевъ. А тѣ старцы всѣ благочестивые, и живутъ ужь не въ монастырѣ, а въ церкви. А церковь эта чудомъ перенесена сюда изъ города Васильсурска. Чудо это совершилось еще при основаніи города, и случилось именно въ праздникъ преполовенія господня. Была обѣдня. Много стояло въ церкви православныхъ,—и вотъ церковь со всѣмъ народомъ вдругъ исчезла съ лица земли. Очутилась она въ заволжскихъ лѣсахъ, на свѣтлыхъ нестіарскихъ водахъ, и до сихъ поръ остается тутъ, невидимою. Живъ или нѣтъ православный людъ, — про то ужь Богъ вѣсть. Но дѣло не въ немъ, а въ семи старцахъ: они, какъ и должно быть,—смертные, и всѣ умираютъ. Но лишь только умереть одинъ,—на его мѣсто поступаетъ другой, избранникъ Божій. Его приводитъ сюда тайный голосъ

души. Оставшееся братство становится видимымъ для него, а самъ онъ для земной братіи дѣлается невидимымъ. Китешскій монастырь въ своемъ состояніи пробудеть до скончанія вѣка; а нестіарское святое братство—только до години ожидаемаго торжества раскольниковъ, какъ они говорятъ, надъ никоніанцами.

И теперь по Ветлугѣ еще много лѣсовъ. А что было въ стародавнія времена?! Непросвѣтимою и непроходимою глушью покрывали они всѣ стороны рѣки. Страшно было вступить въ мрачныя нѣдра ихъ. Тутъ то былъ необъятный просторъ для разгула удалыхъ молодцовъ! Тутъ-то было широкое приволье для ихъ притоновъ! Лѣтомъ вода закрывала слѣды, а зимою снѣгъ засыпалъ тропы. Ветлуга и сама по себѣ, съ одними только своими поселенцами, умѣла приманивать всякій бродячій народъ; но она открывала еще путь въ древнія устюжскую и галицкую области. Главнѣйшимъ же и обшир-

нѣйшимъ поприщемъ молодчества испоконъ вѣка служила матушка—Волга, съ своими судами и богатыми прибрежными селеніями. И съ незапамятныхъ-же временъ, въ глуши ветлужскихъ лѣсовъ, гнѣздились молодецкія шайки. Притоны заводили они себѣ больше на горахъ, холмахъ и островахъ. Слѣды притоновъ остались и до сихъ поръ. Но главное, что осталось послѣ нихъ, это преданія о несмѣтныхъ сокровищахъ, будто бы скрытыхъ въ землѣ, на мѣстахъ ихнихъ пристанищъ. Эти преданія имѣютъ огромное вѣроятіе въ глазахъ мѣстныхъ жителей, такъ что отыскиваніе кладовъ составляетъ у нихъ рѣшительную манію. Эти обаятельныя сказки о кладахъ сроднились съ жизнью здѣшняго населенія до того крѣпко, что ни время, ни напрасные поиски, ничто не въ силахъ уничтожить ихъ обаятельную силу. Тѣмъ преданій о темныхъ кладахъ бродитъ и въ керженскомъ и ветлужскомъ краю. Чуть-ли не сотня писемъ или *кладовыхъ записей* съ ве-

личайшимъ секретомъ ходить тамъ по рукамъ. Скажите кому нибудь по секрету, что на такомъ-то озерѣ, около такихъ-то ямъ, лежитъ кладъ: это обаятельное слово до того вскружить головы, что, оставивши обыденныя занятія, тотчасъ бросятся на указанное мѣсто производить поиски. — Здѣсь вѣрятъ даже въ существованіе *денежнаго дерева*. Только расходятся преданія на счетъ мѣстности: по однимъ, оно на Керженцѣ, а по другимъ — на Ветлугѣ.

При устьѣ Ветлуги, лежитъ село Покровское, а подлѣ него Троицкій посадъ, съ 2000 жителей.

На 10 верстѣ отъ устья Ветлуги, а отъ Василя на 54, на лѣвомъ берегу Волги, лежитъ село Коротни, съ пристанью, на которой до ста судовъ грузится лѣсными издѣліями. А двумя верстами ниже этого села, на правомъ берегу, расположенъ городъ Козьмодемьянскъ, у котораго останавливаются легкіе пароходы. Здѣсь въ первый

разъ является предъ путешественникомъ пестрая смѣсь населенія; русскія физіономіи на пристани мѣшаются съ мордовскими и чувашскими.

КОЗЬМОДЕМЬЯНСКЪ уѣздный городъ Казанской губерніи. Лежить подъ $56^{\circ} 21'$ с. ш. и подъ $64^{\circ} 14'$ в. д.; отъ Петербурга — 1277 в., отъ Москвы 600; по Волгѣ: отъ Нижняго 212 в., отъ Чебоксарь 52 в., отъ Казани 180 в. Жителей 5 т. челов. Основанъ въ первой половинѣ XVI столѣтія. Былъ укрѣпленъ и служилъ мѣстомъ ссылки. Стоялъ на рубежѣ казанскаго царства и нижегородскихъ предѣловъ и потому былъ важенъ, какъ стратегическій пунктъ. Во времена Стеньки Разина, жители Козьмодемьянска дѣйствовали съ нимъ за одно. Во времена Пугачевщины, козьмодемьянцы были противъ Пугачева.

Жители не промышленны; торговля (хлѣбомъ и лѣсомъ) ничтожна.

Противъ Козьмодемьянска впадаетъ въ Волгу рѣчка Рудка; на ней строятъ бѣяны, на которыхъ возятъ бревна и вообще лѣсные матеріалы.

На 19 верстѣ отъ Козьмодемьянска, при Орѣховскомъ яру, есть небольшая торговая пристань, на которой грузится до 7 судовъ дровами на 15000 рублей.

На пятой верстѣ отъ нея, впадаетъ рѣчка Сундырка, текущая у подошвы горы того же имени. На горѣ этой, до покоренія казанскаго царства, было у здѣшнихъ инородцевъ укрѣпленіе, называвшееся Челымскимъ городкомъ. Оно состояло изъ землянаго вала со рвами, слѣды котораго видны и теперь, и служило охраною отъ нападенія враждебныхъ племенъ и новгородской вольницы, приходившей грабить здѣшніе богатые улусы. 9 верстами ниже, находится *кинярскій перекалъ*, протягивающійся на 150 сажень, но препятствующій тяжело нагруженнымъ судамъ только въ мелководье. Отсюда остает-

ся 20 верстъ до ближайшей станціи легкаго парохода, до Чебоксарь.

На 18 верстъ отсюда, на правомъ берегу Волги, находится спасо-гіеронтіевская, бывшая мужская, пустынь. Она построена въ половинѣ горы, поросшей мелкимъ кустарникомъ, а частію старыми березовыми деревьями.

Пустынь основана въ 1654 году. Жители города Чебоксарь, въ избавленіе отъ свирѣпствовавшаго тогда мороваго повѣтрія, вызвали изъ царево-кокшайской пустыни старца Гіеронтія и убѣдили его основать обитель. Въ 1838 году, пустынь, по Высочайшему повелѣнію, была закрыта. Всѣ монастырскія зданія существуютъ и въ настоящее время. Для служенія литургіи приходятъ сюда монахи изъ Чебоксарь, а потомъ въ обители, кромѣ караульщика, никого не остается. Около монастырской ограды течетъ ручей, вода котораго такъ мягка и пріятна на вкусъ, что въ простонародьи

называется не иначе, какъ *живою водою*. Позади этой упраздненной пустыни, саженьхъ въ 50, растеть огромный старый вязъ, которому чувашаи покланяются и приносятъ жертвы, называя его *малою кереметью*.

Наконецъ, двумя верстами ниже спасогіеронтіевской пустыни, на правомъ же берегу Волги, расположенъ городъ Чебоксары, къ которому пристають легкіе парходы.

ЧЕБОКСАРЫ.

Уѣздный городъ казанской губерніи. Лежитъ подъ $56^{\circ} 9'$ с. ш. $64^{\circ} 54'$ в. д., на правомъ берегу. Отъ Петербурга—1217 в., отъ Москвы—640 в., по Волгѣ: отъ Нижняго — 264 в., отъ Казани — 128 в., отъ Астрахани 1871 в. Время заселенія достоверно неизвѣстно: впервые имя Чебоксаръ упоминается въ грамотѣ Ивана Грознаго. Жителей около 4 т. обоего пола.

Извозниковъ городскихъ нѣтъ, а есть извозчики для перевозки тяжестей. Пріѣзжему нужно идти въ городъ пѣшкомъ, а чтобы перевезти вещи, нужно послать за телегою, такъ какъ извозчики стоятъ на торговой площади. Цѣна съ воза отъ 25 до 50 коп. Пріѣзжему нельзя рекомендовать отправляться съ пароходной пристани вече-

ромъ и ночью въ городъ: для всхода на гору не устроено лѣстницъ, а по проложеннымъ тропинкамъ ходить ночью опасно: дорога по берегу до такъ называемаго блиновскаго въѣзда устѣяна разными кольями и перепутана судовыми канатами.

На берегу никакого помѣщенія для прѣзжаго нѣтъ.

Гостиницы.

Въ городѣ три гостиницы: Лучшая, по помѣщенію и по опрятности, — Нестарова. Въ ней 4 номера для проѣзжающихъ, каждый въ двѣ комнаты. Цѣна 50 к. въ сутки. Эта гостиница ближайшая къ пароходной пристани.

Другая гостиница — купца Войлошникова. Въ ней тоже есть номера (цѣна таже).

Почти въ одной линіи съ гостинницею Нестарова, и въ такомъ же разстояніи отъ Волги, третья гостиница — купца Астра-

ханцева. Здѣсь тоже есть номера. Но эта гостинница во всѣхъ отношеніяхъ хуже нестаровской.

Бакалейныя лавки.

Ближайшая къ пароходной пристани и лучшая въ городѣ лавка купца Іовлева, на торговой площади, противъ Успенской церкви.

Достопримѣчательности.

Лучшая достопримѣчательность, это самъ городъ, со своеобразною неправильностью улицъ, съ безчисленными переулками и безпорядочнымъ расположеніемъ домовъ. Приѣзжающіе сюда жители верховыхъ городовъ говорятъ: «Чебоксары — городокъ! четыре двора, — восемь улицъ!» Лишь только поднимаетесь съ Волги по блиновскому взвѣзду, сейчасъ представится вамъ *вознесенская церковь*, съ наклонившеюся колокольнею. Много лѣтъ назадъ, гора, на которой стоитъ церковь, осѣла въ Волгу. Въ холодномъ

храмъ вознесенской церкви сдѣлались тогда трещины въ стѣнахъ и сводахъ (почему богослуженіе въ немъ прекращено); на колокольнѣ же не оказалось ни одной трещины, она только вся наклонилась на востокъ, и въ этомъ, *падающемъ*, положеніи стоитъ до сихъ поръ, напоминая собою падающую башню въ Пизѣ.

Троицкій монастырь. Построенъ по грамотѣ Ивана Васильевича Грознаго, данной въ 1566 году. Обнесенъ каменною стѣною. Около монастыря поставлена небольшая часовня, въ которой находится рѣзной изъ дерева, въ ростъ человѣка, образъ Николая Чудотворца, чрезвычайно уважаемый и чебоксарцами и окрестными жителями, даже чувашами и черемисами. Образъ этотъ называютъ они *судьею*, и не рѣдко, вмѣсто вчинанія гражданскаго иска или процесса, истецъ приводитъ отвѣтника въ часовню и заставляетъ приложиться къ образу.

Введенскій соборъ. Онъ служитъ лучшимъ

украшеніемъ города. Первоначально былъ построенъ изъ дерева, святителемъ Гуриемъ, въ 1555 году, но въ 1657 году сгорѣлъ. Спустя два года, воздвигнутъ былъ нынѣшній соборъ, каменный, пятиглавый, греческой архитектуры. Въ соборѣ много старыхъ и дорогихъ иконъ и церковныхъ вещей.

Домъ уѣзднаго училища. Тотъ самый, въ которомъ въ маѣ 1767 года, имѣла пребываніе императрица Екатерина II.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ училищнаго дома, находится домъ мѣщанина Михайлова; въ немъ останавливался Петръ Великій въ 1722 году. Памятникомъ его пребыванія въ Чебоксарахъ остались въ здѣшней покровской церкви, — *два ленты*, трехъ четвертей длины, съ гербомъ и съ надписью: *vivat Petrus Alexewitz czar.*

На торговой площади находится двухъ-этажный обгорѣлый, полуразвалившійся каменный домъ. Въ немъ, въ 1797 г., жилъ императоръ Павелъ I, съ великими князьями

Александромъ и Константиномъ Павловичами. Въ память своего пребыванія, императоръ подарилъ домохозяину золотые часы, которые и теперь сохраняются у его наслѣдника, купца Ключева.

ОТЪ ЧЕБОКСАРЬ ДО КАЗАНИ.

(128 верстъ).

На 7 верстѣ отъ Чебоксарь находится деревня Гремячево, противъ которой—Гремячевская мель.

На 29-й верстѣ, въ луговой сторонѣ Волги, по живописному скату горы, лежитъ Маріинскій посадъ, образованный въ 1856 году изъ села Сундыря и смежныхъ съ нимъ деревень. Здѣсь до 3 тысячъ жителей: весьма удобная пристань. Здѣсь пристають легкіе пароходы. 10 верстами ниже, находится мель ураковскій перекалъ.

Отсюда Волга величественно несетъ свои струи между множествомъ зеленѣющихъ

острововъ съ обрывистыми берегами, разливаясь то по одну, то по другую сторону длинными извилистыми воложками или вдаваясь въ глубь материка удобными для стоянки судовъ затонами. Берега съ, мало по малу понижаясь, даютъ просторъ взору путника на далекое пространство съ восхитительными ландшафтами. Въправо на горизонтѣ виднѣются главы церквей и высокіе, увѣнчанные лѣсомъ, холмы, окаймляющіе обширную поляну, которая весной вся затопляется водою. По лѣвому берегу тянется дремучій боръ, весь изъ сосенъ и елей. Фарватеръ чрезвычайно извилистый.

На 50 верстѣ, въ ложбинѣ праваго берега, лежитъ деревня Козловка, къ которой пристають легкіе пароходы.

На 93 верстѣ, а также на 98, находятся мели: Гуляевскій и Макарьевскій перекаты, препятствующіе проходу только тяжело-грузныхъ судовъ.

Верстами 9-ю ниже, впадаетъ въ Волгу

р. Свіяга, а на ней лежитъ уѣздный городокъ казанской губерніи Свіяжскъ, который едва видѣнъ съ Волги. Почти при слияніи Свіяги съ Волгой находится Макарьевская пустынь, расположенная въ ущельи крутой горы, которая окружена со всѣхъ сторонъ лѣсомъ.

Въ 12 верстахъ отъ казанской пристани, на правомъ берегу, лежитъ деревня Моркваша.

10-ю верстами ниже, возвышается гора Услонъ; по склону ея раскинуто село Верхній Услонъ, на священническомъ погостѣ котораго находится могила княгини Меншиковой.

Говорятъ, что надъ прахомъ ея была построена церковь, но она сгорѣла. Надгробный камень отъ времени частію разрушился, изъ надписи можно разобрать только: «Здѣсь погребено тѣло рабы божіи Д....»

КАЗАНЬ.

Расположена по рѣкѣ Казанкѣ, въ 7 верстахъ отъ берега Волги. Лежитъ подъ $55^{\circ}48'$ с. ш. и подъ $67^{\circ}9'$ в. д. Отъ Петербурга — 1456 в., отъ Москвы 782 в.; по Волгѣ: отъ Нижняго 392 в., отъ Симбирска 205 в., отъ Самары 431 в., отъ Саратова 883 в., отъ Астрахани 1743 в. Когда и кѣмъ построена—достоверно неизвѣстно; имя ея упоминается въ числѣ болгарскихъ городовъ, покоренныхъ Батыемъ въ XIII вѣкѣ. Была столицею царей ордынскихъ. Въ 1296 году, была разорена братомъ великаго князя Василія Дмитріевича Юріемъ. Возобновлена ханомъ Улу-Махметомъ, основавшимъ казанское татарское царство и сдѣлавшимъ ее столицею того же царства (1438 г.). Не разъ воевала съ русью. Въ 1552

году 3 октября была взята царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ; съ того времени и вошла вмѣстѣ съ своимъ царствомъ въ составъ Россіи. Въ 1714 году Петръ Великій учредилъ здѣсь губернію и сдѣлалъ Казань губернскимъ городомъ. Въ 1774 году Казань была обращена въ пенель Пугачевымъ. Едва успѣвши отстроиться, въ 1815 году городъ опять сгорѣлъ до половины. Въ 1842 году выгорѣлъ почти весь городъ: слѣды этого опустошенія видны и до сихъ поръ. Въ настоящее время, въ Казани 65 т. жителей; въ томъ числѣ до 10 тысячъ татаръ. Городъ торговый и промышленный. Отъ пристани отправляется товаровъ на сумму 4½ мил. рубл. въ годъ, привозится почти на 2 мил. рублей. Фабрикъ и заводовъ считается 126. Это преимущественно: кожевенные, мыловаренные и салотопенные. На всѣхъ заводахъ выдѣлывается ежегодно товаровъ на сумму 1½ мил. рублей. Особенно замѣчательны стеариновый и мылова-

ренный *Крестовникова* и К^о. Городскіе доходы простираются до 123,000 рублей.

Пристанн.

Если вы пріѣдете въ Казань весною, во время разлива, то вамъ представится прекрасная картина: въ это время Волга и Казанка сливаются свои воды, покрывая всѣ низменности и подходя подъ самый городъ, который кажется какъ бы стоящимъ на озёрѣ. Тогда вашъ пароходъ войдетъ въ Казанку и остановится противъ Адмиралтейской слободы, подъ самымъ городомъ. Эта пристань называется казанскою.

Не въ разливъ, пароходная пристань (усть-казанская) начинается отъ устья Казанки и отстоитъ отъ города на 7 верстъ. Здѣсь каждое пароходное общество имѣетъ свою отдѣльную пристань; онѣ стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) общества «Польза», потомъ 2) «Кавказъ и Меркурій», 3) Камско-Волжскаго пароходства, 4) Соважа, 5) Кли-

мова, 6) Савостьянова, 7) «Самолетъ», 8) пароходнаго общества по Волгѣ и 9) «Дружина».

На берегу этой пристани, на сыпучемъ пескѣ, построено множество лавочекъ, лавокъ, кабаковъ и трактировъ. Здѣсь во всю навигацію идетъ оживленная торговля жизненными припасами для судорабочихъ и проезжающихъ. Купить здѣсь кое-что, въ родѣ хлѣба, колбасы, водки, если вамъ нужно, можете; но пользоваться услугами трактировъ и имѣющихся при нихъ номеровъ, рѣшительно не советуемъ: грязь, шумъ, и безобразіе—въ трактирахъ; таже нечистота и тотъ-же шумъ, съ прибавленіемъ несмѣтнаго множества разныхъ насѣкомыхъ, которыя не даютъ покоя ни на минуту, — въ этихъ насквозь продуваемыхъ вѣтромъ и безъ печей номеровъ, устроенныхъ почти на подложкахъ надъ трактирами.

На этой пристани вы увидите шумную жизнь. Цѣлыя толпы разнообразнаго народа.

Крики продавцевъ и торговокъ, во весь голосъ, на разные лады, между которыми (криками) вы услышите татарскіе возгласы, предлагающіе проѣзжему или купить что-нибудь, вродѣ спичекъ, или съѣхать въ городъ. Шарманки съ своимъ «пронзительнымъ воємъ». Шумная, но безобразная музыка въ трактирахъ, заманивающихъ проѣзжаго. Извозчики на телѣгахъ, извозчики на дрожкахъ. Рабочіе, большею частію — татары, таскающіе съ парохода или на пароходъ громадныя тюки, выгнувши спину и едва не переламывая ее. Шумъ и говоръ... Весьма оживленная пристань.

Извозчики.

На пристани тѣснятся извозчики двухъ разрядовъ: на телѣгахъ и на городскихъ экипажахъ. О первыхъ сказать нечего, — возятъ себѣ, какъ слѣдуетъ. Но послѣдніе — очень плохи. Они особенно покажутся вамъ жалки послѣ лихихъ нижегородскихъ изво-

щиковъ. Трясучія и тѣсныя дрожки, облупленныя и ободранныя, въ изорванномъ кафтанѣ возница, но главное — заморенныя, чуть не падающія клячи, — все это вмѣстѣ составляетъ нѣчто, весьма дѣйствительно жалкое. Покойнаго и хорошаго экипажа, какъ въ Нижнемъ, здѣсь вы не найдете.

Въ Казани существуетъ такса для извозчиковъ, и каждый извозчикъ обязанъ имѣть печатный экземпляръ ея; она обыкновенно бываетъ прибита и на всѣхъ пароходныхъ дебаркадерахъ. Съѣхать отъ пристани въ городъ стоитъ (на легкомъ извозикѣ) отъ 40 до 50 коп.; перевезти багажъ на ломовомъ извозикѣ въ городъ за 30 коп.; ѣзда по городу въ часъ стоитъ отъ 25 до 30 коп.

Гостиницы и номера для проѣзжающихъ.

Какъ тѣхъ, такъ и другихъ, въ Казани множество.

Говоря о пристани, мы упомянули о томъ, что и на ней есть гостиницы и номера. Но

мы тогда же сказали, что пользоваться ихъ услугами, особенно помѣщеніемъ въ номерахъ, не совѣтуемъ, даже самому невзыскательному человѣку. Изъ городскихъ гостиницъ назовемъ слѣдующія:

На проломной улицѣ прежде всего можно рекомендовать, какъ по чистотѣ, такъ и по дешевизнѣ, гостиницу съ номерами Рязанова, въ которой можно имѣть помѣщеніе отъ 30 коп. въ сутки до 3 рублей. Особенно столъ: дешевъ и хорошъ. За рязановской гостиницей слѣдуетъ «Одесса». Это довольно удобная гостиница для небогатаго люда. Купцамъ, главнымъ образомъ, рекомендуемъ номера гг. Тихановыхъ, въ домѣ которыхъ помѣщается и купеческій клубъ. Эта гостиница вполнѣ исправная и не уступитъ Рязановской.

Кафе: Воскресенская улица представляетъ два ресторана: Комонена, отличающійся изяществомъ отдѣлки и хорошимъ *table d'hôte* (45 коп. обѣдъ) и Германа, имѣющій

болѣе плебейскій характеръ. Оба ресторана находятся vis-a-vis.

Присутственные мѣста помѣщаются въ крѣпости.

Почтовая контора — около театра, въ центрѣ города.

Телеграфная станція — также близъ театра.

Книжная лавка—Кожанчикова на Воскресенской улицѣ.

Обращаемъ вниманіе путешественника на торговлю кожевенными издѣліями въ Казани. Здѣсь гораздо дешевле, чѣмъ гдѣ нибудь по Волгѣ, можно пріобрѣсть: обувь, сафьянный матрасъ, сафьянную подушку, сакъ-вояжъ и тому подобное. Все это имѣется въ здѣшнихъ лавкахъ въ большомъ и разнообразномъ выборѣ. Многія вещи отличаются замѣчательнымъ достоинствомъ по прочности и изящности отдѣлки.

Достопримѣчательности.

Университетъ, основанный въ 1804 году (находится на Воскресенской улицѣ, въ концѣ ея, противоположномъ тому, который упирается въ крѣпость). При немъ имѣются: обсерваторія, физическій, зоологическій кабинеты, химическая лабораторія, анатомическій театръ, библіотека и клиника.

Университетскія зданія весьма красивы; состоятъ, кромѣ главнаго дома, изъ нѣсколькихъ большихъ домовъ, занимающихъ цѣлый кварталъ. Клиника, весьма большое зданіе, стоитъ отдѣльно, напротивъ главнаго зданія. На университетскомъ дворѣ поставленъ памятникъ Державину. По числу студентовъ, казанскій университетъ самый малолюдный въ Россіи.

Кремль. Основаніе кремля приписываютъ хану Улу-Махмету въ XV столѣтіи. Онъ обнесенъ былъ двойной деревянною стѣною, снаружи стѣны были вырыты ровъ. Время

и частые пожары окончательно уничтожили прежнія постройки; теперь ровъ засыпанъ, а прежняя деревянная стѣна замѣнена каменною, имѣющею 735 сажень въ окружности. До пашествія Пугчева она имѣла нѣсколько башенъ съ воротами, изъ которыхъ теперь сохранилось только три: *спасская*, чрезъ которую въѣзжаютъ въ Кремль съ Воскресенской улицы; *тайницкая*, (гдѣ былъ ходъ въ *тайникъ*, откуда осажденные казанцы брали воду), которая выводитъ изъ Кремля на Казанку, и *пятницкая*, на сѣверовосточной сторонѣ.

Въ Кремлѣ замѣчательны:

Благовѣщенскій кафедральный соборъ, основанный Иваномъ Грознымъ. Въ немъ — мощи святителя Гурія.

Спасопретображенскій монастырь, основанный въ 1556 году, повелѣніемъ царя Ивана Грознаго. Въ немъ мощи св. Варсонофія.

Церковь Кипріана и Устиньи, близъ монастыря; построена Иваномъ Грознымъ, въ память взятія Казани.

Присутственные мѣста, въ одной изъ комнатъ которыхъ находится тропный залъ. Полагаютъ, что въ старину тутъ были царскія палаты.

Дворецъ, весьма красивое зданіе, въ которомъ живетъ казанскій губернаторъ.

Башня Сююмбеки или *Сумберки*. Высокое сооруженіе; говорятъ, будто остатокъ могущества орды; но, послѣ строгаго разбора архитектурнаго стиля, находятъ, что она построена не дальше какъ въ прошломъ столѣтіи, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Грозный, взявши Кремль, приказалъ истребить въ немъ не только дома, но даже разметать храмы и гробницы царей. Казанскіе татары по преданію утверждали, что въ яблукѣ на шпигѣ башни хранятся какія-то таинственныя и важныя для нихъ бумаги. Въ

1830 году, шаръ этотъ былъ снятъ и осмо-
трѣнъ. Мечта татарская разрушилась: онъ
оказался пустой и сдѣланъ изъ латуни. Башня
имѣетъ вышины 244 фута; основаніе ея въ
одной сторонѣ—42, а въ другой—36 фут.

Вблизи Кремля находится *Богородскій ка-
занскій двѣичій монастырь*; построенъ въ
1579 году, по случаю явленія иконы Ка-
занской Божьей Матери, которая икона въ
этомъ монастырѣ и обрѣтается. Монастырь,
вслѣдствіе огромныхъ приношеній, чрезвы-
чайно богатъ; имѣетъ множество драгоцен-
ныхъ вещей.

Зилантовскій успѣнскій монастырь. Ос-
нованъ Иваномъ Грознымъ. Прежде онъ
былъ построенъ въ 1½ верстахъ отъ города,
на послѣднемъ уступѣ Зилантовой горы, на
томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была государева
ставка во время осады Казани. Въ 1559
году, весеннимъ разливомъ его разрушило,
и онъ былъ перенесенъ на вершину горы,
гдѣ также была ставка царя. Теперь онъ

въ 3 верстахъ отъ города. Мѣстность его весьма хороша: онъ окружонъ съ трехъ сторонъ Казанкою и стоитъ весь въ зелени на *Зилантовой* горѣ. Про эту гору преданіе говоритъ, что въ одной изъ ея пещеръ жилъ когда-то крылатый змѣй *Зилантъ*; онъ леталъ пить на озеро, которое потому и называется змѣинымъ. Монастырь окружонъ каменной оградой съ бойницами и крытыми переходами.

Памятникъ надъ могилою убитыхъ подъ Казанью воиновъ. Онъ находится на холмѣ, въ 1½ верстахъ отъ города. Когда подъѣзжаете къ Казани съ пристани, онъ прежде всего обращаетъ на себя ваше вниманіе.

Имѣетъ видъ усѣченной пирамиды, 10 кв. сажень въ основаніи и 10 саж. высоты, съ фронтонами со всѣхъ сторонъ. Построенъ по чертежу архитектора Алдирова, начатъ въ 1812, оконченъ въ 1823 годахъ. Площадь вокругъ памятника выложена камнемъ.

Вершина увѣнчена вызолоченнымъ крестомъ, Весь онъ снаружи обложенъ листовымъ железомъ. Внутри, въ углахъ, устроены четыре келіи, а въ срединѣ—церковь; подъ спудомъ, въ подземельной пещерѣ, устроенъ гробъ, въ которомъ собраны кости воиновъ. Каждую субботу и воскресенье, въ его церкви совершается богослуженіе.

Адмиралтейство было основано въ Казани по повелѣнію Петра I-го въ 1718 году на устьѣ Казанки. Тутъ же устроены были жилища для рабочихъ, — и основалась *адмиралтейская слобода*, сохранившая свое названіе и до сихъ поръ. Во время Петра и послѣ, здѣсь строились всякаго рода суда для каспійской флотиліи и для гардкотныхъ командъ, разѣзжавшихъ по Волгѣ, для охраненія торговли отъ грабежей и разбоевъ. Здѣсь, подъ навѣсомъ, хранится галера *Тверь*, на которой императрица Екатерина II совершила свое путешествіе по Волгѣ.

Въ настоящее время адмиралтейство со-

вершенно уничтожено, и построекъ судовъ здѣсь не производится.

Дороги и водяные пути.

Казань весьма важный пунктъ, какъ перепутье. Здѣсь сворачиваютъ съ Волги, для отправленія въ Вятку, Пермь и Сибирь. Въ Пермь весьма удобно отправиться водянымъ путемъ: легкіе пароходы обществъ «Самолетъ», «Кавказъ и Меркурій» дѣлаютъ правильные рейсы между Пермью и Казанью. Въ Вятку, хотя и не весьма удобно, но тоже можно пробраться водою. Для этого нужно отыскать прикащика вятскаго купца Куклина, который имѣетъ два парохода, дѣлающіе рейсы по рѣкѣ Вяткѣ; пароходы эти: «Вятка» и «Орловъ». Ходятъ они чрезвычайно медленно и совершенно не по срокамъ, помѣщеніе для пассажировъ весьма неудобное; но однако же возятъ.

Для отправляющагося по сибирскому тракту сухимъ путемъ имѣется въ Казани вольная почта. Контора находится на Булакѣ.

ОТЪ КАЗАНИ ДО СИМБИРСКА

(205 верстъ).

На 29 верстъ отъ Казани встрѣчается мель тельковская, которая простирается сажень на 300. На ней фарватеръ ежегодно мѣняется; но она впрочемъ въ меженное время мѣшаетъ проходу только тяжело нагруженныхъ судовъ. Пробѣжавши 8 верстъ отъ тельковской мели, вы увидите большое село Красновидово. А нѣсколько ниже опять перекаты: красновидовскій и антоновскій, которые такъ же какъ и тельковскій, ежегодно мѣняютъ свои мѣста, и также задерживаютъ ходъ только тяжелогрузныхъ судовъ. 9-ю верстами ниже, на 56 верстъ отъ Казани, на правомъ берегу, лежитъ большое село Богородское. Къ его пристани подходитъ пароходъ. Село расположено на покатости возвышеннаго берега, отъ котораго идетъ песчаная коса, препятствующая приставать къ берегу, — пароходы пристають на полвер-

сты выше села. Противъ Богородскаго впадаетъ въ Волгу ея младшая сестра, большій изъ всѣхъ волжскихъ притоковъ—Кама.

На 70 верстѣ, на правомъ берегу, лежитъ село *Кирельское*, Воскресенское тожъ. Оно расположено по спуску горы Соколъ, при рѣчкѣ Клярѣ, на красивой мѣстности. Жителей до 1200 душъ, занимающихся хлѣбопашествомъ, рыбною ловлею и бурлачествомъ. Начало заселенія относятъ къ XVII вѣку. Около этого села, на берегу Волги, въ дачахъ села Рождественскаго, находятся двѣ замѣчательныя пещеры.

Одну изъ нихъ жители называютъ *леденою*. Въ нее входятъ чрезъ полукруглое отверстіе, отстоящее сажени на 4 отъ берега; за отверстіемъ — довольно обширная сводчатая комната съ гладкими, какъ бы обтесанными стѣнами. Далѣе идетъ другая комната, съ полукруглымъ - же входомъ; своды ея также правильны, какъ и въ первой, но вмѣсто пола — озеро, покрытое до-

вольно толстымъ слоемъ льда. Другая пещера извѣстна подъ названіемъ — *водяной*. Она также состоитъ изъ правильной комнаты со сводами; дно ея покрыто никогда не замерзающею водою, которая мѣняетъ свой уровень вмѣстѣ съ Волгою. По бокамъ этой пещеры есть еще другія, заваленныя, вѣроятно, отъ неискусной разработки жителями камня, который они ломаютъ на берегу.

На 82 верстѣ, на лѣвомъ берегу, противъ деревни Тенишевой, находится *сюкеевскій* перевозъ, а отъ него идетъ взъѣздъ на гору, къ селу Сюкееву. Ниже взъѣзда, на бичевникѣ, находится самородная сѣра лежащая въ плотномъ известнякѣ, изобилюющимъ нефтью.

По берегу течетъ чисто нефтяной ручей, водой котораго иногда пріѣзжаютъ сюда лѣчиться. Въ жаркіе дни нефть вытекаетъ изъ береговъ; простолюдины называютъ ее ка-

меннымъ масломъ; они се собираютъ, и натираются ею отъ разныхъ болѣзней.

На 89 верстѣ, на горной скалѣ, на самомъ берегу Волги, есть еще пещера. Входъ въ нее составляетъ совершенно правильная арка.

Въ пещерѣ есть отдѣленіе съ довольно правильнымъ образованіемъ стѣнъ и потолка. Изъ этого отдѣленія идетъ крутой алебастровый спускъ въ другую пещеру, квадратной формы, со сводами до $4\frac{1}{2}$ саж. высоты. На днѣ ея вода, глубиною до $\frac{3}{4}$ арш. Съ правой стороны, за грудой камней, идетъ корридоръ, съ широкимъ отдѣленіемъ, которое также загромождено камнями. Со стѣнъ и потолка текутъ сѣрные и нефтяные ключи. Тутъ же есть и другой корридоръ; въ даль пещера не обслѣдована. Полагаютъ однакоже, что первый корридоръ длиною до 35 саж., а второй до 70 саж. Въ первомъ свѣча гаснетъ, а во второмъ горитъ хорошо.

На восемь съ небольшимъ верстъ отъ этой пещеры, на 16 верстѣ отъ суксеевскаго перевоза, лежитъ деревня Лобышка. Въ этомъ мѣстѣ Волги есть яма, глубиною въ 8 сажень, въ которую осенью забирается красная рыба. Яма удобна для рыболовства, потому что примыкаетъ къ острову Кабаньему, около котораго суда не ходятъ и не пугаютъ рыбы. Въ хорошій годъ уловъ рыбы бываетъ до 1600 пудовъ, въ томъ числѣ до 1000 пудовъ однихъ стерлядей. Отъ этой мѣстности остается 6 верстъ до города Тетюшъ, гдѣ пристаетъ пароходъ.

Немного повыше Тетюшъ, въ луговой сторонѣ Волги, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, сохранились развалины бывшей столицы болгарскаго царства — *Болгаръ*. Это одно изъ многочисленныхъ городищъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ по Волгѣ, Камѣ и ихъ притокамъ, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о стародавней дѣятельности и богатствѣ народовъ, когда-то

населявшихъ и оживлявшихъ этотъ край. Рядомъ съ развалинами древнихъ Болгаръ, расположилась деревня, носящая то-же имя—Болгары. Развалины примыкаютъ къ сельской церкви. Они окружены остатками вала и рва. Изъ зданій лучше всѣхъ сохранился одинъ магометанскій минареть, почти совсѣмъ уцѣлѣвшій отъ разрушенія. Развалины были долго совершенно забытыми и заросли густымъ лѣсомъ. Петръ великій велѣлъ разчистить лѣсъ и приказалъ беречь уцѣлѣвшіе остатки. Но повелѣніе его давно уже забыто: между развалинами разведены пашни, а камни отъ строеній и надгробные памятники, съ интересными армянскими, турецкими и арабскими надписями, берутся на постройки. Нѣкоторыя могилы пользуются до сихъ поръ особеннымъ уваженіемъ казанскихъ татаръ, которые ходятъ сюда на поклоненіе праху магометанъ, здѣсь погребенныхъ. Въ развалинахъ, до настоящаго времени находятъ много древ-

нихъ монеть, украшеній, колець и тому подобное.

Тетюши. Уѣздный городъ казанской губерніи. Лежить на правомъ берегу Волги, подъ $54^{\circ} 59'$ с. ш. и $66^{\circ} 30'$ в. д. Отъ Петербурга — 1610 в., отъ Москвы — 941 в., отъ Казани по Волгѣ 104 версты, отъ Симбирска — 101, отъ Нижняго — 506, отъ Астрахани 1639 в. Основанъ въ 1571 г. Жителей около 2500.

Городъ лежитъ на обрывѣ въ 70 сажень вышины. Съ пристани его не видно: только на берегу раскинуто до 50 амбаровъ для хлѣба. Городъ бѣденъ и не промышленъ; главное занятіе жителей — судоходство и рыбная ловля.

Отъ Тетюшъ горный берегъ покрытъ лѣсомъ. Въ семи верстахъ отъ города, на лѣсной площадкѣ, стоитъ часовня. Это мѣсто называется *Старыми или Нижними Тетюшами*. а также *богородицкимъ рынкомъ*.

Первое названіе объясняется существующимъ у Чувашъ и Мордвы преданіемъ,

будто тутъ прежде находился городъ. Второе названіе объясняется преданіемъ, сохранившимся у окольныхъ русскихъ жителей. Въ цвѣтущее время болгарскаго царства, какой-то болгарскій царь ходилъ воевать съ русскими. Однажды, воротясь съ богатой добычей послѣ кровавой съ ними битвы, привезъ съ собою плѣнницею русскую княжку, неописанную красавицу. Онъ женился на княжнѣ и уговаривалъ перемѣнить вѣру; но она осталась тверда въ христіанствѣ. Во время постовъ, царица удалялась на другую сторону Волги и молилась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь часовня.

Около 1589 года, здѣсь былъ основанъ мужской монастырь, раззоренный и сожженный въ половинѣ XVII вѣка волжскою вольницею. Въ концѣ семисотыхъ годовъ, на этомъ мѣстѣ явился образъ, такого же вида и величины, какъ икона Казанской Божьей Матери, находящаяся въ казанскомъ женскомъ монастырѣ. Образъ былъ пере-

несенъ въ Тетюши, а на мѣстѣ его явленія построена часовня, существующая здѣсь теперь. Сюда до сихъ поръ, въ лѣтнее время, сходится много богомольцевъ. Бурлаки не проходятъ часовни безъ того, чтобы не помолиться.

На 8 верстѣ отъ Тетюшъ, на лѣвомъ берегу, лежитъ село *Никольская Полянка*. При немъ есть урочище, на которомъ, по сѣверную сторону селенія, идетъ земляной валъ. Кѣмъ и когда онъ насыпанъ, обстоятельно неизвѣстно. По близости деревни *Балымера*, предполагаютъ, что валъ этотъ остатокъ древняго болгарскаго города *Большмата*: предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что *Балымеръ* иногда называется и *Балыматомъ* въ старыхъ актахъ на земли этой деревни.

Повыше *Балымера*, ближе къ берегу, есть огромная насыпь *шеломъ*, въ окружности до 200 сажень, вышиною 10 сажень. На ней видно нѣсколько ямъ.

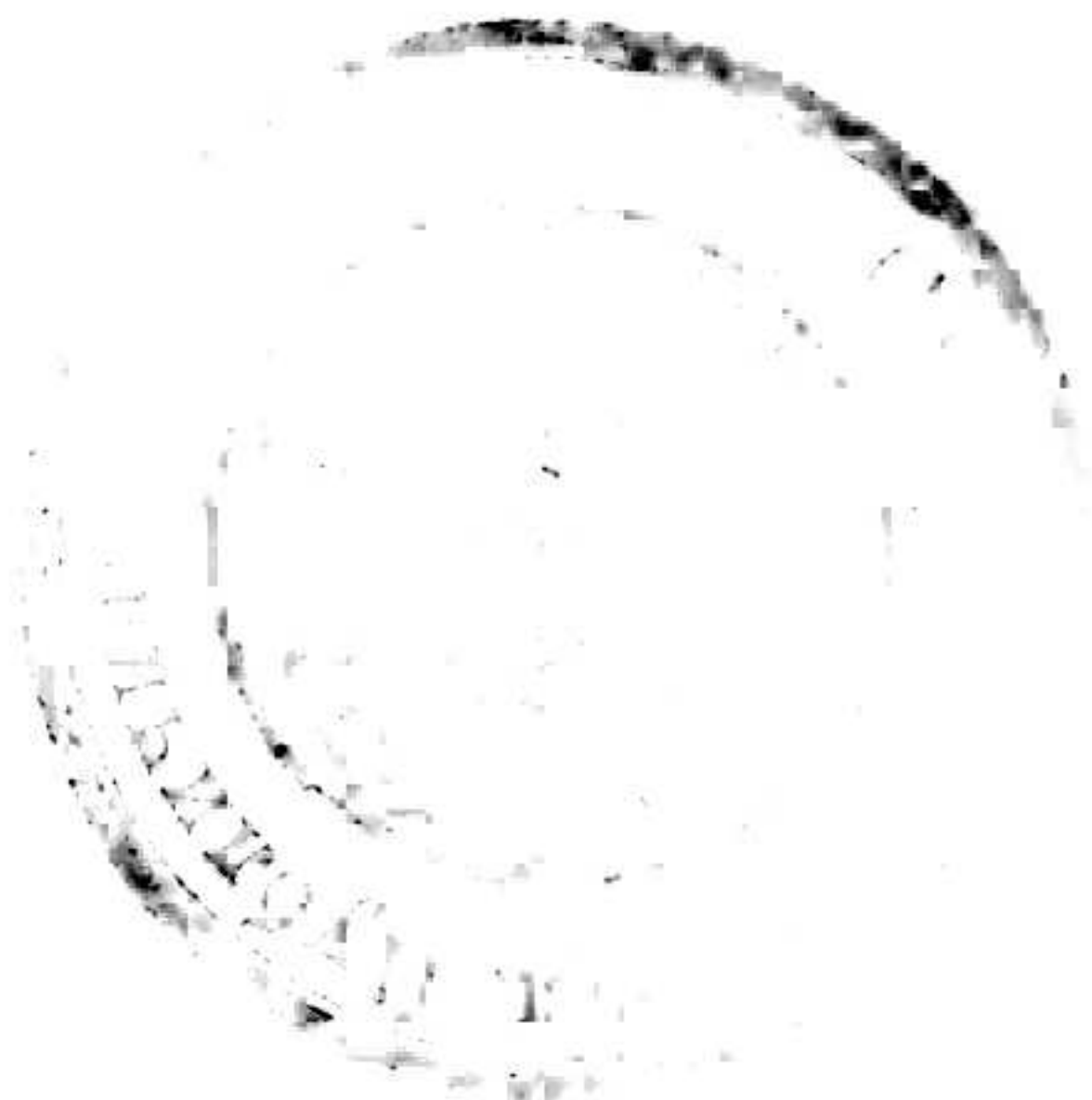
Преданіе говоритъ , что въ боку этого кургана былъ проходъ и въ немъ желѣзныя двери. Разсказываютъ , что въ шеломѣ зарыты большія сокровища , вывезенныя изъ болгарскаго царства.

Въ 6 верстахъ отъ деревни, видѣнъ земляной городокъ , окруженный валами , поросшій густымъ лѣсомъ ; близъ него урочище *Мазарки* , съ ямами , называемыми мордовскимъ кладбищемъ . Къ востоку отъ деревни тянется большой земляной валъ , неизвѣстно когда , кѣмъ и для чего сдѣланный.

Начиная съ 20 версты отъ Тетюшъ , у праваго берега , тянутся одинъ за другимъ пять лѣсистыхъ острововъ . Въ этомъ мѣстѣ , на луговой сторонѣ , верстахъ въ 5 отъ берега , находится село Никольское , Грязнуха тожъ (одинодворцы) . Неподалеку отъ него лежитъ деревня Волосникова , внутри которой на краю возвышеннаго кряжа , стоятъ два городка , обнесенные земляными

валами. Въ нихъ находятъ желѣзныя стрѣлы, копья и горшки изъ красной глины.

На 41 верстѣ отъ Тетюшъ, впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны рѣка *Майна*, служащая границей симбирской и самарской губерній. Она судоходна только отъ устья на восемь верстъ, до лежащаго на ней села *Старая Майна* (здѣсь покупаютъ хлѣбъ). Близъ устья р. Майны — пароходная пристань, у которой легкіе пароходы останавливаются. Отъ этой станціи до Симбирска остается 60 верстъ.

СИМБИРСКЪ.

Лежить на правомъ берегу Волги, подъ $54^{\circ}19'$ с. ш. и подъ $66^{\circ}4'$ в. д., отъ Петербурга — 1458 в., отъ Москвы 781 в., по Волгѣ: отъ Нижняго — 597 в., отъ Казани 205 в., отъ Самары 226 в., отъ Саратова 678 верстѣ, отъ Астрахани 1538 верстѣ. Жителей 24000. Основанъ въ 1648 г.: былъ укрѣпленъ для огражденія края отъ набѣговъ кочевниковъ и татаръ. Въ сентябрѣ 1670 г. выдержалъ осаду Разина, который былъ тутъ разбитъ. Въ 1707 году былъ приписанъ къказанской губерніи, а въ 1717 году къ астраханской. Въ 1775 году сюда былъ привезенъ въ желѣзной клѣткѣ Пугачовъ и отсюда отправленъ въ Москву. Въ 1780 году въ Симбирскѣ открыто намѣстничество, и онъ назначенъ губернскимъ городомъ. Въ августѣ 1864 года опусто-

шенъ пожаромъ, вслѣдствіе чего большая и лучшая часть его находится въ развалинахъ. Торговля города весьма незначительна. Городъ, по преимуществу, дворянскій.

Симбирскъ, какъ уже сказано, расположенъ на высокой и крутой горѣ. Когда вы подъѣдете къ нему, то вамъ его совсѣмъ и не видно. Глядя на берегъ, нельзя и подумать, что пароходъ подошелъ къ губеринскому городу: подгорная часть города, занимающая собственно приволжское пространство, походить болѣе на деревню, съ своими бѣдными, въ безпорядкѣ разбросанными домиками. Въ городъ поднимаются *петропавловскимъ шоссеинымъ спускомъ*, который протягивается на цѣлыя четыре версты. Спускъ этотъ огромное сооруженіе и стоитъ большихъ денегъ; но не совсѣмъ удовлетворяетъ своему назначенію, потому что не подходитъ къ самому берегу. Пространство-же между имъ и пароходными пристанями наполнено ямами и рытвинами,

по которымъ опасно ѣздить и въ легкомъ экипажѣ даже въ сухую погоду, а телѣга съ кладью легко можетъ опрокинуться; послѣ-же самага небольшого дождя, отъ вязкости почвы, тутъ нѣтъ ни проѣзда ни прохода, — и горе тому пріѣзжему, которому придется пробираться въ грязь отъ пристани до спуска: онъ рискуетъ завязнуть окончательно и долженъ считать себя счастливымъ, если отдѣлается только тѣмъ, что выпачкается въ грязи.

Есть еще природный взѣздъ въ городъ, чрезъ Смоленскую гору; тутъ придется проѣхать до гостиннаго двора не болѣе версты; но онъ крутъ и въ сырое время неудобенъ для проѣзда.

Извозчики рѣдко стоятъ у самыхъ паромныхъ пристаней; они обыкновенно ожидаютъ пассажировъ у конца спуска.

Пожаръ 1864 года, обратившій въ развалины и жилища горожанъ, и общественныя зданія, сооружавшіяся въ теченіе дол-

гихъ лѣтъ, и памятники симбирской старины, какъ бы затѣмъ, чтобы повѣдать о себѣ грядущимъ вѣкамъ, сохранилъ монументъ Н. М. Карамзину. Памятникъ состоитъ изъ гранитнаго пьедестала, на которомъ стоитъ, опершись на скрижаль и держа въ рукѣ трубу, статуя музы исторіи Кліо. На барельефахъ пьедестала изображены нѣкоторыя сцены изъ жизни Карамзина. Нагія фигуры какъ бы селятся закутаться въ тѣ греческіе плащи, которыми надѣлила ихъ игривая фантазія художника и которые, къ слову сказать, вовсе нейдутъ къ русскимъ людямъ, русскимъ обычаямъ и русскимъ морозамъ. Исполненіе монумента принадлежитъ П. А. Ставасеру. Весь памятникъ вышиной въ 5 саж. и обнесенъ бронзовой рѣшеткой.

Въ память того-же знаменитаго симбиряка очень хорошая публичная библіотека въ Симбирскѣ называется *Карамзинскою*. Она помещается въ домѣ дворянскаго собранія.

На первой недѣлѣ великаго поста въ Сим-

бирскѣ бываетъ довольно значительная ярмарка, называемая *сборною*. Обороты ея простираются до суммы свыше четырехъ милліоновъ.

Гостинницъ для прїѣзжающихъ въ Симбирскѣ нѣтъ, есть только номера и постоянные дворы; но какъ тѣ, такъ и другіе всѣмъ неудовлетворительны.

ОТЪ СИМБИРСКА ДО САМАРЫ.

(226 верстъ).

Отъ Симбирска видъ береговъ, или, лучше сказать, праваго берега, становится характернѣе, чѣмъ въ верху: онъ окаймленъ почти сплошь высокими горами, поросшими лѣсомъ; изрѣдка въ лощинахъ попадаются деревни, но за ними опять тянется дикое и крутое побережье. Волга замѣтно становится шире и глубже. Лѣвый берегъ дѣлается все низменнѣе, носить на себѣ степной характеръ и такъ же мало населенъ, какъ и правый. Здѣсь

уже далеко не то, что въ нижегородской и казанской губерніяхъ: не такъ часто бросаются въ глаза бѣлѣющія церкви, часовни, монастыри: на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ взоръ путешественника скользитъ лишь по пустыннымъ берегамъ, съ одной стороны упираясь въ угрюмыя горы, съ другой уходя въ безпредѣльное пространство степной равнины.

Наглядно сознаете, вступая въ эти края, что это край новый, не коренная русь, край, въ который русскій человѣкъ пришолъ колонистомъ и во время недавно минувшее, такъ что и не успѣлъ еще хорошенько заселить его и сообщить ему видъ, обнаруживающій прочную культуру. Но сама по себѣ Волга, чѣмъ дальше отъ Симбирска, тѣмъ шире и раздольѣе становится, съ своими пустынными берегами. Кому приходится въ первый разъ плавать по этой царственной рѣкѣ, того особенно поражаетъ это раздолье водъ, это величіе картинъ, которыя широ-

кими чертами раскидываются на берегахъ ея. При видѣ этой великой рѣки, совершенно понятно становится, какимъ источникомъ жизни и движенія служить она и тѣмъ болѣе еще будетъ служить для восточной и низовой Россіи, для всего края, къ ней прилежащаго, и какія силы вызываетъ она мало по малу изъ земли, орошаемой ея волнами.

Первое значительное населеніе ниже Симбирска, въ 28 верстахъ отъ него, на правомъ берегу—деревня *Кріуши*. Здѣсь находится гавань пароходнаго общества по Волгѣ, учрежденнаго въ 1843 году. 12-ю верстама ниже, на томъ же берегу—село *Шиловка*, отъ котораго остается 16 верстъ до Сенгилея, у пристани котораго станція легкихъ пароходовъ.

Сенгилей. Уѣздный городъ Симбирской губерніи. Лежитъ на правомъ берегу, подъ $53^{\circ}58'$ с. ш. $62^{\circ}28'$ в. д. Отъ Петербурга—1515 в., отъ Москвы 838 в., отъ Симбир-

ска 56 в., отъ Самары 170 в. Жителей около 5 т. Первоначальное заселеніе въ XVII столѣтіи. Городъ весьма незначителенъ и бѣденъ, такъ что не имѣетъ возможности воздвигнуть другой церкви, не смотря на совершенную недостаточность одной, существующей.

Противъ Сенгиля на Волгѣ, лежитъ островъ Костамышъ, длиною въ 9, а шириною до 3 верстъ. Онъ покрытъ лѣсомъ и имѣетъ хорошіе луга. Волга противъ Сенгиля, не включая острова, имѣетъ ширины отъ полуторы до двухъ верстъ.

Въ 19 верстахъ отъ Сенгиля, на лѣвомъ берегу, находится большое удѣльное село *Хрящовка*; хлѣбная пристань, — село богатое. Немного понижее Хрящовки впадаетъ въ Волгу рѣка большой Черемшанъ. Въ 15 верстахъ, на правомъ берегу, расположено село *Новодѣвичье* — станція пассажирныхъ пароходовъ, отстоящая на 91 версту отъ Симбирска и на 135 верстѣ отъ Самары.

Хлѣбная пристань, на которой построено до 90 амбаровъ. За Новодѣвичьимъ вскорѣ начинаются знаменитыя горы—*Жигули*. На 39-й верстѣ отъ него лежитъ село *Усолъе*, расположенное въ 4 верстахъ отъ берега, на вершинѣ пресловутыхъ жигулевскихъ горъ. Его не видно съ берегу.

Преданіе говоритъ, что въ половинѣ XVI вѣка, русскіе переселенцы съ береговъ Камы, привлеченные сюда слухами о существованіи соляныхъ ключей, поселились на этомъ мѣстѣ для добыванія соли. Въ то время въ окрестностяхъ Усоля кочевали ногайскіе татары. Крупныя насыпи или курганы въ нынѣшнихъ усольскихъ дачахъ, по преданію, ничто иное, какъ могилы славныхъ витязей и мурзъ ногайскихъ. — Русскіе, поселившись въ Усолѣ, обнесли его стѣнами и башнями съ бойницами, а для наблюденія за непріателемъ устроили на усольской горѣ сторожевую башню. — По преданіямъ-же извѣстно, что промышлен-

ники наши часто дрались съ татарами, иногда оставались побѣдителями, а иногда были сами побѣждены. Однажды въ кровопролитной схваткѣ, татары одолѣвали усольцевъ. Усольцы вспомнили, что у нихъ есть женищина — богатырь и уговорили ее вступить въ ряды сражающихся. Она вскочила на бѣлаго коня, и съ саблею въ рукѣ бросилась въ середину сѣчи. Появленіе ея ободрило сражающихся, они стремительно напали на непріятеля — и разбили его на голову. Тутъ была буквальная сѣча, татаръ гнали, рѣзали и рубили. Въ воспоминаніе столь славной побѣды, мѣсто, на которомъ сражались, назвали *рубленнымъ*. Теперь оно поросло лѣсомъ, но и по нынѣ сохраняетъ старое названіе.

Въ 1632 году, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, городокъ Усолье съ окружающими селеніями отданъ былъ купцу Надѣю и сыну его Семену Свѣшниковымъ и нѣсколько времени называлось *Усольемъ - На-*

дѣиискимъ. Подъ этимъ названіемъ оно извѣстно въ исторіи возмущенія Стеньки-Разина. Тогда укрывалось въ немъ до 2 т. казаковъ, отступившихъ сюда послѣ пораженія подъ Симбирскомъ. Въ 1660 г., царь Алексѣй Михайловичъ отдалъ усольскую вотчину Савинскому Сторожевскому монастырю. Въ 1710 г. Петръ Великій пожаловалъ ее князю Меншикову, а въ послѣдствіи она сдѣлалась казеннымъ селеніемъ, и городокъ Усольскій съ соляными его заводами былъ уничтоженъ. Екатерина II, въ 1768 г., отдала Усолье графамъ Орловымъ, которыхъ потомки владѣютъ имъ и по настоящее время.

Послѣдній владѣлецъ Усоля Орловъ-Давыдовъ, на мѣстѣ бывшей сторожевой башни, поставилъ прекрасную каменную башню, состоящую почти изъ однихъ оконъ, которая носитъ названіе *усольской свѣтелки*. Изъ нея представляется великолѣпный видъ, открывается чудная панорама на 90 верстъ

въ окружности. Сengiлей, съ горами его окружающими, называемыми — *сенилейскія ушн*, видѣнъ, какъ на ладони. Отъ свѣтелки начинаются Жигули, рядомъ съ ними — горы *новодъвичи*; здѣсь виднѣется Волга во всей своей величавости, и голубой пеленой омываетъ горы, такъ тѣсно связанныя со всѣми сказаніями о низовой вольницѣ вообще и о Стенькѣ Разинѣ въ особенности. Здѣсь, какъ и ниже на Волгѣ, нѣсколько кургановъ до сихъ поръ носятъ названіе *Стенькиныхъ кургановъ*; они вообще отличаются неприступностью.

Жигулевскія горы тянутся отъ Усоля на 80 верстъ, непрерывною цѣпью, или, лучше сказать, неприступною, возвышаясь въ иныхъ мѣстахъ сажень на 80 надъ поверхностію воды. Это дикія, утесистыя скалы, поросшія лѣсомъ и кустарникомъ, въ которомъ водятся теперь лишь хищныя звѣри, а въ старину имѣли притонъ преслѣдуемые люди. Жигули великолѣпны! Не то что-

бы они были очень высоки; но ихъ величественный видъ, облитый съ верху до низу зеленью, внушаетъ невольное благоговѣніе. Къ тому же они чрезвычайно разнообразны. Иногда кажется, что видишь предъ собою остатки и развалины громадныхъ укрѣпленій, когда-то давно выстроенныхъ, — и дѣло природы представляется удивительныхъ дѣломъ рукъ человѣческихъ: слои известковой формациі въ круглыхъ утесахъ кажутся рядами старинной каменной кладки; выступаютъ круглыми правильными очертаніями башни и бойницы, и кое-гдѣ пробивается по нимъ зелень, какъ будто выросшая на развалинахъ. Ёдешь возлѣ берега, впереди выдается острымъ бокомъ утесъ, закрывая собою всю переднюю перспективу; оглядываешься назадъ, позади въ перспективѣ выступаютъ рядами углы другихъ утесовъ, которые уже проѣхалъ и оставилъ за собою. Но вотъ разступаются горы: открывается цѣлый рядъ громадныхъ холмовъ: одинъ

высится надъ другимъ, одинъ изъ за другаго выступаетъ, — и все покрыто густымъ лѣсомъ, который кажется на высотѣ кустарникомъ. На пароходѣ, бѣгущемъ быстрымъ бѣгомъ, едва успѣваешь слѣдить за движеніемъ величественной панорамы: одна картина смѣняетъ другую, одинъ видъ заставляетъ забыть о другомъ, которымъ только что восхищался. И повсюду тишина и пустыня. Въ иныхъ мѣстахъ виднѣются въ горахъ отверстія, будто пещеры; изрѣдка перерывается горная цѣпь узкою зеленою долиной, и въ долинѣ расположена деревенька, лѣпятся хижинки и мазанки въ боку утеса; слышится звонъ колокола. Эти села, деревеньки и группы хижинъ очень живописны и пріятно разнообразятъ пустынные горные виды. На горахъ показываются большія хищныя птицы, на отмеляхъ сидятъ рядами бабы — птицы. Въ этихъ неприступныхъ горахъ, въ старину, какъ уже упомянуто, имѣли пріютъ вольные люди,

удалые добрые молодцы. Позднѣе, здѣсь же ютились разнаго рода бѣглые, безродные люди, промышлявшіе грабежомъ проходящихъ судовъ. Въ самомъ незначительномъ числѣ они нападали на цѣлый караванъ судовъ, съ нѣсколькими сотнями рабочихъ, и хозяйничали на судахъ, забирая на нихъ, что имъ нужно. Только въ самое последнее время, съ развитіемъ пароходства на Волгѣ, прекратились эти нападенія и грабежи. Приводимъ одинъ разсказъ, записанный со словъ очевидца, хорошо знакомящій съ прежними порядками въ Жигуляхъ.

«Пароходъ бѣжалъ полнымъ ходомъ. Было тихо и ясно. Раскаленнымъ ядромъ выкачивался полный мѣсяцъ.

«И онъ говорилъ, поглаживая свою сѣдую бороду. — Жигули, господа, горы высокія, и лѣса на жигуляхъ въ старину были дремучіе. Нынѣче вотъ мимо ихъ, этихъ Жигулей, — ни о чемъ пробѣжать: все равно, какъ будто и нѣтъ ихъ вовсе. А въ старину, го-

спода, не такъ было; въ старину мѣста тамъ были страшныя. Что про нихъ самому мнѣ старики рассказывали, этого я вамъ говорить не буду — пожалуй и не повѣрите. А вотъ что самъ, на своемъ вѣку видалъ, объ этомъ покалякаю. Хаживалъ я по Волгѣ-то не мало, всего насмотрѣлся. И Жигули эти больно мнѣ памяты. А хозяева, такъ тѣ и больше еще моего про нихъ помнятъ.

«Годовъ видно тридцать ужъ, какъ была та исторія, про которую я хочу вамъ рассказать.

[«Шли мы караваномъ, посудъ въ пятнадцать, изъ Саратова до Рыбинска. (Я водоли- вомъ былъ тогда на суднѣ.) Шли это мы, шли, какъ слѣдуетъ. Вѣтры дули все верховые; работа народу, извѣстно, тяжелая, да ничего, — работаютъ тебѣ и горя мало. Во всемъ караванѣ-то было человекъ шесть сотъ. Заорутъ это пѣсню, — такъ индо стонъ стоитъ по Волгѣ-то. Вечеромъ, какъ зашабашать, передъ ужиномъ, давай приставать къ хозяевамъ: водки подавай имъ!

Ну известно, какой ихъ лѣшій напоить! хоть каждый день выставляй, все будутъ трескать. Хозяева-то знаютъ ихній обычай, не больно балуютъ. Плыли мы эдакимъ манеромъ, плыли, — и подѣ Жигули подходить стали. Хозяева какъ будто призадумываться начали. Промежду собой потпихоньку рѣчи заводятъ. Соберутся въ каморкѣ, да и шушукуются. Нашъ и лампадку, да еще свѣчку затеплить передъ образомъ. Поутру одинъ разъ бѣжить ко мнѣ кашеваръ: «Семенычъ, ступай въ казенку, — хозяинъ зоветъ». Пришелъ.

— А что, говоритъ: Семенычъ, бочку-то мы еще не починали?

— Когда же начинать, — не починали.

— Чтожъ это ты, милый человѣкъ, не напомнишь. Не квасить же намъ вино-то? Чай, про народъ держимъ.

Молчу.

— Поди-ка, братъ, нацѣди ведерко: надо дать передъ обѣдомъ по стаканчику.

Взялъ ключъ, пошелъ. Напустилъ ведро
всклёнь.

Тащу. «Глянь-ка, ребята! житье какое!»
«Да, говорятъ: чего не житье! Видно вы съ
хозяиномъ Жигули почуяли».

А Жигули и то потянулись.

Принесъ я въ казенку вино; гляжу — а
хозяинъ за святцами сидитъ, псалмы царя
Давыда читаетъ.

— А что, говоритъ: работаютъ?

— Ничего, молъ, работаютъ.

— Вино показывалъ?

— Видали.

— Ну что говорятъ?

— Жигули, говорятъ, видно, почуяли.

— Охъ, Господи Іисусе Христе, Сыне
Божій, помилуй насъ!

А на верху что-то народъ загомонилъ.
Хозяинъ на колѣни передъ образомъ. А я
изъ казенки-то шеметомъ на верхъ. Гляжу,
ѣ народъ въ завозню слѣзаетъ. Я какъ будто

не знаю: — Далеко ли, молъ, ребята? «А вотъ, говорятъ, узнаешь далеко-ли!»

— Что же, возьмите и меня съ собой. —
«Проваливай дальше.»

На берегу, вижу, человѣкъ пятнадцать народу расхаживаютъ, все это съ ружьями да съ дубинами. Человѣка четыре пошли къ другому судну, закричали что есть въ головѣ голосу: Не — ра — бо — тай! Тѣ, какъ и наши же, — въ завозню да къ берегу.

А я самъ про себя думаю: ну, дѣло выходитъ дрянъ, не взяли съ собой, значитъ плохо будетъ.

Подплыли это наши ребята къ берегу, и загорланили. А тѣмъ временемъ и оттуда лодка отчаливаетъ. Сѣли человѣка четыре какіе-то (одинъ ружье держать), да все съ нашими-то поколь близко, переговариваются. Далеко, не слыхать было, что они говорили-то; видно только, что наши руками машутъ да на судно показываютъ.

Я скорѣе къ хозяину въ казенку. А на немъ сердечномъ и лица нѣтъ.

— Что, говоритъ, батюшка Семенычъ?

— Плохо, говорю, Иванъ Митрофанычъ! Плывуть; чай поди близко ужь. Да ты, Иванъ Митрофанычъ, назовись водоливомъ; а хозяинъ, молъ, на берегъ съѣхалъ. Все, можетъ, полегче сойдетъ.

— И то, говоритъ, Семенычъ; спасибо тебѣ, не забуду я тебя за твою службу.

Вылѣзаю я изъ казенки; а лодка ужь причаливаетъ къ судну. Я имъ веревку бросилъ. Пригнулся, вылѣзли. Вылѣзли и прямо ко мнѣ.

— Что за человѣкъ?

— Пассажиръ, говорю.

— До какихъ мѣстъ?

— До Рыбинска, молъ.

Вотъ одинъ и говоритъ:

— Вы двое въ казенку ступайте; ты, Ванюха, съ ружьемъ-то стой тутъ; а ужь я съ этимъ молодцомъ-то покалякаю.

Разошлись. Я стою да раздумываю: что-то онъ со мной калякать будетъ?

— Ну, вынимай, говорить, мошну, многоль у тебя тамъ?

— Что у меня, отецъ родной, за деньга! Человѣкъ я бѣдный; самъ кой-какъ колочусь. Можетъ, какихъ нибудь три рубли на дорогу есть.

— Не разговаривай много-то. Распоясывайся!

Я было то и се. А онъ поднялъ дубину, да какъ по боку меня треснетъ, — такъ я и покатился.

— А ты, говорить, не баловай. Некогда мнѣ съ тобой вѣнчаться-то. Вынимай проворнѣй.

— Хозяйскія, вѣдь, деньги-то. Поѣдомъ съѣдятъ. Смилуйся! А самъ лѣзу за пазуху, дѣлать нечего. Не успѣлъ я вытащить свою казну, а онъ ужъ и сцапалъ съ платкомъ совсѣмъ, и прочь пошолъ.

А хозяинъ въ казенкѣ вопить, а хозяинъ-то вопить: Батюшки! помилосердуйте! Батюшки, пустите душу на покаяніе.

Возили они его, возили, не дай Господи, какъ возили! Вышли.

— Ну, говорятъ, теперь, лоцманъ, за тобой очередь. Поѣзжай съ нами! Ты, слышь, больно бранишься. Прощайте, ребята, не забываютъ насъ!

Уѣхали, и лоцманъ съ ними. Мы съ хозяиномъ калякать: Что, Иванъ Митрофанычъ, какъ вынесъ Господь?

— Слава Богу, говоритъ, Семенычъ. Полсотней отдѣлался. Били только ужь больно. «Ты, говоритъ, народъ очень обижаешь, на хозяйскую руку сильно тянешь.»

А я самъ про себя думаю: это, молъ, ладно, хозяинъ, что ты своими боками за меня отдѣлался.

Пріѣхали бурлаки наши, и лоцманъ пріѣхалъ. Бурлаки смѣются, а лоцманъ ежится.

— Что, молъ, ты, Федотычъ?

— Да, говорить, что! Не знай, каково тебѣ сладко, а мнѣ, видно, кнутовъ сотни полторы попало. Вотъ сволочь-то! Съ сотню отсыпали, да «что, говорить, будетъ чтоли съ него?» А они зубы скалятъ: «прибавь еще малость». Эхъ вы каторжные! А бурлаки знай смѣются. И мы тоже стали говорить: какъ, дескать, вамъ, ребята, не стыдно?! Бога вы не боитесь!

А они знай смѣются: «Ладно, говорить, тутъ на васъ судъ-то и есть! Только и отдохнешь! Къ водяному-то поди, такъ намъ же достанется». А сами все, каторжные, смѣются.

На 10 верстѣ отъ Усоля, впадаетъ въ Волгу, съ правой стороны, несудоходная рѣка Уса, имѣющая 110 верстъ длины и протекающая по сенгилейскому и сызраньскому уѣздамъ. Пятью верстами ниже, на низменномъ лѣвомъ берегу, лежитъ городъ Ставрополь, а насупротивъ его расположе-

на, въ горахъ, деревня *Моркваши*, у которой останавливаются пароходы.

Ставрополь. Уѣздный городъ самарской губерніи. Лежитъ подъ $53^{\circ}28'$ с. ш., $67^{\circ}1'$ в. д. Отъ Петербурга 1649 в., отъ Москвы 972; по Волгѣ: отъ Симбирска 145 в., отъ Самары 81 в. Основанъ въ 1737 году, для крещеныхъ калмыковъ, пришедшихъ изъ низовой волжской орды. Жителей около 5 т. Бѣденъ и совершенно незначителенъ.

Путь ота Ставрополя продолжается жигулями.

На 57 верстѣ отъ него, впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны несудоходная рѣка Сокъ, протекающая 106 верстѣ. При впаденіи Сока, на низменномъ берегу, лежитъ деревня *Царевщина*, подлѣ которой возвышается такъ называемый Царевъ курганъ. Это холмъ, вышиною въ 20 сажень, продолговато-круглой формы, въ окружности до полуверсты, съ крутыми боками;

съ трехъ сторонъ онъ окруженъ водою рѣкъ Сока и Курума, а съ четвертой — Царевщина. Съ этой стороны курганъ снизу доверху поросъ деревьями, которыя съ прочихъ сторонъ растутъ только при подошвѣ его. Онъ состоитъ изъ сѣраго известковаго камня, разбросаннаго большими глыбами, съ окаменѣлостями.

О происхожденіи кургана есть на мѣстѣ много различныхъ сказокъ. Между ними достовѣрнѣйшею почитается жителями слѣдующая: Въ старинныя времена мимо этого мѣста проходило многочисленное войско. Предводитель его, царь того народа, желая увѣковѣчить свое могущество, велѣлъ каждому воину принести по полной шапкѣ земли и сыпать въ одну кучу. Приказаніе его было исполнено, — и возвысился холмъ, который назвали *царевымъ курганомъ*. Къ этому прибавляютъ, что, долго спустя, проходилъ по этимъ мѣстамъ съ войскомъ царь Иванъ Василье-

вичъ Грозный. Ему рассказали происхождение кургана, и онъ пожелалъ испытать, у кого было больше войска: у того-ли невѣдомаго царя, который насыпалъ курганъ, или у него? Для того, онъ приказалъ каждому изъ своихъ воиновъ снять съ вершины кургана по шапкѣ земли. Воины исполнили царское приказаніе, но сняли только верхушку холма, послѣ чего курганъ и имѣеть на верху ровную площадку.

Но преданіе это не имѣеть и тѣни достовѣрности: курганъ вовсе не насыпной, и состоитъ изъ такихъ огромныхъ глыбъ и камней, что никакому сказочному богатырю не подъ силу стронуть съ мѣста ни одного изъ нихъ, безъ пособія искусства.

Съ кургана открывается отличный видъ. Говорятъ, что на вершинѣ его былъ Петръ Великій во время своего путешествія по Волгѣ.

Еще выше Ставрополя Волга дѣлаеть крутой поворотъ на востокъ, гдѣ и начи-

нается такъ называемая *самарская лука*. Въ этомъ восточномъ направленіи, пробѣжавши 24 версты отъ Царева кургана, пароходъ засвиститъ, подходя къ Самарѣ. Вотъ она развернулась передъ вами, молодая, цвѣтущая. Посмотрите, какъ она плотно прильнула къ своей матери-Волгѣ; она какъ будто срослась съ нею, изогнувшись совершенно такъ же, какъ изогнулась здѣсь и сама Волга. Самара хорошо знаетъ, что Волга для нея—все, что она сама созданіе Волги, что всѣ ея молодыя и блестящія надежды оправдаются по милости Волги; она знаетъ, что эта ея кормилица, Волга, очень щедра для нея, и высоко, высоко поставитъ ее, свою любимцу. Потому-то она такъ любовно и прильнула къ ней. . .

Почти полнымъ ходомъ, молодецки подходитъ пароходъ къ дебаркадеру. Начинается обыкновенно суматоха. Желая поскорѣе сойти на берегъ, вы едва можете пробраться сквозь ту густую толпу, которая образо-

валась на дебаркадерѣ, отчасти изъ вашихъ спутниковъ, но главнымъ образомъ изъ тѣхъ, которые пришли посмотрѣть пароходъ.

Лежитъ на лѣвомъ берегу подъ $53^{\circ}11'$ сѣв. шир. $67^{\circ}45'$ вост. долг. Отъ Петербурга 1,409 в., отъ Москвы 805 в., отъ Нижняго по Волгѣ — 823 в., отъ Симбирска 226 в., отъ Казани 431 в., отъ Саратова 452 в., отъ Астрахани 1,312 в. Время основанія съ точностью неизвѣстно; относятся къ царствованію Бориса Годунова. Въ 1670 г. жители были на сторонѣ Разина. Въ 1850 г. городъ сдѣланъ губернскимъ. Жителей 35,000. Первая на Волгѣ и вообще въ Россіи хлѣбная пристань.

Здѣсь пароходы пристають близъ самаго центра города, такъ что есть возможность въ самое короткое время съѣздить въ городъ — запастись-ли чѣмъ или съ кѣмъ угод-

но повидаться. Если вы, судя по росписанію пароходному, имѣете въ своемъ распоряженіи часть времени; то можете смѣло отправиться въ какой угодно конецъ города.

Извозниковъ обыкновенно очень много встрѣчаютъ пароходъ. Но они вообще чрезвычайно плохи; такихъ жалкихъ, ободранныхъ экипажей и заморенныхъ, едва не падающихъ лошадей вы не увидите нигдѣ, кромѣ Самары. Ѣздить весьма дешево. За ѣзду въ часъ они берутъ 20 коп., за конецъ 10 коп.

Гостиницы.

Порядочныхъ гостиницъ въ Самарѣ очень немного; большая часть изъ заведеній этого рода — грязные трактиры и харчевни. Вы увидите очень много гостиницъ на берегу, но между ними нѣтъ ни одной порядочной.

Поднявшись повыше, на гору, вы увидите рядъ бѣлыхъ каменныхъ домовъ, изъ которыхъ въ каждомъ почти трактиръ. Луч-

шій изъ нихъ — Лундина. Онъ помѣщается около тріумфальныхъ воротъ, построенныхъ въ 1863 году, для встрѣчи покойнаго Государя Наслѣдника Николая Александровича.

Номера.

Номеровъ въ Самарѣ только двое: Аннаева и Ушакова (извозчики этой фамиліи, впрочемъ, не знаютъ; называйте: гордѣевы номера). Въ аннаевскихъ номерахъ цѣны отъ 1 р. 50 коп. до 3 рублей за номеръ въ сутки; въ гордѣевскихъ отъ 75 до 3 р. Какъ тѣ, такъ и другіе очень не далеко отъ пристани: одни на Алексѣевской площади, другіе на дворянской улицѣ. При послѣднихъ содержится довольно хорошій *ресторанъ*.

Библіотеки и книжныя лавки.

Общественная городская библіотека помѣщается въ на Алексѣевской площади, око-

ло часовой башни, которая бросается въ глаза всякому прїѣзжему; составлена и ведется весьма недурно, такъ что имѣется почти все лучшее изъ вышедшаго за послѣднее время на русскомъ языкѣ; отдѣлъ иностранныхъ (французскихъ и нѣмецкихъ) книгъ весьма бѣденъ, почти ничтоженъ. При библіотекѣ есть кабинетъ для чтенія, въ которомъ лежитъ до 15 русскихъ журналовъ и до 10 газетъ; входъ бесплатный.

Единственная книжная лавка въ Самарѣ — Браунга (на Дворянской улицѣ).

Присутственные мѣста въ Самарѣ, по неимѣнію казеннаго зданія, помѣщаются не вмѣстѣ, а разбросаны по всему городу, Укажемъ нѣкоторыя. *Казенная палата и казначейство* помѣщаются въ казенномъ домѣ (бывшемъ *свѣтовскомъ*, какъ и знаютъ извозчики), близъ троїцкаго базара; *гражданская и уголовная палаты* — не подалеку отъ Волги, на Вознесенской улицѣ, близъ дворянскаго собранія; тутъ же не подалеку и

губернское правленіе; отдѣленіе государственнаго банка—близъ Алексѣевской площади, на дворнской улицѣ, въ домѣ Назарова.

Почтовая контора—далеко отъ Волги, въ концѣ города, близъ Самарки, въ казенномъ домѣ.

Телеграфная станція—у самаго въѣзда въ городъ съ Волги, отъ пароводныхъ пристаней, на углу Большой улицы, около триумфальныхъ воротъ.

Увеселенія

Обыкновенное мѣсто прогулки въ лѣтнее время для Самарскихъ жителей, это городской, извѣстный подъ именемъ *струковскаго*—садъ, расположенный на берегу Волги. Садъ весьма хорошъ; онъ самая замѣчательная вещь въ Самарѣ. Тамъ обыкновенно, раза два въ недѣлю, играетъ музыка. Имѣется вокзалъ, въ которомъ иногда танцуютъ, иногда даютъ какія-нибудь представ-

ленія, а всегда играютъ на билліардѣ, пьютъ чай, ужинаютъ; отличается непомѣрными цѣнами. Въ струковскомъ саду, каждый вечеръ можете видѣть самарское общество, выходящее сюда отдохнуть отъ дневнаго зноя и пыли.

Достопримѣчательности.

Самара—городъ молодой, новый; потому ни старинныхъ зданій и никакихъ другихъ историческихъ достопримѣчательностей въ ней не имѣется. Если и можно что указать для осмотра путешественника, такъ это единственно—сущестующія здѣсь *кумысолечебныя заведенія*. Ихъ здѣсь два: доктора Постникова и купца Аннаева. Первое существуетъ съ 1858 года, второе съ 1863 года. Оба они находятся за городомъ; заведеніе г. Аннаева ближе, г. Постникова дальше: первое верстахъ въ трехъ отъ центра города, послѣднее—въ шести. Аннаевское заведеніе расположено на высокомъ

берегу, надъ самою Волгою, Постниковское — на горѣ, поросшей мелкимъ лѣсомъ, въ разстояніи отъ Волги около полуторы версты.

Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, разводятся сады для больныхъ. Въ обоихъ есть много отдѣльныхъ помѣщеній, квартиръ разной величины. Заведеніе г. Постникова, въ прежнее время, возбудило много неудовольствія и по дороговизнѣ и по порядкамъ; жалобъ слышалось очень много. Въ послѣдніе годы онѣ, впрочемъ, замолкли. О заведеніи г. Аннаева неблагопріятныхъ отзывовъ еще не было слышно.

Желающіе попробовать *кумыса*, не ѣздя ни на одно изъ упомянутыхъ заведеній, могутъ достать его въ винномъ погребѣ г. Аннаева, на Алексѣевской площади, гдѣ онъ продается по 20 коп. за бутылку.

Раннею весною, когда только что вскрывается Волга, истинную достопримѣчательность Самары представляетъ берегъ Са-

марки, на которомъ стоятъ огромные хлѣбные анбары. Тогда происходитъ грузка пшеницы въ баржи, чѣмъ бывають заняты тысячи рабочихъ, — и оживленная, кипучая дѣятельность напоминаетъ важнѣйшіе приморскіе порты. Осенью и зимою любопытна въ томъ-же отношеніи хлѣбная площадь (гдѣ старый соборъ), загроможденная поутрамъ тысячами возовъ съ хлѣбомъ. При этомъ нужно вспомнить, что изъ Самары одной пшеницы отправляется ежегодно до 12 милліоновъ пудовъ.

Дороги.

Въ Самарѣ сворачивають съ Волги ѣдущіе въ Оренбургъ, на Сергіевскія минеральныя воды и въ степи на кумысъ. До Оренбурга отъ Самары считается 420 верстъ, до Сергіевска — 120. Въ Самарѣ для этихъ путей существуетъ *волжная почта*, при номерахъ Ушакова. Кромѣ того, ѣдущіе на Сергіевскіе воды могутъ обращаться за эки-

пажами и лошадьми къ содержателю почтовой станціи.

На водахъ курсъ лѣченія начинается съ 20 мая и продолжается до 1 сентября. Сергѣевскія (сѣрощолочныя) виды полезны: отъ ревматизма, ломоты, золотухи, нервныхъ страданій, хроническаго катарра легкихъ и дыхательныхъ путей до развитія въ нихъ туберкуловъ,—катарра желудка и кишокъ, брюшныхъ заваловъ, послѣдствій секретныхъ болѣзней и многихъ другихъ.

ОТЪ САМАРЫ ДО САРАТОВА.

(452 версты).

Самара очень скоро исчезаетъ изъ глазъ, когда отъѣзжаешь отъ нея внизъ по Волгѣ; нѣсколько минутъ, и уже передъ вами только изогнувшійся дугой рядъ высокихъ хлѣбныхъ амбаровъ, изъ за которыхъ видны только церковныя колокольни да два или три каменныхъ дома. Крутой поворотъ, который

дѣлаетъ отъ Самары Волга, заставляетъ и пароходъ круто поворотить, пробѣжавши Самару, къ западу, послѣ чего городъ совсѣмъ пропадаетъ изъ виду.

Упомянувши объ этомъ изгибѣ Волги у Самары, мы считаемъ необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Взглянувши на карту Волги, видно, что рѣка, не доходя до Ставрополя, вдругъ измѣняетъ юго-западное направленіе, котораго держится отъ самой Казани, и течетъ прямо на востокъ до впаденія въ нее небольшой рѣчки Сока; отъ устья этой послѣдней она направляется къ югу до устья Самары—рѣки, которая какъ бы отталкиваетъ ее, и она течетъ на западъ, сохраняя это направленіе до Сызрани, гдѣ принимаетъ свое прежнее направленіе — на юго-западъ: весь этотъ изгибъ Волги, теченіе ея отъ южной оконечности Жигулей до Сызрани, какъ извѣстно, — *самарская лука*. Какъ и всякая черта природы, самарская лука не осталась безъ вліянія на мѣстность;

будучи такою замѣтною частью такой замѣтной рѣки, она весьма замѣтное вліяніе произвела на край, и имѣетъ относительно его громадный смыслъ. На востокъ отъ той именно части Волги, которая образовала самарскую луку, разстилаются тѣ обширныя степныя пространства, которыя извѣстны, какъ привильное и богатое заволжье. Плодородіе почвы, производящей высшій родъ пшеницы, громадное количество земли, не требующей никакого удобренія, даютъ краю полное право на такую извѣстность. А тамъ, дальше, за этою богатою земледѣльческою мѣстностью, пролегаетъ пространство, отдѣляющее поволжье отъ богатыхъ средне-азіатскихъ странъ, торговля съ которыми такъ выгодна для Россіи. Дойдя до середины этого производительнаго, богатаго хлѣбомъ и продуктами скотоводства заволжья, Волга не проходитъ мимо, по окраинѣ его; она, измѣнивши, какъ мы видѣли, свое постоянное направленіе, входитъ внутрь края, вдается

въ самую глубь богатыхъ степей. На протяженіи ста слишкомъ верстъ, отъ Ставрополя до Самары, Волга идетъ прямо на востокъ. Такимъ образомъ, мѣстности, лежащія на востокъ отъ Самары, дѣлаются на сто верстъ ближе къ Волгѣ, чѣмъ были бы онѣ, если бы не было самарской луки. Предположимъ, что Волга отъ Жигулей не измѣнила своего направленія и прямо на юго-западъ прошла до Сызрани; посмотримъ, что было бы тогда. Если теперь везутъ въ Самару хлѣбъ изъ района, крайніе пункты котораго отстоятъ отъ нея на триста верстъ, то, при предположенномъ нами условіи, не только эти крайніе пункты будутъ внѣ района какой бы то нибыло пристани на Волгѣ, но и все пространство на сто верстъ отъ нихъ къ западу не будетъ имѣть сбыта, и крайніе пункты этого района будутъ отъ пристани только на двѣсти верстъ. Слѣдовательно, цѣлая треть того пространства, которое въ настоящее время имѣетъ выгод-

ный сбытъ для своихъ продуктовъ, безъ самарской луки, была бы глушью, мѣстностью недоступною. Отпускъ хлѣба изъ района сократился бы на цѣлую треть. Вмѣсто теперешняго протяженія въ 240 верстъ, Волга въ этой мѣстности имѣла бы длины только 30—40 верстъ (отъ Жигулей до Сызрани). Вслѣдствіе того, и линія соприкосновенія мѣстности съ Волгою была бы въ шестеро короче настоящей, что было бы для мѣстности тѣмъ же, чѣмъ было бы, напримеръ, для Англіи скругленіе ея береговъ и сплошное соединеніе съ европейскимъ материкомъ. Число существующихъ въ настоящее время на лукѣ пристаней, а также и тѣхъ, которыя имѣютъ образоваться здѣсь современемъ, уменьшилось бы въ шестеро, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ значительной мѣрѣ уменьшилась бы и легкость сбыта и вообще доступность мѣстности для торговыхъ сношеній. — Самары, съ ея настоящимъ значеніемъ, какъ торговаго мѣста, не существо-

вало бы. Если бы и былъ городъ на Волгѣ, на параллели Самары, то онъ развѣ немного чѣмъ имѣлъ бы побольше значенія Сызрани и Ставрополя. Если за тѣмъ мы обратимся къ торговымъ сношеніямъ Россіи, чрезъ Оренбургъ, съ Хивою и Бухарою, то увидимъ, что и въ этомъ отношеніи самарская лука, если не играетъ, то будетъ, должна, современемъ, играть весьма значительную роль. Она естественнымъ образомъ связываетъ поволжье съ Оренбургомъ, дѣлая Самару ближайшимъ къ нему приволжскимъ пунктомъ и приближая Оренбургъ, какъ и все заволжье, на сто верстъ къ Волгѣ. Желѣзная дорога, имѣющая современемъ соединить Волгу съ восточною границею европейской Россіи, пройдетъ именно между Самарою и Оренбургомъ, — и Самара, по милости своей луки, сдѣлавшись тогда пунктомъ отправленія по Волгѣ массы азіятскихъ продуктовъ, будетъ имѣть значеніе, кото-

рымъ поспорить съ любымъ приволжскимъ городомъ.

Но вотъ пароходъ засвисталъ, на палубѣ засуетились, капитанъ начинаетъ командовать въ машину: вы подъѣхали къ *Екатериновкѣ*.

Это село, отстоящее въ сорока восьми верстахъ отъ Самары; оно также на лукѣ, и не Богъ вѣсть какъ далеко то время, когда изъ него образуется оживленный, промышленный городокъ, одинъ изъ тѣхъ веселыхъ, живыхъ городковъ, которыми будетъ, рано или поздно, усажена самарская лука. Екатериновка уже обнаруживаетъ многіе признаки будущаго значительнаго торговаго мѣста. Съ 1863 года здѣсь учреждена станція пассажирскихъ пароходовъ, и каждый пароходъ высаживаетъ здѣсь и беретъ отсюда десятокъ—другой пассажировъ. Буксирные пароходы давненько уже знаютъ Екатериновку; каждую весну они уводятъ отсюда не одну баржу съ хлѣбомъ, кото-

раго отпускается ежегодно на сумму до 25 тысячъ рублей.

На 25 верстѣ отъ Екатериновки, находится село Переваловка, на правомъ берегу.

Верстѣ на тринадцать ниже, на томъ же берегу, лежитъ большое село *Печерское*, отъ котораго остается 28 верстѣ до ближайшей пароходной станціи. Оно построено амфитеатромъ по склону возвышеннаго берега, упирающагося въ Волгу обрывомъ.

На 20 верстѣ отъ него (на 106 отъ Самары), на лѣвомъ берегу, находится большая деревня Новые Костычи, а напротивъ ея, на другомъ берегу Старыя Костычи.

8 верстѣ ниже, лежитъ деревня *Батраки*, къ которой пристають легкіе парходы. (114 верстѣ отъ Самары). Близъ Батраковъ, на томъ же берегу Волги, лежитъ уѣздный городъ симбирской губерніи Сызрань, къ которому, по причинѣ маловодья, въ меженную пору подойти пароходу нельзя.

Сызрань. Лежить подъ $53^{\circ}9'$ с. ш. и подъ $66^{\circ}98'$ в. д. Отъ Петербурга—1591, отъ Москвы 987, отъ Симбирска 133; по Волгѣ: отъ Самары—118 верстъ, отъ Саратова—334. Жителей 24,150. Торгуеть хлѣбомъ (славится *сызранское пшено*), котораго отпускаеть въ годъ на сумму до 230 т. р. Основанъ въ 1683 году, былъ первоначально крѣпостью.

На 22 верстѣ отъ Батраковъ, на правомъ берегу, лежитъ большое удѣльное село Кашпирово. Верстахъ въ 7 ниже, впадаетъ въ Волгу съ правой стороны рѣчка Черновка, при которой стоитъ село Черный Затонъ. По имени этого села называются горы, которыя тянутся вдоль праваго берега, навсѣмъ пространствѣ между Сызранью и Хвалынскимъ: *чернозатонскія* горы.

На 71 верстѣ отъ Батраковъ, въ луговой сторонѣ, находится село *Васильевское*, у котораго останавливается пароходъ (отъ Хвалынска 29 в., отъ Самары 185 в.). На-

супротивъ Васильевского, лежитъ хуторъ Остенъ-Сакена, съ пристанью, отправляющій на 40 т. р. въ годъ пшеницы. Версты три ниже хутора, на красивой мѣстности, по склону горнаго берега, расположена деревня *Федоровка*.

Въ 1839 году, съ 16 на 17 іюля жители Федоровки были пробуждены внезапнымъ гуломъ и трясеніемъ земли, а потомъ сильнымъ трескомъ домовъ. Испуганные, они выбѣжали на улицу и увидѣли, что долина, на которой была расположена большая часть деревни, оторвалась отъ подошвы горы, осѣла и двинулась къ Волгѣ, волнуясь по всему своему протяженію. Въ короткое время по всей осѣвшей площади образовались значительныя выпуклости, углубленія и обширныя трещины. Вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ, болота и небольшія озера исчезли и замѣнились холмами, а многія трещины наполнились водою. Волненіе поверхности продолжалось трое сутокъ, стихая постепенно; но частныя

осадки и разрушенія происходили до 24 іюля. Тогда было повреждено и разрушено до 70 домовъ, и многія строенія были разорваны на нѣсколько частей. Осадокъ долины оказался въ длину около полуторы версты, а въ ширину до полуверсты.

У Оедоровки Волга особенно сжата берегами, и воды ея, напирая съ силою на правый берегъ, подмыли основаніе горы, на которой построена деревня, а дождевая и весенняя снѣговая вода, просачиваясь сквозь слабый грунтъ, разрушила слабыя ея связи и была ближайшею причиною ея движенія.

Напротивъ Оедоровки, нѣсколько ниже, находится деревня Вострая Лука, съ пристанью, отправляющей пшеницы на сумму до 40 т. рубл.

Въ 26 верстахъ отъ Оедоровки, находится, окруженный мѣловыми и известковыми горами Хвалынскъ, къ которому пристають легкіе пароходы.

Хвалынскъ. Уѣздный городъ Саратовской губерніи. Лежить на правомъ берегу Волги, подъ $52^{\circ}30'$ с. ш. и подъ $65^{\circ}46'$ в. д. Отъ Петербурга—1669 в., отъ Москвы—992; по Волгѣ: отъ Самары—214 в., отъ Саратова 238 в., отъ Вольска 88 в. Жителей 11,410. Прежде былъ селомъ, которое называлось Сосново. Въ 1780 г. оно было переименовано въ г. Хвалынскъ. Торгуетъ пшеницей, которой покупается здѣсь до 200 т. четвертей.

Пароходъ здѣсь останавливается не у самаго города, а нѣсколько ниже.

Отъ Хвалынска, по правому берегу, до Вольска, тянется тотъ самый горный кряжъ, который охватываетъ и Хвалынскъ, — *Дювишныя горы*.

На 10 верстѣ отъ Хвалынска, впадаетъ въ Волгу съ луговой стороны несудоходная рѣка Иргизъ-Елань.

Въ 10 верстахъ отъ ея устья, на правомъ берегу Волги, лежитъ село Алексѣев-

ка. Тутъ существуетъ паровая мельница. Въ алексѣевскомъ затонѣ зимуютъ пароходы Камско-Волжскаго общества. Отсюда остается 49 верстъ до ближайшей станціи Балакова.

На 37 верстъ отъ Алексѣевки, на крутомъ правомъ берегу, бросается въ глаза большое село, съ хорошими постройками, съ садомъ и хорошей архитектуры церковью. Это — Широкое, незначительная хлѣбная пристань. Красивыя постройки и садъ — господскіе. Село было барскимъ.

На 11 верстъ отъ него, пароходъ пристаетъ къ Балакову, на лѣвомъ берегу.

Балаково — большое село, съ весьма значительною пристанью.

Начало получило около 1762 г., отъ населенія здѣсь раскольниковъ, вызванныхъ въ этомъ году изъ Польши. Нынѣ здѣсь около трехъ тысячъ жителей, 411 хлѣбныхъ амбаровъ и 250 лавокъ. Главная торговля пшеницей, за тѣмъ саломъ и лѣсомъ. Сред-

няя цифра отпускной торговли за пять лѣтъ была слѣдующая: вывезено въ годъ пшеницы на 624,000 р., сала на 100 т. р., муки на 11 т. р. Въ 1860 году отправлено всѣхъ грузовъ на сумму до 2 милліоновъ рублей. Въ Балаковѣ сворачиваютъ съ Волги ѣдущіе на *Сталыпинскія минеральныя воды*. Здѣсьвольные ямщики всегда готовы къ услугамъ отправляющагося на воды. Прогонъ отъ Балакова: въ телѣжкѣ—3 р. 50 к., въ экипажѣ попокойнѣе 5 руб. Разстояніе 50 верстъ. Воды находятся въ деревнѣ Новой Сталыпинкѣ, на рѣкѣ Кутумѣ, и принадлежатъ княгинѣ Воронцовой.

Сталыпинскія воды благотѣльно дѣйствуютъ въ ревматизмѣ, геммороеѣ, застарѣломъ сифилисѣ, золотухѣ, меркуріальныхъ болѣзняхъ, лишаяхъ, англійской болѣзни, параличѣ, скорбутѣ и во многихъ другихъ.

Отъ Балакова остается 19 верстъ до Вольска. Двумя верстами выше этого послѣдняго, впадаетъ въ Волгу рѣка Большой

Иргизъ, протекающій по луговой сторонѣ на протяженіи 300 верстъ и судоходный весною на 50 верстъ отъ устья.

Главное препятствіе для судоходства по Иргизу въ межень, это его крайняя извилистость; судоходству мѣшаютъ также существующія на немъ мельницы. Но онъ многоводенъ, такъ что весною по немъ поднимаются плоты почти до самаго Николаевска.

Но вотъ придвигается *Вольскъ*, городъ, слыvuщій чуть ли не лучшимъ уѣзднымъ городомъ на всей Волгѣ. За нѣсколько верстъ до города начинаются высокія мѣловыя горы и бугры ослѣпительной бѣлизны; ближе къ городу они разступаются въ видѣ громаднаго полукружья, облѣпленные деревянными домиками, — безъ малѣйшаго признака зелени, какъ будто покрытые только что выпавшимъ снѣгомъ. Вотъ тянутся сады и сады, а вотъ и самъ обширный *Вольскъ*, живописно раскинувшійся между высокими горами. Слѣдуетъ замѣтить, что *Вольскъ*

по внѣшности представляется болѣе значительнымъ и богатымъ городомъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. Половина изъ его большихъ и красивыхъ домовъ стоятъ пустыми, съ заколоченными окнами и наглухо запертыми дверями. Улицы пусты, даже на пристани нѣтъ никакого движенія. Его убиваетъ *Балаково*, то самое село, на счетъ котораго онъ возвысился и существовалъ до настоящей поры. Торговая дѣятельность Вольска заключается въ торговлѣ хлѣбомъ; но въ этомъ дѣлѣ онъ всегда былъ только — мѣшокъ, въ который складываются деньги; вся дѣятельность происходила и происходитъ въ Балаковѣ. Тамъ покупается хлѣбъ отъ производителей; тамъ же онъ и складывается; тамъ же онъ продается партіями; тамъ же онъ грузится и оттуда же отправляется. Удастіе Вольска въ этомъ дѣлѣ заключается только въ томъ, что тутъ движутся отчасти его капиталы и—больше ничего. Балаково, какъ извѣстно,—село, и село удѣльное; сво-

ихъ купцовъ и стало быть капиталовъ не имѣло.

Если Вольску останется только то, что ему именно и принадлежить по праву, то ему останется очень немного: это, во первыхъ, его ничтожная торговля мукой, производимой на его мельницахъ, да, во вторыхъ, — садоводство, промыселъ, доставляющій около пяти процентовъ пользы за всѣ попеченія.

Вольскъ. Уѣздный городъ саратовской губерніи. Лежить на правомъ берегу Волги подъ $53^{\circ} 2'$ с. ш. и подъ $65^{\circ} 5'$ в. д. Отъ Петербурга—1730 в., отъ Москвы—1053 в., по Волгѣ: отъ Самары—302 в., отъ Саратова—150 верстъ. Жителей 23 т. Былъ прежде слободой, называвшейся *Малыковка*; слобода переименована въ г. Вольскъ въ 1780 г., при образованіи саратовскаго наместничества. Настоящимъ своимъ положеніемъ обязанъ извѣстному въ свое время

человѣку В. А. Злобину, который въ короткое время выдвинулъ его, свою родину, изъ ничтожества. Злобинъ былъ сынъ мальковскаго крестьянина Алексѣя Паловника, служившаго волостнымъ писаремъ и прозваннаго за вздорный и буйный нравъ *злобою* или *злобнымъ*, и эта кличка перешла въ фамильное прозваніе его потомства. Не таковъ былъ Василій Алексѣевичъ; онъ былъ нрава кроткаго, смышленъ до прозорливости и трудолюбивъ. Наслѣдовавъ по смерти отца его должность, онъ въ короткое время изъ скуднаго жалованья успѣлъ скопить небольшой капиталецъ и женился на дочери своего-же односельца Волковойнова, Пелагеѣ. Въ поволжскій край пріѣхалъ прокуроръ князь Вяземскій. Злобинъ уговорилъ членовъ волостной избы отправиться къ нему съ поклономъ и поднести живаго осетра. Князь остался весьма доволенъ такимъ привѣтомъ мальковцевъ, пригласилъ ихъ обѣдать и за столомъ спросилъ, не знаютъ ли они хоро-

шей земли за Волгой, которую онъ могъ-бы выбрать для себя, такъ какъ государыня пожаловала ему землю и предоставила выборъ ему самому. Злобинъ указалъ князю прекрасное урочище Маянъ, въ 29 верстахъ отъ Малыковки. Князь, удостовѣрясь на мѣстѣ въ богатствѣ этого участка, изобильнаго лугами и рыбными озерами, благодарилъ Злобина и, замѣтивъ въ немъ способнаго человѣка, поручилъ ему надзоръ за построеніемъ на новомъ мѣстѣ винокуреннаго завода. Злобинъ исполнилъ порученіе честно и удачно и сдѣлался близкимъ князю человѣкомъ. Черезъ вліяніе князя, при учрежденіи въ Малыковкѣ города, онъ сдѣланъ головою; но не долго пришлось ему исправлять эту должность: вызванный и покровительствуемый княземъ, онъ вступилъ въ винныя откупа, безъ собственныхъ денегъ, на кредитъ,—и въ короткое время нажилъ милліоны. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, онъ поѣхалъ въ свою укомную ро-

дину въ богатой каретѣ, украшенной золотою медалью и съ подаркомъ отъ царя состоявшимъ изъ серебрянной кружки съ своимъ именемъ и украшенной императорскимъ гербомъ. Земляки приняли его съ восторгомъ. — Одаренный отъ природы добрымъ сердцемъ, Злобинъ во всѣ свои дѣла бралъ служащихъ изъ земляковъ, а дѣла его были весьма разнообразны: онъ держалъ на откупъ вино, елтонскую соль, игральныя карты во всей имперіи и въ особенности распространялъ свою дѣятельность на восточную Россію и Сибирь. Довѣрчивый, онъ никогда не считывалъ должностныхъ лицъ, и, называя ихъ «своими», довѣрялъ ихъ благородству. Но земляки не забывали себя и, пользуясь слабостью хозяина, ловили въ мутной водѣ рыбу, — сами наживались, а Злобинъ разорялся. Къ этому горю сама судьба начала его преслѣдовать, — въ озерахъ оказался недостатокъ въ соляномъ осадкѣ. Въ войну 1812 и 1815 г. винные откупа были въ

убытокъ. Всѣ эти обстоятельства рушили окончательно его торговое могущество. Въ это время умеръ единственный его сынъ. Злобинъ впалъ въ меланхолію и, недумая о спасеніи своего богатства, пріѣхалъ сперва въ Вольскъ, а потомъ переѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ и умеръ въ 1818 году. Все имущество его было продано съ публичнаго торга за долги, а на мѣсто павшаго капиталиста вышелъ на сцену торговой дѣятельности домъ Сапожниковыхъ, процвѣтающій и въ настоящее время.

Вольскъ имѣетъ много фруктовыхъ садовъ, занимающихъ пространство до 650 десятинъ.

Пароходъ пристаетъ къ центру города: стоитъ подняться на гору, и вы—на лучшей площади города (соборной), гдѣ сосредоточены лучшія зданія и городская торговля. Есть извозчики: ихъ бываетъ обыкновенно на пристани достаточно. Берутъ не дорого: съѣздить въ городъ (взадъ и впередъ) стоитъ копѣекъ 20.

На самомъ берегу есть гостинницы: но это, собственно говоря, трактиры и весьма грязные.

Лучшія — Дорохова и Прянишникова. Первая больше уважается въ городѣ. Обѣ онѣ на Московской улицѣ.

Достопримѣчательностью можетъ быть названа *плащаница* въ единовѣрческой церкви; ей приписываютъ глубокую древность.

Замѣчателенъ садъ *Сапожникова*, устроенный съ большимъ искусствомъ и роскошью; а также многіе и другіе сады, изъ которыхъ иные такъ велики, что приносятъ до 6 т. годового дохода.

Ниже Вольска начинаютъ встрѣчаться по обѣимъ сторонамъ Волги нѣмецкія колоніи. Подумаете, что въѣхали въ Швейцарію, когда услышите, что вотъ здѣсь находится Золотурнъ, тамъ Шафгаузенъ, тамъ Цюригъ, тамъ Аргау.

По правому берегу все тянутся горы; часть ихъ, отъ Вольска верстъ на 35, на-

зывается Змѣевыми горами; онѣ отличаются крутизною и считаются высочайшими изъ всей здѣшной гряды, достигая 500 футовъ надъ уровнемъ Волги.

Но вотъ, въ 60 верстахъ отъ Вольска, на лѣвомъ берегу, находится столица здѣшной немѣтчины—*Екатеринштадтъ* или *Баронскъ*, у котораго останавливаются пароходы. Это большая колонія съ населеніемъ около 2 тыс. человѣкъ и одна изъ важныхъ хлѣбныхъ пристаней. На берегу построено до 200 амбаровъ для ссыпки покупаемой на здѣшнемъ рынкѣ пшеницы. Отсюда отвозятъ ежегодно пшеницы и табаку на сумму около 300 т. руб. сер. Здѣсь благодарные нѣмцы воздвигли памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, даровавшей имъ отличныя земли и многія привиллегіи.

Къ Екатеринштадту пароходъ пристаётъ только въ полую воду; въ остальное же время пассажировъ здѣсь ссаживаютъ и прини-

мають посредствомъ лодки. Отсюда до Саратова остается 90 верстъ.

На всемъ этомъ протяженіи замѣчательныхъ мѣстностей нѣтъ. Только подъѣзжая къ Саратову, вы увидите большое село, раскинувшееся на лѣвомъ берегу, почти насупротивъ Саратова. Это—Покровская слобода.

Она есть одинъ изъ древнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ въ этомъ краѣ. Имѣетъ до 10 тысячъ жителей, преимущественно малороссіянъ, но также и нѣмцевъ. Покровская слобода также одна изъ важнѣйшихъ хлѣбныхъ пристаней на Волгѣ; берегъ также застроенъ амбарами для ссыпки пшеницы.

Но вотъ, на правомъ берегу, живописнымъ амфитеатромъ раскидывается Саратовъ, многолюднѣйшій городъ на всей Волгѣ. Онъ кажется сжатымъ со всѣхъ сторонъ высокими горами, находясь какъ бы въ котловинѣ, и поражаетъ зрителя своею громадностью, растянувшись на семь верстъ по берегу Волги.

САРАТОВЪ.

Лежитъ на правомъ берегу Волги; подъ $51^{\circ}32'$ с. ш. и подъ $63^{\circ}44'$ в. д. Отъ Петербурга—1591 в., отъ Москвы—915 в., по Волгѣ: отъ Нижняго—1275 в., отъ Казани—883 в., отъ Симбирска—678 в., отъ Самары—452 в., отъ Астрахани—860 в. Саратовъ былъ построенъ на лѣвомъ берегу Волги, при устьи рѣки Саратовки, по указу царя Θεодора Ивановича, въ 1591 году, для отраженія набѣговъ дикихъ ордынцевъ, кочевавшихъ за Волгою и былъ укрѣпленъ двойнымъ валомъ. На правый берегъ онъ былъ перенесенъ, какъ полагаютъ, въ концѣ XVII вѣка. Въ августѣ 1670 года, городъ безъ сопротивленія сдался Разину, и большая часть населенія пристала къ его войску. Въ 1718 г. Саратовъ былъ причисленъ къ

астраханской губерніи. Въ іюнѣ 1722 г. городъ былъ посѣщенъ Петромъ Великимъ. 5 августа 1774 г. подступилъ къ Саратову Пугачовъ. Первый приступъ самозванца былъ отраженъ гарнизономъ. Пугачовъ вошелъ ~~на~~ на Соколову гору и сталъ палить изъ пушекъ холостыми зарядами. Городъ сдался; Пугачевъ вступилъ въ него и былъ встрѣченъ народомъ съ почотомъ. Вслѣдъ, за пугачовщиною, Саратовъ пострадалъ отъ голода. Въ 1780 году въ Саратовѣ было учреждено намѣстничество. Въ 1796 году Саратовская губернія была уничтожена; а въ 1797 году возстановлена. Въ настоящее время Саратовъ имѣетъ до 84 т. жителей и весьма важный въ торговомъ отношеніи городъ. Главная масса капиталовъ обращена на вывозъ мѣстныхъ произведеній края: хлѣба, сала, рыбы и проч. а также на закупку соли, желѣза и лѣса. На саратовской пристани ежегодно грузится товаръ на сумму до 2 м. р. выгружается на 2½ милліона.

Фабричная и заводская промышленность весьма мало развиты: всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ Саратовѣ считается около 70; особенно развито производство подсолнечнаго масла и обработка табаку.

Пристань.

Пристань здѣсь тянется во всю длину города. Пассажирные пароходы пристають около центра города. Пристани всѣхъ пароходныхъ обществъ сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, между бабушкинымъ и полицейскимъ взвозами. Набережной не устроено, такъ что берегъ большую часть лѣта бываетъ непроходимо грязенъ и тинистъ, наполненъ рытвинами, какими-то канавами и вообще представляетъ неудобства и для ѣдущаго и для идущаго по немъ. Въѣзды на гору хотя вымощены, но все таки неудобны, потому что вымощены дурно и чрезвычайно круты. На пристани здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, существуютъ трактиры, кабаки, мелочныя ла-

вочки; кромѣ того на столахъ торгуютъ хлѣбомъ и другими припасами, а ко времени прихода и отхода пассажирскихъ пароходовъ, на берегу собирается нѣсколько десятковъ торговцевъ и торговокъ съ разными разностями.

Есть нѣсколько общественныхъ купалень (близъ пароходныхъ пристаней).

Извозники.

Кромѣ ломовыхъ на телѣгахъ, легкіе извозники ѣздятъ на троякихъ экипажахъ: на дрожкахъ, называемыхъ *пролетками*, на длинныхъ *тарантасахъ* и на крытыхъ — *долгушахъ*. На экипажахъ двухъ первыхъ родовъ извозники ѣздятъ обыкновенно по 20 коп. въ часъ и 10 коп. конецъ. На долгушахъ дороже: 40 коп. въ часъ. Вообще извозники не въ примѣръ лучше самарскихъ и казанскихъ; есть весьма приличные, — съ хорошими лошадьми и экипажами. Около парохода всегда бываетъ пропасть извозниковъ.

Въ городѣ они стоятъ стаями на всѣхъ почти перекресткахъ центральныхъ улицъ.

Гостиницы и номера.

Гостиницъ и трактировъ въ Саратовѣ не такъ много, какъ бы можно было ожидать, судя по громадности города.

На берегу Волги, близъ пристани «пароходнаго общества по Волгѣ», находится Вокзалъ, опрятно содержимый и съ порядочнымъ столомъ. Прочія гостиницы на берегу не могутъ похвалиться чистотой. Есть также на берегу и номера для прїѣзжающихъ, какъ въ гостиницѣ «Самолетъ», но они не изъ лучшихъ, а не дороги. Лучшая гостиница въ городѣ, это — «Вокзалъ и общій столъ» Бѣляева, на театральной площади, напротивъ театра. Содержится хорошо, столъ хорошъ. Изъ номеровъ лучшими считаются — *Барсукова*, на Нѣмецкой улицѣ. Цѣны отъ 50 к. до 2 р. въ сутки. Извѣстны также номера *Барыкина*, на Верхнемъ базарѣ. Цѣна отъ

50 коп. въ сутки. Номера Шехтель, на Московской улицѣ, съ такими же цѣнами. Кромѣ номеровъ, въ Саратовѣ прїѣзжій легко можетъ найти для своего помѣщенія опрятную комнату на постояломъ дворѣ за 25 и 30 к.

Библіотеки и книжныя лавки.

Въ Саратовѣ одна книжная лавка: на Московской улицѣ, рядомъ съ дворянскимъ собраниемъ.

Есть *Общественная бібліотека*, въ домѣ городского общества.

Присутственные мѣста на соборной площади, въ казенномъ зданіи.

Почтовая контора на Сергіевской улицѣ, недалеко отъ пароходныхъ пристаней.

Телеграфная станція довольно далеко отъ Волги, на Царицынской улицѣ.

Отдѣленіе государственнаго банка не подалеку отъ собора, близъ самой соборной площади.

Гулянье.

Единственное мѣсто для лѣтняго гулянья—загородный садъ *Шехтель*, въ которомъ лѣтомъ бываетъ театръ.

ОТЪ САРАТОВА ДО ЦАРИЦЫНА.

(403 версты).

За Саратовомъ Волга становится еще шире и раздольнѣе. Подъ Саратовомъ ширина ея около 4 верстъ. Берега сохраняютъ тотъ же характеръ, какъ и выше: правый продолжаетъ быть гористымъ, лѣвый — низменнымъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ пронесется предъ вашими глазами Саратовъ, съ его красивой панорамой, когда уйдутъ изъ виду и пароходныя пристани, и лѣсная пристань, и бѣлѣющіяся зданія александровской больницы, института, *красный крестъ*, за тѣмъ хорошенькіе загородные дома съ садами саратовскихъ богачей, — скорѣ за всѣмъ этимъ, на правомъ берегу предъ вами нарц-

суется ближайшая къ Саратову деревня *Увѣкъ*, названіемъ своимъ напоминающая о находящихся близь нее развалинахъ стариннаго Увѣка. Она, по нашему счету, лежитъ на 17 верстѣ отъ Саратова. Деревенька сама по себѣ ни чѣмъ не замѣчательная, она ежегодно, 29 августа, посѣщается многими тысячами народа изъ Саратова, приходящими сюда на богомолье, поклониться имѣющемуся здѣсь образу Іоанна Крестителя, образу, весьма почитаемому саратовцами.

На 31 верстѣ отъ Увѣка, отъ Саратова на 48, на правомъ берегу лежитъ нѣмецкая колонія Сосновка, у которой на самое короткое время останавливается пароходъ, иногда и не подходя къ пристани, и ссаживая и принимая пассажировъ на лодкѣ.

По мѣстоположенію своему, Сосновка тотъ пунктъ, съ котораго начинается сухопутный волокъ между Волгою и Медвѣдцею, вслѣдствіе чего эта тихая и не возмущаемая лѣтомъ колонія зимою весьма ожив-

ляется: сюда съѣзжаются промышленники и производятъ заподряды на перевозку съ Волги на Медвѣдицу лѣса, желѣза, рогожи, лубья и прочихъ нужныхъ для судоходства матеріаловъ.

Если въ то время, когда пароходъ подойдетъ къ Сосновкѣ, вы подымитесь на палубу и взглянете на берегъ, вамъ представится весьма оригинальная картина: на берегу непременно собралась толпа, которая на непривычный взглядъ покажется чрезвычайно своеобразна. Нѣмцы въ ихъ черныхъ, не застегнутыхъ жилеткахъ, въ синихъ панталонахъ и бѣлыхъ рубашкахъ, въ такое же сочетаніе цвѣтовъ и такъ же костюмированныя нѣмчата, въ синихъ юбкахъ и бѣлыхъ рубашкахъ нѣмки, заставляютъ думать, что пароходъ зашелъ въ какую-то чужую, нерусскую землю

За Сосновкою, тоже пойдутъ все колоніи или, какъ ихъ здѣсь называютъ колонки, обсѣвшія Саратовъ со всѣхъ сторонъ. На

12 верстѣ отъ нея, на лѣвомъ берегу, мелькнетъ передъ вами колонія *Волская*; нѣсколько ниже, на томъ же берегу *Яблонка*, чересъ 9 верстѣ встрѣтится еще *колонокъ Скатовка*, а на 3-й верстѣ отъ нея расположена колонія *Привальная* или *Вагенбургъ*. На 42-й верстѣ отъ *Сосновки*, на лѣвомъ берегу, находится колонія *Краснополе*, а по сосѣдству съ нею еще—*Кочетная*. Всѣ эти колоніи торгуютъ хлѣбомъ: всѣ они вмѣстѣ отправляютъ въ годъ разнаго рода хлѣба на сумму около 270,000 руб., на 55 судахъ.

Въ 20 верстахъ отъ *Краснополя*, на правомъ берегу, расположено весьма значительное, ~~хлебо-русское село~~ — *Золотое*, отстоящее на 110 верстѣ отъ *Саратова* и на 109 отъ *Камышина*. Здѣсь останавливается пароходъ, подходя къ пристани. *Золотое* отпускаетъ хлѣба на сумму до 85 рублей въ годъ.

Отсюда нагорный берегъ еще разъ мѣняетъ свои живописныя очертанія. Безпре-

станно встрѣчаются величественные обрывистые утесы, какъ будто обтесанные; въ видѣ такъ называемыхъ *столбичей*. Въ этой мѣстности, кажется, больше, чѣмъ въ какой нибудь другой на Волгѣ, живо сохранилось въ народной памяти множество преданій о старинѣ. Большая часть этихъ преданій и легендъ имѣютъ своимъ героемъ, конечно, Стеньку Разина. Дѣйствительно, здѣсь, не вдалекѣ отъ тихаго Дона, по преимуществу дѣйствовалъ памятный народу Разинъ, со своими работничками. Здѣсь есть множество урочищъ, съ которыми преданія и легенды связываютъ имя этого человѣка. Быстро пробѣгая по этимъ мѣстамъ на пароходѣ, вы, конечно, и не заподозрите той поэзіи, которой окрашены въ народномъ воображеніи } эти угрюмыя горы и быстро бѣгушія струи. Но проплывите здѣсь на какомъ нибудь досчаникѣ или косоушкѣ, какъ плавали въ прежнее время до развитія пароходства, и вы погрузитесь въ цѣлый міръ народнаго

* .

эпоса, повѣствующаго о стародавнихъ временахъ поволжья. Мы помѣщаемъ здѣсь три легенды, записанныя со словъ и бывшія напечатанными только въ «Волгѣ» за 1862 годъ, изданіи весьма нераспространенномъ.

І.

Шоль этто одинъ мужичокъ въ свое мѣсто... Шоль, шоль и зашоль въ лѣсъ... И таковъ-то, братцы мои, этотъ лѣсъ, что страсть!... Шоль, шоль онъ, по этому старому лѣсу, и напалъ на дорожку, идетъ... И вышелъ этотъ мужичокъ къ болоту. Туда, сюда,—болоту, кажись, и конца нѣтъ. А въ этомъ болотѣ,—лягушекъ, змѣй, ужей, гаду, это всякаго добра, и счету нѣтъ... Такъ и кишить, такъ и кишить!... И напади, братцы мои, на нашего мужика—страхъ... Онъ бѣжать... бѣжить онъ, самъ впередъ, а ноги назади остаются... Бѣжалъ, бѣжалъ и видить—изба... Отлегло маненько отъ сердца. Пошоль къ избѣ, а изъ избы на встрѣчу ему мужикъ идетъ...

— «Здравствуй, говоритъ, родимый».

— «Здравствуй»!... — Не знаешь-ли, говоритъ, кабы мнѣ изъ этого самаго лѣса выдти? Знаю, говоритъ, — да поздно... Но-чуй у меня, утречкомъ провожу на дорогу!»! Ладно... Вошолъ это мужичокъ въ избѣ, шапку снялъ, глядь, анъ святыхъ-то въ передѣ и нѣту... Такъ у него, у мужика-то, на сердцѣ замутилось... Сѣлъ на лавочку, а хозяинъ ему и говоритъ: «Стелись, да ложись, свѣтъ, а меня не жди!»! А нашто не ждать?...; Да такъ, говоритъ, я еще гостей пожду!... «А что это за гости»?... Вздохнулъ хозяинъ, да и говоритъ: «Слыхалъ-ли ты о Стенькѣ Разинѣ»?... «Слыхалъ»... Ну такъ я Стенька Разинъ и есть!»!... Подрало мужика морозомъ... Глядитъ на хозяина, а хозяинъ-то въ косу сажень... Старый, старый самъ... Какъ лунь бѣлый.., А въ лицѣ-то ни кровинки нѣтъ, а глаза-то крючками не достанешь... Сомлѣлъ мужикъ совсѣмъ... А Стенька-то ему и говоритъ: «Ты, гово-

рять, меня не бойся, я, говоритъ, тебѣ зла
никакого ни сдѣлаю... А жду, говоритъ,
я гостей незваныхъ, а божьимъ попу-
щеніемъ насланныхъ... Видалъ ты, го-
воритъ, болото-то?... Видалъ... А всякую
гадину видалъ? Видалъ... Ну, такъ говоритъ,
вся что ни есть эта гадина, приползётъ сюда,
и будетъ сосать меня до свѣта... Я все это
болото кормлю... А допреть и два кормилъ...
Да сто лѣтъ прошло, одно высохло... А ты
не бойся, молись, коли крестъ на тебѣ есть,
да спать ложись!»! Легъ мужичокъ... Лежить,
молчитъ, а самъ глазъ не сводить... Вотъ
этакъ близъ полночи, подулъ вѣтеръ, рас-
хлабянилъ дверь, — и въ эту дверь начало
ползти все, что въ болотѣ есть... И змѣи, и
ужи, и лягушки и всякая нечисть, и гадина
приползла.. Приползла всякая гадина, и ну —
этого старика сосать... Сидѣлъ онъ сперво-
началу-то, а тамъ упалъ, и давай стонать,
да Бога на помощь звать!... Лежить мужи-
чокъ ни живъ, ни мертвъ, дрожкой дрожить...

Вотъ это пѣтухи пропѣли и уползла вся эта гадина вонъ, вся до одной букашки, а Стенька лежитъ, какъ мертвый не ворохнется... Стало свѣтать, и мужичокъ заснулъ, знать, за ночь-то вчужѣ намаялся... Вотъ этакъ ужъ солнце въ дубокъ взошло, и будить его Стенька... «Вставай, говоритъ, добрый человѣкъ, пора путь держать»!... Всталъ мужичокъ, перекрестился; глядитъ на Стеньку, а на Стенькѣ и лица нѣтъ. «Умаяли, говоритъ, тебя сердечнаго». Стенька засмѣялся...

— Это, говоритъ, что!... А что допреть было! Да и рукой махнулъ... Пошли... Вотъ Стенька и говоритъ дорогой-то: «Скажи, говоритъ, православнымъ, коль не по правдѣ жить будутъ, опять приду... И приду я нежданно негаданно»!... «Ладно», говоритъ мужичокъ, а у самага шапка съ головы прочь лезетъ... Волосы-то, знаешь, ему дыбомъ съ затылка подрало... Вотъ вывелъ его Стенька изъ лѣсу, и на дорогу повелъ,

вывелъ на дорогу, да и сгинулъ... Да и сгинулъ такъ, что и слѣда не осталось...

II.

Шла старушонка съ богомолья, старенькая, престаренькая; шла, шла она, да и сбилась съ дороги. Вотъ, братцы мои, сбилась она съ дороги, и зашла въ лѣсъ. И таково-то чудень этотъ самый лѣсъ старушонкѣ показался, что она инда съ-диву далась. Пень—да колода, пень—да колода; а такъ чтобы настоящихъ деревьевъ — почитай и совсѣмъ нѣтъ, а если есть, то развѣ малость самая. И таковы-то эти пни, что обхватовъ въ шесть иной, а иной и больше; и таковы-то эти колоды, что если черезъ нее лѣзть, то въ день не перелѣзишь, — (это старушонка-то, знаешь, говоритъ.) Ровно бы этотъ самый лѣсъ на семъ мѣстѣ съ начала вѣку росъ, да не то буря прошла, не то водой поняло, не то пожаромъхватило, и полегъ онъ, какъ былъ, весь, зна-

— 177 —
читъ, нѣчисто, развѣ кое-гдѣ деревцо оста-
лось.

Вотъ идетъ, знашь, старушка Божья суш-
никомъ, да коряжникомъ, да только и знай,
что молитвы читаетъ. Шла, шла она, и напала
на дорожку; напала на дорожку и идетъ по
ней.—Шла, братцы мои, эта самая старушон-
ка, день до вечера; шла, шла, а дорожки и конца
нѣтъ... Вотъ и примааялись у ней ноженьки, по
кочкарнику ходючи, притомились рученьки, на
клюку упираючись, разломило спинушку, на-
гибаючись, подвело животики къ ретиву серд-
цу, оченьки приглядѣлися, а во рту пересохло,
словно бы вотъ печь полящая... Глядитъ,
братцы мои, это старушоночка, гдѣ бы ей
ночь скоротить; и углядѣла она колоду, что
черезъ пенъ лежитъ, бросила костылишко,
сумочку сняла, — положила, вынула хлѣбца
кусочекъ, пожущирила старыми зубами, и
свернулась клубочкомъ, свернулась клубоч-
комъ и заснула съ Христовымъ именемъ.
Вотъ этакъ близъ полуночи — пошолъ по

этому лѣсу шумъ, и таковъ-то, братцы мои, шумъ, что и сказать нельзя... И проснулась эта самая старушонка и слышитъ, какъ это по лѣсу шумъ шумитъ... Сотворила она молитву, оградилась крестнымъ знаменіемъ, и лежитъ,—не спитъ, и ждетъ, что будетъ... Вотъ и слышитъ она, братцы мои, стонъ стонущій; и таковъ-то это стонъ, что инда мать сыра земля всколебалася... И напади на нее страсть, и такова-то страсть, что и сказать нельзя. Встала она, сумочку надѣла, взяла подожокъ и побѣжала... Побѣжала она, да не туда, куда бы слѣдовало... Чѣмъ бы отъ страсти бѣжать, а она на страсть бѣжить. «Бѣгу, говоритъ, я и ногъ подъ собой не слышу, и бѣгу прямо туда, гдѣ стонъ стоитъ, а за чѣмъ бѣгу, и ума не приложу, и бѣгу, говоритъ, такъ, словно молоденькая». Вотъ скоро ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, какъ это тамъ въ сказкахъ говорится, прибѣжала эта самая старушонка на поляну... Прибѣжала на поляну, да и стала,

какъ вкопаная... Лежить на полянѣ мужикъ въ косу сажень, лежить онъ на травѣ-муравѣ, на зеленой, ясны очи у него поклѣваны, бѣла грудь попорота, всѣ бока ободраны; размѣталъ онъ руки могучія, разбросалъ онъ ноги ходучія, и вопить, и стонетъ въ истошный голосъ, и молить и просить онъ милости. А сидитъ, на немъ, на бѣлой груди орель-птица, орель-птица кровожадная. Она порить, рветъ его бѣлу грудь, она точить кровь во сыру землю. Она рветъ въ куски тѣло бѣлое, она рветъ его и живымъ глотать... Она клюетъ ему въ очи ясныя, а очей давно ужъ и званья нѣтъ...

Ужъ начто стара была старушоночка, а и ту взяла живость за сердце...

И вотъ, братцы мои, пала эта самая старушоночка на сыру землю и давай вопить и плакать, и давай молить Создателя. Молить она Создателя, а сама слезно плачетъ.

— «Ужъ и что это ты, Создатель, разгнѣвался, ужъ и что это ты таку казнь по-

слалъ, такую казнь послалъ на раба своего?... Али больше всѣхъ согрѣшилъ онъ здѣсь, али нѣтъ ему и прощенія!»! . . .

И вотъ, братцы мои, молить и просить эта старушонка, а ее будто мурысь беретъ... Плакала, плакала она, да и заснула... Заснула она и видитъ сонъ, и видитъ не то что сонъ, а видѣніе... Вотъ и чудится этой самой старушоночкѣ, что въ лѣсу шумъ пошолъ, пошолъ это шумъ и какъ-будто свѣтъ осіялъ. Да и такой свѣтъ осіялъ, что и сказать нельзя. Осіялъ это свѣтъ, и видитъ она лѣсницу, и ведетъ, братцы мои, эта лѣсница на небо... Глядитъ, старушонка во всѣ глаза, и видитъ сходятъ по лѣсницѣ ангели... Сходятъ эти самые ангели, и говорятъ ей:

— «Что ты, раба божья, убиваешься?

— «Да и какъ мнѣ, рабѣ божьей, не убиваться, вижу я чудо пречудное, диво предивное, вижу я таковое мученіе, о коемъ и въ писаніи не сказано... Самъ Господь сказалъ, что мы братія, что мы братія всѣ по

плоти, что мы братія по крещенію... Какъ же мнѣ, рабѣ, не убиватися, какъ же мнѣ, рабѣ, не плакати, не молить во грѣхахъ отпущенія»!.. И ей ангели Божіи промолвили:— «Ой, ты гой еси, раба божія, велика мольба твоя передъ Господомъ, твои слезы доходчивы, твои вздохи упросливы... Перестань же ты плакаться, чему быть должно, то и сбудится»!... .

И проснулась, братцы мои, эта самая старуха, и видитъ передъ ней рѣка бѣжитъ, захотѣла она воды испить, а вода горькая да теплая, а вода-то-были ея слезы горючія, она за ночь ихъ наплакала... Глядь, поглядь— мужикъ лежитъ, поджили его раны глубокія, проглянули его очи страдальныя, а орлаптицы и въ поминѣ нѣтъ...

И говоритъ старушка мужику-то, знаешь:— «Кто ты, говоритъ, добрый человѣкъ, какъ тебя звать по имени, по отчеству, и за што прошто терпишь муку невыносливую»?...

И вздохнулъ мужикъ и промолвилъ ей:—

«А слыжала ли ты, бабушка, о Стенькѣ Разинѣ?»

Слухомъ земля полнится. Шлялась я по бѣлу свѣту, много всякой всячины наслыхалась. . .

— Ну, такъ я Стенька и есть. . .

Какъ только это онъ сказалъ, и взяла старушку оробѣ, и такая оробѣ взяла, что и сказать нельзя.

А Стенька и говоритъ: «Ты, говоритъ, меня, старушка божья, не опасайся, я тебѣ худа не сдѣлаю. Помолила ты за меня Спасу Пречистому и молитва твоя мнѣ во спасенье. . . А что ты видѣла мои муки невыносимыя, такъ это еще и полмуки пѣть. . . Допрежь того было двѣ птицы хищныя, а сто лѣтъ прошло, одна отлѣтѣла. . . Двѣсти лѣтъ пройдетъ и всему конецъ! . . . Ты иди, старушка божья, изъ лѣсу; ты иди на востокъ солнца. . . А какъ выйдешь изъ лѣсу, то скажи православнымъ, коль не по правдѣ жить будутъ, чтобы ждали меня, я опять приду. . . Я приду,

говорить, какъ встарь ходилъ; а и будетъ тогда горше прежняго! . . .

Вотъ пошла старушоночка на восходъ солнца; шла, шла и вышла изъ лѣсу, вышла изъ лѣсу и напала на торную дорогу. Идетъ она по дорогѣ и думаетъ, и кумѣкаетъ сама съ собой: гдѣ-де я теперь очутилась. . . А очутилась она, братцы мои, близъ Камышина, очутилась близъ Камышина городка. . . Начала повѣщать православнымъ. . . А надъ ней добрые люди посмѣялися.

Такъ вотъ какъ, братцы мои, каково. А ужъ дальше-то и рассказывать нечего.

III.

Пошли дѣвки по-ягоды, и нашли, братцы, эти самыя дѣвки ягодъ тьму-тьмущую, нашли какъ они ягодъ тьму-тьмущую и разбрелись въ разныя стороны. . . Вотъ рвутъ себѣ ягоды ни о чемъ не думаютъ, а думаютъ только о томъ, какъ бы, знаешь, передъ товарками ягодъ больше набрать. . . И

рвали они день до вечера, рвали, спинушки не разгибаючи, и нарвали столько, что страсть! .. И зайди одна изъ нихъ, изъ этихъ самыхъ дѣвокъ-то, въ такую трущобу, что инда, братцы мои, свѣту божьяго не видать... Какъ, знашь, набрала она лукошечко, да оглядѣлась, такъ и увидѣла, что зашла туда, куды, кажись, и ворона костей не заносили. И напади на нее страсть, и такая страсть напала, что и сказать нельзя... Хочетъ она, братцы мои, напастъ на дорожку, а дорожки и званья нѣтъ... И не то, чтобы слѣда человѣчьяго, нѣтъ тебѣ ни лазу, ни попрыску звѣринаго, одно слово, вотъ тебѣ какъ есть лѣсъ трущоба непроходная.. Сушнику этого самого, да каряжнику этого добраго навалено, наворочено — не-знать!... Хочетъ она, братцы мои, аукнуться, съ товарками перекликнуться, а голосу нѣтъ, нѣтъ тебѣ голосу, да и на поди! Билась, билась она, билась этакъ съ цѣлый уповодъ, билась да и закричала, что ни ёсть у ней въ головѣ

голосу, такъ и самой ей стало жутко, и ужъ очень больно. Пошолъ, братцы мои, это по лѣсу шумъ, да гулъ... И такой шумъ, да гулъ пошолъ, что вотъ будто, весь лѣсъ заговорилъ... Заговорилъ, какъ это, знашь, весь лѣсъ, да все разными голосами... Дубъ-те, аль береза большая—толстымъ голосомъ; орѣшникъ да калина, словно —тонкимъ голосомъ; чапыжникъ, малинникъ — попискиваютъ; сушнякъ да каряжникъ—поскрипываютъ... Пала наша дѣвка, братцы мои, на сырую землю; залилась наша дѣвка горячими слезами... «Вотъ знать, и мнѣ смерть моя пришла, и пришла эта самая смерть нежданно, негаданно... И пошла я, и пришла дѣвка, на эту смерть улыбаючись; подходила я дѣвка къ ней, къ этой самой лютой смерти распѣваячи, распѣваячи, братцы, пѣсни веселья .. Ужъ и за чѣмъ это я, дѣвка, ягодъ набрала, набрала три пропасти!... И умру я дѣвка, въ темномъ лѣсу; умру я, въ этомъ темномъ лѣсу, неоплаканная... Ты не жди меня, миленькій,

во глухую полночь, ты не жди меня, хорошенькій, на бѣлой зарѣ»... Плачетъ, братцы мои, дѣвка и всякія, разныя причитанья причитываетъ. И не видитъ эта самая дѣвка, что день прошолъ, что давно ужъ заря прогорѣла вечерняя; что темнымъ-темно, что синомъ-синё небо чистое; что взошла давно и звѣзда полуношная... Вотъ, какъ знать, братцы мои, взошла эта звѣзда полуношная, и пошолъ по лѣсу стонъ стонущій, вопъ вопущій... И какъ слышала его, этотъ стонъ стонущій, этотъ вопъ вопущій—дѣвка, еще больше испугалася. Вотъ какъ эта дѣвка испугалася, да и тутъ же и на умъ нашла: «Ужь и что же это, говоритъ, на меня за дурь нашла? И такая дурь неуразная, да не то, что неуразная, а какъ есть дурацкая?... Коли смерть придетъ,—не отлечишься...

Чему быть, такъ то и сбудется... А пойду-ль я дѣвка разувѣдаю, разузнаю, что за стонъ стоитъ, что за вопъ идетъ?... Може мучится душа христіанская, такъ авось-либо,

что ии сдѣлаю»!... Вотъ встала эта самая дѣвка и пошла по лѣсу, и пошла она по лѣсу, прямо, какъ есть, на стонъ стонущій, на вопъ вопущій... И пришла она на поляну широкую, и видитъ она, братцы, орла птицу. Вотъ видитъ она орла птицу страшенную, да не-спроста увидала орла птицу. Лежить на этой полянѣ на широкой, лежить старъ человѣкъ въ косу сажень, борода сѣдая до пояса... Его руки, ноги попутаны, и попутаны они, братцы, травой лѣсной, что травой лѣсной да зелененькой... Его ясны очи поклѣваны, его бѣла грудь попорота, что попорота орломъ птицей, что бѣжить ключомъ кровь горячая, и поитъ она мать сыру землю... И клюетъ, братцы, орель птица, и клюетъ она въ ретиво сердце... Она клюнетъ затрепещится, сердце кровью все обольѣтся, какъ обольѣтся, заколотится, закричитъ старикъ, что есть моченьки... Отъ того въ лѣсу и вопъ идетъ... И клянеть, костить онъ орла птицу, и зоветъ къ себѣ

смерть-разлучницу... Разлучи ты, смерть, смерть лютая; разлучи ты, смерть, меня съ бѣлымъ свѣтомъ... Легче будетъ мнѣ въ огнѣ горѣть, легче будетъ мнѣ въ смолѣ кипѣть, чѣмъ на бѣломъ свѣтѣ мучиться!... А и смерть стоитъ въ головахъ при немъ, на плечѣ держитъ косу вострую; а стоитъ она не шелохнется, и промежь себя усмѣхается, на его страду глядячи, на страду его на великую!... А и рветъ его орелъ цгица; а и рветъ клюетъ въ ретиво сердце... Такъ и такъ, братцы мои, стоитъ наша дѣвка дивуется, да не то что дивуется, мукой мучится... Женско сердце съ воску слѣплено, оно къ жалости доходчиво, оно къ милости податливо... Растопили воскъ разделѣлся по бѣлой груди, по бѣлой груди Матрѣшкиной... Дѣвку-то, братцы, Матрѣшкой звали... Прослезилася Матрѣшенька, прослезилась громко всплакнула. Ой, ты, гой еси, орелъ птица, ты орелъ птица великая!... Ты не рви, не клюй сердце бѣдное,

не пори не рви эту бѣлу грудь... Ты оставь покинь его бѣднаго, ты оставь, покинь разнесчастнаго... Не оставишь, не покинешь ты, буду Господу я плакаться, самому Царю небесному, что ни есть Спасу Пречистому?... Ой, ты, гой еси, смерть лютая, смерть лютая, неупрослива,—что ты зря ума проклажаешься; на какую радость скалишься? Ты убей, скоси тѣло старое, разлучи ты съ нимъ душу грѣшную, душу грѣшную, христіанскую!

Плачетъ она, значитъ, братцы мои, совсѣмъ убивается.

Какъ возговорить тутъ орелъ птица, и возговорить человѣчьимъ голосомъ: Ой, ты гой еси, красна-дѣвушка, красна-дѣвушка неразумная, неразумная, неразсудлива; неразсудлива, недогалива!... Не сама собой я орелъ-птица, а по божьему повѣленію; а поволюшкѣ, по охотушкѣ, не была бы я орелъ птица!... А была бы я по волюшкѣ—соловейкою, а была бы я по охотушкѣ—голосистымъ..

Отъ бѣлой зари, день до вечера, я летала бы по поднебесью; а со вечера до бѣлой зари — распѣвала бы въ темномъ лѣсу, въ темномъ лѣсу, во густомъ саду, что на кустикѣ, на ракитовомъ, краснымъ дѣвушкамъ но забавушку, молодымъ парнямъ на зазнобушку. . . Не поролъ бы я тѣла бѣлаго, тѣла бѣлаго человѣчьяго! . . . Не точила-бъ я кровь горячую, не поила-бъ ей мать сыру землю. . . Не по волюшкѣ я орелъ-птица, а по божьему повелѣнію. . . И послалъ меня Самъ Пречистый Спасъ — на мученіе, на великое. . . На великое, на мученіе тѣла бѣлаго, тѣла грѣшнаго. . . Вотъ ужъ сто годовъ миновалось, миновалось прокатилось. На исходѣ ужъ и другое сто. А другое сто, какъ отмучаю, отлечу тогда за темны лѣса, что за тѣ лѣса за дремучіе. Отлечу тогда за сини моря, за сини моря, за глубокія! . . . Отлечу тогда за дневны тѣни, за дневны тѣни, за расыпчатые. . .

Какъ возговорить, братцы, эта самая

смерть, а возговорить она человѣчьимъ голосомъ:

Ой, ты, гой еси, красна-дѣвушка, красна-дѣвушка, неразумная, неразумная, неразсудлива; неразсудлива, недогадлива!... Не по волюшкѣ—я лютая смерть, я лютая смерть, неупрослива, неупрослива, неподатлива... Я лютая смерть не сама собой, а по божьему повелѣнію. А по волюшкѣ, по охотушкѣ — я родилась бы. появилась бы птичкой ~~на~~ шечкой, канареечкой. И сидѣла бы я во теремѣ, я во теремѣ во высокіемъ, я во клѣточкѣ во серебряной, чистымъ золотомъ перевитой, и каменьями самоцвѣтными разусаженной, разуряженной. Ужь и пѣла бы я день до вечера, а со вечера до бѣла утра. Ужь пѣла бы разсыпалася, громкой пѣсенкой разливалася. Не стояла бы здѣсь во темномъ лѣсу, не держала бы косы вострыя, не глядѣла бы, не смотрѣла бы муки тяжкія, невыносимыя. Не по волюшкѣ я взялась на свѣтъ, я взялась на свѣтъ смертью

лютою, а по божьему повелѣнію. Не косить пришла, не рубить пришла тѣло грѣшное, изможденное, болью смертною изморенное. Не разлучницей я пришла сюда, я пришла на страхъ душѣ грѣшнойей, душѣ грѣшнойей христіанскойей; и пришла сюда не сама собой, а по божьему цовелѣнію! . . .

Пуще прежняго, братцы мои, эта самая дѣвка всплакнула. Всплакнула, братцы, и взрыдала, взрыдала и упала на сыру землю. . .

Плачетъ слезно дѣвка, — причитываетъ, мать сыру землю упрашиваетъ, не упрашивать, умаливать. . .

— Ахъ ты, матушка, сыра земля, мать сыра земля, кормилица!... Не твое-ль это дитятко мучится, не твое-ль родное казнится!... Сто-годовъ прошло, и другое сто, и другое сто скоро минется, какъ ты пьешь его кровь горячую, кровь горячую, что ключемъ бѣжить, что ключемъ бѣжить съ ретива сердца!... Раступись-ко ты, мать сыра земля, и по-

крой его тѣло бѣлое, тѣло бѣлое, тѣло грѣшное! . . .

Застонала мать сыра земля, застонала всколыхалася, всколебалася. Зашумѣлъ, завылъ весь дремучій лѣсъ, словно бурюшка разыгралася, звѣремъ лютыемъ расмѣталася. И трещать дубы съ корнемъ валются; бѣлы-березынки изогнулись, изогнулись, поломались И возговорить мать сыра земля :

Ой, ты, гой еси, красна дѣвушка, красна дѣвушка неразсудлива; неразсудлива, недогадлива! . . . Не муку я воспроизвела, не казнь его возлелѣяла; возлелѣяла я дитя свое — что на волюшку, на охотушку, на привольную жисть удалюю! . . . Да прогнѣвалъ онъ Христа-Господа! Проливалъ онъ кровь неповинную; надъ младенцами неповинными, ни въ какой вигѣ непричастными, словно звѣрь какой надругался онъ . . . Надъ дѣвицами, надъ безсудными, надъ безсудными, безобидными, безобидными неповин-

ными, надругаяючись утѣшался онъ.... Не жалѣлъ красы онъ дѣвической, не жалѣлъ стыда, стыда женскаго, стыда женскаго, безпомощнаго, и за то теперь мукой мучится, и за то теперь казнью казнится!...

Пуще прежняго дѣвка всплакнула!.... Сердце женское съ воску слѣплено, оно къ жалости доходчиво, оно къ милости податливо. Растопился воскъ, разлелѣлся, разлелѣлся по бѣлой груди, по бѣлой груди красной дѣвушки.... Льетъ ручьемъ она слёзы горькія; она плачетъ, убивается, словно ласточка у тепла гнѣзда, словно горлинка на сухомъ суку, на сухомъ суку во темномъ лѣсу.

А бѣла заря просыпалася, по синю небу разливалася, алымъ полымемъ разгоралась... Мелки пташечки встрѣпенулися, встрѣпенулися, всколыхнулися, громкой пѣсенкой разливалися!...

Вотъ какъ слышала, братцы, наша дѣвка, мелки пташечки распѣваютъ, подняла она отъ сырой земли лицо бѣлое.... И гля-

дитъ она, дивуется и глазамъ не вѣритъ.... Орла-птицы и въ поминѣ нѣтъ, лютой смерти словно не было, только знатко, гдѣ мужикъ лежалъ.... Шолкова трава притоптана, что притоптана, приколочена.... Встала дѣвка наша образумилась, на всѣ стороны оглядѣлася, и пошла, куда глаза глядятъ....

Шла, шла она, и напала на дорожку на-нала, братцы мои, наша дѣвка на дорожку, идетъ по ней.... Сколько тамъ шла она, поди съ уповадъ, пропла этакъ съ уповадъ и попадись ей человѣкъ на встрѣчу. Попался человѣкъ на встрѣчу; мужикъ не мужикъ, парень не парень, а старикъ старый, престарый. И таково-то, братцы мои, старъ, что и сказать нельзя.... Осмѣлилась дѣвка, храбрости, знаешь, на себя напустила, и говоритъ этому самому старику: Такъ и такъ, говоритъ, дѣдушка родимый, пошла я вчерашнимъ бытомъ, въ лѣсъ по-ягоды. Пошла я, красная дѣвушка, по-ягоды, и нашла ягодъ тьму-тьмущую. И позарилась я на

ягоды, да отъ товарокъ и отби́лась; отби́лась отъ товарокъ и зашла, зря ума туда, куда, кажись, и воронъ костей не заносилъ.... Такъ, говоритъ, я несчастная въ темномъ лѣсу и осталася. Много туги-горечи хлѣбнула, много страху натерпѣлась... Выведи, родимый, на дорожку; покажи, гдѣ бы выдти мнѣ на поле чистое.....

— Ладно, красавица, говоритъ старикъ... Пойдемъ за мной.

Пошла она за нимъ, да пѣсенку и замурныкала.....

Мурлычитъ, значитъ, она себѣ пѣсенку, а старикъ-то ее и спрашиваетъ: Не во гнѣвъ, говоритъ, тебѣ красна дѣвица сказать, что говоритъ, ты за страсть въ лѣсу видала?

— И такова - то, дѣдушка родимый, страсть, что и сказать нельзя.....

— А ты говоритъ, красная дѣвица, имени, говоритъ, отчества не знаю, не ломайся, а расскажи мнѣ старику всю правду истину.

— Ну, инъ, говоритъ, слушай дѣдушка!...

Такъ говоритъ и такъ, и рассказала ему все по порядку. Разказала, какъ значитъ, все по порядку, анъ и лѣсу конецъ.

— Спасибо, говоритъ, тебѣ дѣдушка! Вотъ на грѣхъ я съ тобой вчера не встрѣтилась.

— А може и встрѣтилась, говоритъ, да теперича не признала.

Какъ взглянула, братцы мои, дѣвка на старика, такъ и ахнула. Глядитъ во всѣ глаза, а это тотъ самый старикъ, что ночью лютой мукой мучился. А онъ говоритъ ей:

— Ты, говоритъ, красавица, не пугайся, я тебѣ худа не сдѣлаю.

И глядитъ онъ на нее, братцы, такъ жалосливо, что у ней инда сердце замерло.

— Дѣдушка, говоритъ, какъ тебя зовутъ?

— Слыхала-ли ты о Стенькѣ-Разинѣ?

— Слыхала.

— Ну, такъ я самый Стенька и есть.

— Вотъ дѣвка и говоритъ ему:

— Степанъ Тимофеичъ, какъ же ты родимый ночью маешься, а днемъ и знаку нѣтъ?

— Такъ, говоритъ, Господь велѣлъ.

— А коли пройдутъ два сто, тогда-то что?

— А тогда-то я опять приду. Я приду опять на святую Русь, я приду опять на Волгу-матушку. Расплодился грѣхъ на святой Руси, правды — нѣтъ нигдѣ, только кривда. Я приду опять на святую Русь, не своей вольной волею, а по божьему повелѣнію, православнымъ въ наказаніе. Кто неправдой жилъ, пусть теперь помретъ, легче въ воду съ камнемъ кинется. А приду опять — вдвое всплachtetся, и за все про все мнѣ разплатится.

Только лишь онъ это самое сказалъ, братцы мои, да въ лѣсъ; какъ ушелъ въ лѣсъ, его и слѣдъ простылъ.

Пришла дѣвка домой, а семейные и спра-

шиваются. Ужь и гдѣ ты, такая, сякая шлялася?

Она и начала рассказывать, и рассказала, братцы, все по порядку. И узнало все село. А я, братцы, въ это самое время какъ знаешь, дѣвка-то рассказывала, на палатяхъ лежалъ. А за тѣмъ я, братцы, въ ихней избѣ на палатяхъ лежалъ, что этой самой дѣвкѣ племянникомъ приходился. Слушалъ, слушалъ я, братцы, да вотъ теперича, при случаѣ, и вамъ рассказалъ А рассказалъ я вамъ все, и больше сказать нечего; значить всему дѣлу конецъ.

На 28 верстѣ отъ Золотаго, на правомъ же берегу, расположена деревня Нижне-Банновка; на 9 верстѣ отъ нея — деревня Лапотъ, въ пяти верстахъ отъ котораго вамъ укажетъ кто нибудь на палубѣ обрывъ, отдѣленный отъ сосѣднихъ ему обрывистыхъ береговъ широкими промоинами и увѣнчаный плоскостью; это — *Разинъ*

бугоръ, или тюрьма. Въ немъ, говорятъ, и теперь видна яма, въ которой содержались плѣнные. Но многого, въ этой толпѣ и въ этомъ шумѣ пароходномъ, вы не услышите, почти ничего не услышите кромѣ того, что это, дескать, Разинъ бугоръ, гдѣ жилъ когда-то Стенька, въ пещерѣ, обитой бархатомъ.

Для большаго ознакомленія съ характеромъ этой мѣстности, извлекаемъ изъ «Волги» за 1863 годъ слѣдующій рассказъ.

«Опять я здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, такъ много напоминающихъ мнѣ изъ моего безвозвратно—мелькнувшаго прошлаго. Вотъ онѣ, тѣ самыя крутыя и угрюмыя горы, глубокія думы которыхъ пытался я разгадать когда-то. Онѣ и теперь все также угрюмы и безмолвны, и еще, кажется, глубже погрузились въ свои тайныя думы. Отчего вы такъ сумрачны горы? что за печаль безъисходная залегла въ васъ? или нечаєте вы ничего добраго отъ тѣхъ событій, которыя

проносятся передъ вами? или смѣняются годы надъ вашими вершинами, принося вамъ только тоску и плачь? кажется, по прежнему катится подъ вами Волга, то какъ бы лаская съ любовью ваши подножья, то сердито ударяясь объ нихъ. Развѣ только люди не прежніе, житье—бытье ихъ новое?

И вспомнилось мнѣ мое первое, давнишнее знакомство съ этими мѣстами. Вспомнилось мнѣ прежнее плаваніе по великой рѣкѣ, плаваніе верстъ по пятидесяти въ сутки. Одна ночь такого путешествія прочно врѣзалась въ моей памяти, и теперь живо представилась мнѣ, при видѣ этихъ горъ.

Была тихая, тихая іюльская ночь. Волга, какъ нарисованная, растилалась широкою лентой. Съ одной стороны ея высились темныя горы, съ другой разстилались безпредѣльныя степи. И надо всѣмъ величаво спокойно плылъ мѣсяцъ по синему небу. Наша лодка, подъ самыми горами, чуть замѣтно

скользила по зеркальной поверхности рѣки, уносящая ее легкимъ теченіемъ.

Мы—пассажиры, да нѣсколько человѣкъ рабочихъ расположились на кормѣ. Подъ вліяніемъ мѣстности, у насъ завязался разговоръ о тѣхъ стародавнихъ временахъ, когда тутъ совершалось такъ много памятныхъ для народа событій. О многомъ было говорили и спорили; но какъ-то вяло, не охотно шолъ разговоръ, пока не завелъ кто-то рѣчи о Степанѣ Тимофеевичѣ. Нужно было видѣть, какъ встрепенулись и оживились мужички, при этомъ имени, куда дѣвалась ихъ вялость и сонливость. Каждому хотѣлось, что нибудь рассказать о немъ, и они перебиваютъ другъ друга, поправляютъ, подсказываютъ. И пошолъ живой, неумолкаемый говоръ. Много было разныхъ рассказовъ о томъ, какъ со всѣхъ проходящихъ по Волгѣ судовъ дань собиралъ Степанъ Тимофѣевичъ.

«Вотъ онъ Разинъ-то бугоръ. Стояло на

этомъ бугрѣ кресло со слоновою насѣчкою, и сидѣлъ на томъ креслѣ самъ Стенька, караулилъ, значить, суда купеческія. Какъ подходитъ которое, такъ и машетъ онъ платкомъ и кричитъ зычнымъ голосомъ, чтобы дань везли къ берегу. Не послушаютъ, свиснетъ, гаркнетъ, — и отколь невозмется двѣнадцать лодокъ съ удалыми молодцами. Съ гикомъ-крикомъ налетятъ добры молодцы, и прощайся, купецъ, съ добромъ, да и съ головой своей».

И не прерывались разнообразные рассказы о Стенькѣ: какъ разгуливалъ онъ по Волгѣ со своими работниками, какъ ни почемъ было ему стряхнуть тяжелые кандалы съ могучихъ рукъ, какъ ни почемъ было ему въ нарисованной лодкѣ изъ крѣпкой тюрьмы бѣжать.

И унеслись мы въ то былое время, и чудилось намъ, что вотъ-вотъ раздастся откуда нибудь съ горы громкій голосъ, и появится въ полумракѣ Степанъ Тимофѣевичъ.

А ночь-то тихая, да ясная, а рѣка-то какъ хрусталь, ровная и спокойная; а горы-то высокія, высокія да темныя. Кругомъ ни звука, ни движенія.... Все тихо и безмолвно. Вдругъ, откуда не возьмись—громко и звучно раздалась по рѣкѣ удалая пѣсня:

«Мы не воры не разбойнички,
«Стеньки Разина работнички!...

Мы различили вдали лодку съ разведеннымъ огнемъ, вывернувшуюся изъ-за высокаго мыса. Съ нея-то и слышилась пѣсня. Лодка казалась чѣмъ-то чуднымъ, фантастическимъ. Она быстро подвигается къ намъ, все ближе и ближе, слышно уже плесканье воды отъ весель, явственно можно различить фигуры людей. Пѣсня умолкла.

— Сарынь на кичку! громогласно раздалось вдругъ съ лодки, и старуха казначейша, ѣхавшая съ нами, чуть не свалилась въ воду со страха.

На лодкѣ пріѣхали рабочіе съ нашего же

досчаника, еще за свѣтло отправившіеся за рыбой. Возвращаясь, когда уже стемнѣло, они разложили у себя огонь, заварили уху, да и запѣли пѣсню, навѣянную благодатною ночью, да знакомыми урочищами. Молодецкая пѣсня вызвала и молодецкій покрикъ и потревожила тѣнь Степана Тимофѣевича.

Вотъ какія воспоминанія навѣяли мнѣ эти давно знакомыя и давно невиданныя мѣста».

На 72 верстѣ отъ Золотаго, впадаетъ въ Волгу рѣка Большой Ерусланъ, служащая границею между астраханскою и самарскою губерніями.

На 10 верстѣ ниже, лежитъ по правому берегу колонія Добринка, съ пристанью, отправляющей ежегодно хлѣба на сумму до 20 т. руб.

Верстахъ въ осьми отъ этой колоніи, возвышенность, идущая по правому берегу, вѣнчается бугромъ, носящемъ названіе бугра *Уракова* — весьма красивая гора, опирающаяся своимъ основаніемъ на плитной

утесъ сажень въ 20 вышины. Въ утесѣ прорыты водою пещеры; весь бугоръ вышиною до 70 саж. надъ уровнемъ Волги.

На 108 верстѣ отъ Золотаго, на лѣвомъ берегу, расположена большая и богатая слобода Николаевская, съ пристанью, съ которой отправляется по Волгѣ елтонская соль. А насупротивъ Николаевской слободы, на крутомъ берегу, на песчаной плоскости, весьма унылой по наружности, разнообразящейся только окружающими горами, извѣстными въ простонародьи подъ именемъ камышинскихъ ушей, расположенъ довольно большой и хорошій городокъ Камышинъ, станція легкихъ пароходовъ.

Камышинъ. Уѣздный городъ саратовской губерніи. Лежитъ подъ $50^{\circ} 5'$ с. ш. и подъ $63^{\circ} 4'$, в. д. Отъ Петербурга 1725 в., отъ Москвы 1048 в., по Волгѣ отъ Нижняго — 1494 в., отъ Саратова — 219 в., отъ Астрахани — 641 в. Основанъ въ 1668 году. Игралъ не маловажную роль въ эпоху

разгула понизовой вольницы. Жителей около 10 т. Отсюда въ настоящее время существуетъ незначительный гужевой перевозъ соли и хлѣба на Донъ. Въ послѣднее время здѣсь стали грузить на баржи, для отправленія вверхъ по Волгѣ, хлѣбъ, покупаемый въ слободѣ *Елани*, откуда прежде пшеница отпралялась въ верховые города, преимущественно въ Казань, обозами. Нынѣшняя доставка, чрезъ Камышинъ, сокращаетъ и время и расходы. Вообще отъ камышинской пристани отправляется ежегодно грузовъ на сумму до 1.300,000 р.

У Камышина впадаетъ въ Волгу рѣчка *Камышинка*; она коротка и несудоходна, но прославлена въ пѣсняхъ преданіями объ удаломъ казачествѣ, «выплывавшемъ изъ ее крутыхъ — красныхъ бережковъ съ Дона на Волгу». Чрезъ нее Петръ Великій предполагалъ соединить Донъ съ Волгой; но дѣло не удалось. Народъ говоритъ, что оно не удалось по тому, что начальникъ работъ

слишкомъ много клалъ въ карманъ казенныхъ денегъ и поморилъ много солдатъ; когда же дошло до расчота съ правительствомъ, онъ заложилъ въ коляску тройку коней, сѣлъ въ нее и съ крутаго берега бросился въ воду. По берегамъ Камышинки до сихъ поръ видны насыпи и рвы, а въ руслѣ еще не сгнили сваи, вбитыя для предположенныхъ здѣсь шлюзовъ.

Отъ Камышина видъ волжскихъ береговъ остается прежній: на право — горы, на лѣво — степи.

На 32 верстѣ отъ Камышина, на правомъ берегу, лежитъ село Антиповка, въ которомъ считается до 1500 жителей (однодворцы). 15 верстами ниже — село Короваенка, насупротивъ которой расположены хутора Быковы.

Если вы проѣзжаете здѣсь въ іюлѣ или въ августѣ, то взглянувши на Быковы хутора, вы увидите берегъ покрытый чѣмъ-то блѣдно-зеленоватымъ и множество расшивъ,

и досчаниковъ, грузъ которыхъ тоже зеленѣетъ изъ дали. Это прославленные *камышинскіе арбузы*. Они такъ только извѣстны подъ именемъ камышинскихъ, а растутъ именно здѣсь, около быковыхъ хуторовъ, и здѣсь грузятся для отправленія вверхъ.

Отсюда начинаются станицы казаковъ астраханскаго войска. Первая изъ нихъ попадаетъ *Александровская*. Начало астраханскому казачьему войску положено въ 1730 году, когда былъ сформированъ астраханскій казачій полкъ, изъ трехъ сотъ туземныхъ калмыковъ, принявшихъ христіанство. Полкъ этотъ въ 1750 году приведенъ былъ въ пятисотенный составъ и укомплектованъ разночинцами, дѣтьми бывшихъ стрѣльцовъ, донскихъ казаковъ и новыхъ калмыцкихъ и татарскихъ выкрестовъ. Затѣмъ, въ царствованіе Екатерины Великой, къ полку были присоединены три городскія команды: Чернаго Яра, Енотаевки и Кра-

снаго Яра, а въ 1801 году еще три такія-же команды: саратовская, царицынская и камышинская. Въ 1804 году, въ составъ астраханскихъ казаковъ вошли всѣ бывшіе волжскіе казаки, оставшіеся въ своихъ дѣлахъ на Волгѣ, послѣ переселенія бывшаго *волжскаго войска*, въ 1777 году, на кавказскую линію. Астраханскій казачій полкъ преобразованъ былъ въ астраханское казачье войско. Въ настоящее время оно расположено по Волгѣ станицами, въ числѣ тринадцати. 16-ю верстами ниже ее, при рѣчкѣ Пролейкѣ, находится село *Пролейка*. Близъ нея, въ 7 верстахъ отъ Волги, возвышается два кургана, сдѣланные изъ дикаго камня; ихъ называютъ *царскими могилицами*. За Пролейкой слѣдуетъ село *Водяное*, а чрезъ 17 верстъ — *Песковатка*, на параллели которой, въ луговой сторонѣ, лежитъ *Елтонское соляное озеро*, не исчерпаемо богатое солью, занимающее площадь во 180 кв. верстъ, въ 20 в. дли-

ны и въ 16 ширины, а въ окружности 47 верстъ.

На 132 верстѣ отъ Камышина, на правомъ берегу, расположенъ посадъ *Дубовка*, къ которой *пристаютъ легкіе пароходы*.

Дубовка. Посадъ саратовской губерніи, лежитъ подъ $40^{\circ}19'$ с. ш. и подъ $62^{\circ}10'$ в. д. Отъ Петербурга — 1719 в., отъ Москвы — 1043 в., по Волгѣ: отъ Саратова — 351 в., отъ Царицына — 52 в., отъ Астрахани — 509 в., отъ Нижняго — 1626 в. Жителей около 13 тысячъ. Заселена въ половинѣ XVIII вѣка. Когда, разбитый подъ Казанью, Пугачевъ бросился въ низовье Волги, Дубовка присягнула ему. Составляя ближайшій къ Дону приволжскій пунктъ, Дубовка издавна сдѣлалась мѣстомъ складки товаровъ, перевозимыхъ съ Волги на Донъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ здѣсь была устроена желѣзно-конная дорога къ Качалинской станицѣ на Дону; но это предпріятіе не пошло, и грузы по прежнему перево-

зилизъ на волахъ. Въ настоящее время значеніе Дубовки уменьшается, по причинѣ построенія желѣзной дороги изъ Царицина на Донъ.

На 11-й верстѣ отъ Дубовки, при устьѣ рѣчки Пичуги, находится казачья станица *Пичуга*. Въ 26 верстахъ отъ нея Волга отдѣляетъ отъ себя протокъ подъ именемъ *Ахтубы*. Ахтуба течетъ по царевскому и красноярскому уѣздамъ, на протяженіи 300 верстъ, совершенно параллельно Волгѣ. На Ахтубѣ нѣтъ ни одной пристани. Здѣсь начинаютъ безпрестанно попадаться рыбачьи лодки, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ рыболовство составляетъ едва ли не главнѣйшій промыселъ жителей. Еще чаще рыбаковъ, въ этомъ плесѣ, вплоть до Астрахани, попадаютъ цѣлыми стаями большія бѣлыя птицы, называемыя *бабами*. Онѣ издали очень красивы, напоминая лебедей, но вблизи чрезвычайно уродливы. Кромѣ бабъ, здѣсь надъ Волгой, сверкая на солнцѣ, ле-

таютъ *мартышки*, съ крикомъ бросающіеся на воду, едва завидятъ выплывшую на поверхность рыбку.

Чѣмъ ближе къ Царицыну, тѣмъ шире становится Волга, тѣмъ ниже и ниже становится правый берегъ, и тѣмъ пустыннѣе окрестность, по обѣ стороны занятая главнымъ образомъ кочевниками.

ЦАРИЦЫНЪ.

Царицынъ. Уѣздный городъ Саратовской губерніи. Лежитъ на правомъ берегу Волги, подъ $48^{\circ}42'$ с. ш. и подъ $62^{\circ}11'$ в. д. Отъ Петербурга 1667 в., отъ Москвы — 994 в., по Волгѣ: отъ Саратова — 403 в., отъ Камышина — 184 в., отъ Чернаго-яра — 124 в., отъ Нижняго — 1378 в., отъ Астрахани — 457 в. Жителей около 7 тысячъ. Основанъ въ XVI вѣкѣ, вскорѣ послѣ присоединенія къ Россіи Астраханскаго царства. Былъ крѣпостью. Въ 1670 г. сдался Разину. Въ 1707 году Царицынъ былъ разграбленъ бунтовщикомъ Булавинымъ. Въ 1721 году посѣтилъ Царицынъ Петръ Великій, на возвратномъ пути изъ Персидскаго похода. Онъ здѣсь, окруженный народомъ, просившимъ его объ утвержденіи правъ города на землю, отдалъ ему трость и сказалъ:

«Вотъ вамъ моя трость! какъ я управлялся ею съ друзьями, такъ вы обороняйтесь ею противъ враговъ.» Потомъ снялъ съ головы шапку и отдавая народу, сказалъ: «какъ никто не смѣетъ этотъ картузь съ головы Царскаго Величества снять, такъ никто не смѣетъ васъ изъ Царицына выводить.» Картузь Петра въ видѣ круглой шапки съ откиднымъ козырькомъ, изъ валенаго сукна и на половину изъѣденъ молью. Палка съ большимъ сукомъ, вырѣзана изъ турецкой или персидской черешни; палка огромныхъ размѣровъ, достойна великана, и глядя на нее можно себѣ представить, каково приходилось тѣмъ «друзьямъ», съ которыми управлялся Петръ посредствомъ этого орудія. Палка и картузь хранятся въ Думѣ. Въ началѣ 1770 годовъ Царицынцы принимали сторону самозванца Богомолова. Въ 1774 году подступалъ къ Царицыну Пугачевъ, но былъ отбитъ гарнизономъ. Черезъ годъ тутъ былъ пойманъ и приговоренъ къ ссыл-

кѣ въ каторжную работу предводитель шайки Замѣтаевъ. Въ настоящее время торговое значеніе Царицына невелико. Онъ важенъ только, какъ исходный пунктъ пути съ Волги на Донъ, такъ какъ отсюда до Калача (на Дону) проложена желѣзная дорога.

Царицынъ раздѣляется на двѣ части рѣчкою *Царицею*, или лучше сказать оврагомъ, по дну котораго протекаетъ эта рѣчка. Въ полную воду оврагъ бываетъ полонъ воды и черезъ него переѣзжаютъ на лодкахъ; въ межень же онъ высыхаетъ. По одну сторону Царицы (выше) лежитъ старая часть города, по другую новая. Первая, вокругъ которой виднѣются остатки вала, когда-то окружавшаго городъ, отжила свое время и начала дряхлѣть; все тамъ вѣетъ стариной, на всемъ лежитъ ея неизгладимый отпечатокъ: старыя церкви, старыя, уже пустыя корпусы лавокъ и старые дома. Новая часть города съ пароход-

ными пристанями, со станцією желѣзной дороги, возникаетъ вслѣдствіе развивающейся торговой дѣятельности, — и тамъ признаки молодой и дѣятельной жизни. Здѣсь на каждомъ шагу строятся новые дома, безпрестанно попадаютъ лавки и лавочки, есть нѣсколько гостиницъ, а о кабакахъ и говорить нечего! всюду развѣваются ихъ красные и пестрые флаги.

Пароходъ пристаётъ у самаго того мѣста, гдѣ находится станція желѣзной дороги. Тутъ вы увидите кромѣ дебаркадера, цѣлый рядъ деревянныхъ, вычурно изукрашенныхъ домовъ, построенныхъ для служащихъ при желѣзной дорогѣ.

Здѣсь же есть гостинница, овощная лавка и ренсковый погребокъ. Во время прибытія парохода, на берегу стоятъ обыкновенно два-три импровизированныхъ извозчика, на какихъ-то длинныхъ уродливыхъ экипажахъ. Но они рѣдко имѣютъ пассажировъ, потому что ѣхать въ городъ не зачѣмъ, кромѣ

того случая, когда прїѣзжаетъ кто-нибудь собственно въ Царицынъ.

ОТЪ ЦАРИЦЫНА ДО АСТРАХАНИ

(457 верстъ.)

За Царицыномъ совершенно мѣняется главнѣйшій характеръ волжскихъ береговъ: правый берегъ все менѣе и менѣе становится возвышенъ; каменистыхъ утесовъ, такъ же какъ и другихъ значительныхъ возвышеній, на немъ ниже Царицына почти не встрѣчается; если въ иныхъ мѣстахъ берегъ и высокъ, то ужъ это не гора и не бугоръ, какъ въверху, а просто глинистый, или даже черноземный обрывъ, или, по мѣстному выраженію: *яръ*. Правый берегъ здѣсь совсѣмъ утрачиваетъ свою картинность и живописность; безъ всякаго разнообразія, онъ здѣсь представляется какимъ-то унылымъ и безжизненнымъ и нейдетъ ни въ какое сравненіе съ частями своими, находящимися выше, хотя подъ часъ и одно-

образными, но величавыми, угрюмыми, но грандіозными и прекрасными. Здѣсь онъ тянется себѣ какою-то ровною, почти прямою линіею, съ едва замѣтными повышеніями и пониженіями, и чудится, что конца нѣтъ этой однообразной линіи. Вообще, привыкши къ прелестнымъ видамъ волжскихъ береговъ, на огромномъ протяженіи отъ Нижняго до Царицына, въѣхавши въ это плесо, думаешь, что плывешь по какой-то другой рѣкѣ, совсѣмъ не по Волгѣ — красавицѣ... До того измѣняется ея видъ. Кромѣ того, съѣхавши сюда, совершенно чувствуешь, что находишься далеко на югѣ; широта, меньшая пятидесяти градусовъ, осязательно даетъ себя знать: жаръ и духота дѣлаются не выносимы: господствующее здѣсь въ большую часть лѣта безвѣтріе, вслѣдствіе котораго на поверхности рѣки не замѣтно ни малѣйшей зыби, дѣлаетъ то, что на парходѣ рѣшительно не знаешь куда дѣваться отъ томительной духоты днемъ. Но чѣмъ

далѣе къ югу, тѣмъ ранѣе темнѣетъ, и тѣмъ короче вечерняя зоря. Подъ Царицыномъ почти ужъ нѣтъ сумерекъ; около 8 часовъ внезапно обрывается день; его какъ будто накрываетъ ночь, тихая, теплая, звѣздная. Вотъ эти то ночи заставляютъ позабыть непріятности дня. Чудны лѣтнія ночи въ этомъ плесѣ, гдѣ Волга разливается по обѣ стороны, какъ какое нибудь огромное озеро, берега котораго съ середины видны не всѣмъ явственно. Вы испытаете сами всю прелесть этой обворожительной ночи, которая не пуститъ васъ съ палубы въ каюту до тѣхъ поръ, пока сонъ, вслѣдствіе крайняго утомленія, совсѣмъ не одолѣетъ васъ. Все бы глядѣлъ въ эту мягкую синюю ночь; все бы скользилъ взоромъ по спокойнымъ водамъ, отражающимъ свѣтлыя полосы отъ блѣднаго мѣсяца... Все бы сидѣлъ и смотрѣлъ, и прислушивался къ тихому журчанію воды подъ пароходомъ.

Но, разливаясь въ этомъ плесѣ на огром-

ную ширину, Волга дѣлаетъ это въ ущербъ своей ширинѣ! здѣсь безпрестанно встрѣчаются отмели, приближаясь къ которымъ, пароходъ пріостанавливаетъ свой ходъ, спускающая въ воду наметку. То и дѣло слышна команда: тихій ходъ! самый тихій ходъ! стопъ! задній ходъ!

На 15 верстѣ отъ Царицына, уже встрѣчаются отмели. Онѣ находятся здѣсь по обоимъ берегамъ и ежегодно измѣняютъ свое положеніе; фарватеръ лежитъ между ними и бываетъ шириною около 50 сажень. Пробравшись сквозь эти отмели и пробѣжавши еще 15 верстѣ между пустынными и унылыми берегами, пароходъ вашъ будетъ у впаденія въ Волгу рѣчки *Сарты*, въ 7 верстахъ отъ устья которой *станція* его:

Колонія Сарепта. Сама колонія находится верстахъ въ 3 отъ пристани, устроенной въ низу обрывистаго, глинистаго берега. Пароходъ подходитъ сюда на нѣсколько минутъ, чтобы только ссадить и принять пас-

сажировъ; такъ что тому, кто поѣдетъ дальше, побывать въ Сарептѣ не удастся, не смотря на весь интересъ ея для знакомаго съ нею только по наслышкѣ. На маленькомъ пароходномъ дебаркадерѣ можете приобрести, если хотите, знаменитѣйшаго сарептскаго произведенія, — сарептскаго бальзаму: онъ тамъ не дорогъ (дешевле чѣмъ гдѣ нибудь), продается стеклянками различной величины.

Такъ какъ Сарепту съ парохода даже невидно, а между тѣмъ о ней въ публикѣ имѣется чрезвычайно не много свѣдѣній, не смотря на всю своеобразность ея общественнаго устройства и быта ея жителей; то мы помѣщаемъ здѣсь краткое описаніе этой замѣчательной колоніи. Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за это, особенно если ему придется пробѣжать эти строки о Сарептѣ на той самой части его пути, о которой мы говоримъ теперь: пустота и безжизненность береговъ въ этихъ мѣстахъ

способны навести на него скуку въ самой крайней степени,—и прочесть хотя что нибудь будетъ для него лучшимъ способомъ убить часть томительнаго дня.

САРЕПТА.

Колонія Саратовской губерніи. Лежитъ на правомъ берегу волги, подъ $48^{\circ}31'$ с. ш. и подъ $62^{\circ}13'$ в. д. Отъ Петербурга 1619 в., отъ Москвы 1012 в., по Волгѣ: отъ Саратова—440 в., отъ Царицына 37 в., отъ Чернаго-яра 92 в., отъ Нижняго — 1715 в., отъ Астрахани — 420 в. Жителей въ Сарептѣ около 450 человѣкъ и около 600 постороннихъ работниковъ. Основана въ 1765 году членами евангелическаго братскаго общества. Объ избраніи настоящаго мѣста для устройства колоніи сарептяне рассказываютъ, что когда первые основатели ея отправились въ Царицынъ осматривать мѣста для своего паселенія, эта пустопорож-

няя степь, служившая до тѣхъ поръ мѣстомъ передвиженія и кочевья дикимъ племенамъ монгольскимъ, вмѣстѣ съ рѣкою Сарпою, напомнили набожнымъ гернгутерамъ странствованіе пророка Іліи по волѣ Божіей черезъ пустыню въ мѣстечко Сарепту и слова, сказанныя имъ вдовѣ сарептянкѣ, что «мука въ ея водоносѣ не оскудѣетъ и чванецъ елея не умалится». Принявъ эту мысль за указаніе Божіе, они остановились здѣсь, назвали новую колонію Сарептой и избрали эмблемою для общественной печати сосудъ съ колосьями и масляную кружку подъ масличнымъ деревомъ. Не мало было затрудненій при основаніи Сарепты: всѣ строительные матеріалы и работниковъ надо было привозить издалека, всѣ инструменты для обзаведенія выписывать изъ за границы. Русское правительство щедрою рукою помогало основателямъ. Сначала поселенцамъ приходилось жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ нападенія ко-

чевниковъ. Въ пугачевщину жители должны были бѣжать изъ своей колоніи. Пугачевъ ее разграбилъ такъ, что надо было заводить все съ изнова. Съ пособіемъ отъ правительства, колонія въ скоромъ времени поправилась.

Жестокіе пожары 1812 и 1823 годовъ два раза разоряли ее. Однако же щедрое пособіе императора Александра I-го и на этотъ разъ дало ей возможность поправиться.

Въ настоящее время колонія пользуется огромными льготами, какъ-то: жители ея освобождены отъ рекрутской, отъ постоянной, и пр. повинностей, пользуются правомъ свободнаго пивоваренія и винокуренія и свободной продажи вина въ предѣлахъ своего округа; по торговлѣ и промысламъ уволены отъ записки въ гильдію; платятъ только поземельную подать по $7\frac{1}{4}$ коп. съ десятины и за фабрики въ колоніи по 30 коп. со стана или по проценту съ капитала. Подъ

колоніей и садами занято около 58 десятинъ земли, но къ ней принадлежитъ пахатной и сѣнокосной земли 1000 десятинъ, 874 десят. лѣсу, а всего 15,821 десятина, въ числѣ которыхъ впрочемъ около 10 тысячъ солончаковъ.

Было бы удивительно если бы въ Сарептѣ не была развита промышленность и если бы вообще колонія не процвѣтала при тѣхъ привилегіяхъ, которыми пользуется и при той заботливости, которую оказывало всегда ей правительство. Изъ здѣшнихъ производствъ первое мѣсто занимаетъ *горчичное*. Оно возникло здѣсь въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Самый большой горчичный заводъ теперь здѣсь *бр. Шмидтъ*. Онъ дѣйствуетъ паровой машиной въ 18 силъ, и на немъ обрабатывается не меньше 30,000 пудовъ. Кромѣ этого существуетъ другой горчичный заводъ *Кноблоха*. Табачная фабрика въ Сарептѣ была первая въ Саратовской губерніи и до нынѣ пользуется из-

вѣстностью, такъ же какъ мыльный и свѣчной заводы. Впрочемъ табачныя плантаціи въ Сарептѣ теперь уже почти оставлены, и фабрикація, вслѣдствіе конкуренціи, ослабеваетъ. Вообще нужно замѣтить, что виды промысловъ сарептскихъ жителей нѣсколько разъ измѣнялись: какъ только въ той или другой отрасли промышленнаго дѣла начиналась сильная конкуренція, такъ они и оставляли его, принимались за другой.

Общественная торговля Сарепты, населенной гернгутерами, ведется съ помощью капиталовъ Гернгута, на общій счетъ братства, которое изъ Гернгута присылаетъ своихъ ревизоровъ и должностныхъ лицъ для контроля и для участія въ финансовомъ и общественномъ управленіи.

Къ льготамъ, которыми пользуются сарептяне, нужно прибавить то, что они управляютъ сами собой, безъ всякаго вмѣшательства мѣстныхъ губернскихъ и уѣзд-

ныхъ властей, состоятъ въ зависимости только отъ министерства государственныхъ имуществъ; управленіе церковными и гражданскими дѣлами въ Сарептѣ состоитъ изъ одного епископа братской евангелической церкви, одного младшаго пастора, инспектора училищъ и директора финансоваго управленія. Для внутренняго судебного производства и для расправы по гражданскимъ дѣламъ, учреждено у нихъ правленіе евангелическаго братскаго общества: два начальника, одинъ юстиціаріусъ и два выборныхъ засѣдателя. Правленіе это, считаясь на равнѣ съ магистратами, не подчинено ни какому присутственному мѣсту и состоитъ въ зависимости только отъ министерства государственныхъ имуществъ. Впрочемъ въ уголовныхъ дѣлахъ жители Сарепты подчинены общему суду. Ежегодные общественные расходы, на содержаніе колоніи и на жалованье должностнымъ лицамъ, простираются до 10 тысячъ рублей и покрываются доходами

съ общественныхъ промысловъ, общественной торговли и личныхъ сборовъ.

Первоначальная организація *Моравскихъ братьевъ* или гернгутеровъ имѣла слѣдующія основанія. Все почти устройство имѣло въ виду чувство человѣка; «сердце обманываетъ меньше разсудка» говорили они и полагались больше на доброту, чѣмъ на умъ. Ихъ религія—упрощенное христіанство: любить Бога и ближняго — вотъ весь ихъ законъ. Абсолютное равенство и общеніе имуществъ составляли ихъ соціальное устройство. Одинъ обширный домъ вмѣщалъ всѣ семьи. Такъ домъ въ Зейстѣ заключалъ въ себѣ до трехъ тысячъ жильцовъ. Каждый братъ исполнялъ какое нибудь ремесло или искусство, и продуктъ его работы, присоединенный къ общей массѣ, удовлетворялъ общимъ нуждамъ. Не было различій и категорій, были только братья, старающіеся превзойти одинъ другаго въ добротѣ и взаимой дружбѣ. Единственная должность, существовавшая

у моравовъ, была избирательная. Каждый домъ выбиралъ *начальника*, который отличался отъ прочихъ только тѣмъ, что несъ большую отвѣтственность. Онъ велъ внѣшнія дѣла общины и отдавалъ отчетъ въ своихъ операціяхъ. На ряду съ нимъ избиралась также *начальница*, которая завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ дома, причемъ она не могла быть женою начальника.

Маравовъ упрекали въ многоженствѣ, но все доказываетъ, что это чистая клевета. Напротивъ, у нихъ бракъ пользуется большимъ вниманіемъ и заботливостью. Община устраиваетъ новобрачныхъ, т. е. даетъ имъ все необходимое обзаведеніе, и старѣйшій въ присутствіи всѣхъ благословляетъ ихъ союзъ. Дѣти въ каждомъ домѣ воспитывались вмѣстѣ, какъ бы они принадлежали одному отцу.

Всѣ члены общины раздѣляются по полу и возрасту на такъ называемые *хоры*, какъ-то: хоры дѣвочекъ, мальчиковъ, холостыхъ

братьевъ, холостыхъ сестеръ, вдовцовъ, вдовъ; даже и состоящіе въ бракъ раздѣлены по хорамъ, — и каждый хоръ имѣетъ своего блюстителя или блюстительницу, обязанныхъ наблюдать за нравами, порядкомъ и дисциплиною въ хорѣ. На блюститель лежить обязанность готовить членовъ своего хора къ причастію: для этого онъ съ каждымъ по одиночкѣ долженъ бесѣдовать о душевномъ его состояніи, вмѣсто исповѣди. Въ общинѣ запрещены танцы. Но музыка имѣетъ очень важное значеніе и въ богослуженіи гернгутеровъ и въ домашней жизни. Особенно всѣ дѣйствія и событія, имѣющія религіозное значеніе, освящаются музыкой. Каждый хоръ имѣетъ свои гимны на разные случаи. Для богослуженія у гернгутеровъ назначены собранія по нѣскольку разъ въ день, обыкновенно три раза, по три четверти часа за разъ, и послѣднее богослуженіе соединяется всегда съ пѣніемъ гимновъ. Замѣчателенъ у гернгутеровъ обычай

частаго причащенія (черезъ четыре воскресенья), которому всякій разъ предшествуетъ такъ называемая *вечера любви*: на этой вечерѣ, съ молитвами и пѣніемъ разносятся всѣмъ присутствующимъ чай, молоко и хлѣбное печенье.

Разныя моравскія общины связаны между собою постоянными сношеніями. Онѣ всѣ помогаютъ другъ другу въ усиліяхъ своей пропаганды, которая нынѣ дѣйствуетъ даже на антильскихъ островахъ, на югѣ Африки и даже въ Гренландіи.

Извѣстный изслѣдователь соціальныхъ сектъ Рейбо (Reybaud) сравниваетъ гернгутеровъ съ древнею сектою Ессейцевъ (последователи еврейскаго философа Ессеи). Секта эта существовала задолго до Рождества Христова, но въ формулахъ своихъ дотого согласовалась съ христіанствомъ, что многіе ученые, какъ напримѣръ бенедиктинецъ Монфиконъ, нехотѣли вѣрить такой древности ея существованія. Основа-

ніемъ секты служила доктрина: любить Бога, любить добро, любить людей. Ихъ любовь къ Богу обнаруживалась въ чистотѣ ихъ жизни, цѣломудренности; любовь къ добродѣтели доказывалась презрѣніемъ къ богатству изнѣженности, тщеславію, такъ же какъ ихъ терпѣніемъ, умѣренностью, простотой и уваженіемъ къ закону. Что-же до любви къ ближнему, то они проявляли ее и въ обходительности, справедливости, милосердіи, и въ особенностяхъ, въ системѣ общиннаго устройства. Ессеицы не имѣли домовъ, принадлежащихъ одному кому нибудь; всякое жилище принадлежитъ всѣмъ, и въ немъ живетъ не только одно семейство, но и всякій единовѣрецъ — путешественникъ имѣетъ право остановиться въ немъ. Все производится сообща. Все домашнее хозяйство, утварь, пища, кухня и столовая — общія. Поденный заработокъ каждаго изъ нихъ не составлялъ его собственности, а вкладывался въ общую кассу. Они не женились и, что особенно замѣчательно

для древности, не имѣли рабовъ. Они не продавали и не покупали, но каждый доставлялъ то, что могъ, и получалъ въ свою очередь то, въ чемъ нуждался. Легко увидеть зародыши христіанства въ этомъ отсутствіи рабства, въ совершенномъ равенствѣ, заставляющемъ жить въ общинѣ. Въ общей трапезѣ проглядываетъ даже тотъ аскетизмъ, который породилъ въ послѣдствіи монастыри. Впрочемъ организація общины Ессейцевъ во многихъ частностяхъ была неблагопріятна развитію общества, она никогда не имѣла величія и высоты христіанскаго откровенія. Ассоціація моравскихъ братьевъ имѣетъ болѣе широкое основаніе. Между Ессейцами и Моравами разница таже, что между Моисействомъ и христіанствомъ. Въ моравахъ меньше аскетизма, больше свѣтскости; они не жертвуютъ тѣломъ для духа и въ этомъ смыслѣ, по мнѣнію Рейбо, подходятъ болѣе къ теоріямъ Фуррье и С. Симона.

Обращаясь затѣмъ къ Сарептѣ, мы не

можемъ сказать, насколько осуществляется здѣсь главная, основная идея гернгутеровъ — братство. По видимому, въ здѣшней общинѣ существуетъ раздѣленіе на классы и отличіе высшаго слоя отъ нисшаго, по богатству, по образованію, по образу жизни и, слѣдовательно, по самымъ понятіямъ. Гг. Побѣдоносцевъ и Бабстъ, основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ имъ самими сарептянами, такъ и записали въ своихъ «Письмахъ о путешествіи Государя Наслѣдника». Но такое уклоненіе отъ основной идеи врядъ-ли можно допустить, имѣя въ виду ту неразрывную связь, въ которой остается Сарепта съ прочими гернгутерскими общинами. При этомъ необходимо имѣть въ виду крайнюю осторожность сарептянъ. Нельзя не припомнить анекдота, рассказаннаго Н. И. Костомаровымъ въ его воспоминаніяхъ о молоканахъ (Вѣстникъ Европы 1869 г.), о томъ, какъ дубовскіе молокане приходили къ сарептскому пастору бесѣдовать о сход-

ствѣ вѣроученій. Въмѣсто всякихъ разсужденій, пасторъ объявилъ, что «вы — мужики, и должны вѣрить такъ, какъ вамъ велитъ царь». Пишущему эти строки также пришлось испытать ту крайнюю осторожность, съ которою сарептяне объясняютъ пастороннимъ свое общественное устройство. Нѣсколько лѣтъ назадъ, мнѣ случилось по службѣ толковать съ ними объ ихъ торговлѣ и промышленности, и они всѣ свои торговые и промышленныя заведенія показали принадлежащими отдѣльнымъ лицамъ. Между тѣмъ, тамъ-же на мѣстѣ, я другимъ путемъ убѣдился вполне, что всѣ эти лица, которыхъ они официально показали хозяевами заведеній и на имена которыхъ написаны торговые билеты, — ничто иное, какъ приставлены отъ общины, которой единственно и принадлежатъ заведенія.... Въ Сарептѣ есть своя школа, для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно, съ курсомъ не ниже гимназическаго. Учителя вы-

писываются изъ Германіи; нѣмецъ же преподаетъ и русскій языкъ.

Вообще всѣ члены общества умѣютъ читать и писать и знаютъ арифметику; почти всѣ, по крайней мѣрѣ мужчины, говорятъ довольно свободно по русски.

Тоскливое впечатлѣніе производитъ на посторонняго скучная и угрюмая жизнь гернгутеровъ; они же впрочемъ, сроднившись съ этой скукой и угрюмостью, не нахвалятся своей жизнью. Вотъ что говорится въ «Письмахъ о путешествіи Государя Наслѣдника» о наружномъ видѣ Сарептянъ: «въ Сарептѣ большею частью народъ мелкой, малозамѣтный; почти всѣ, кого случилось намъ видѣть изъ должностныхъ лицъ, капиталистовъ и хозяевъ, были люди бывалые и образованные. За то въ рабочемъ, безкапитальномъ классѣ насъ поражала странность физіономій: какая-то неподвижность взгляда, какая-то тупость вы-

раженія, особенно у женщинъ и старухъ; казалось, будто улыбка не можетъ никогда появиться на этихъ лицахъ и освятить эти неподвижно стянутыя черты.»

Отъ Сарепты берега Волги принимаютъ однообразный степной видъ: съ обѣихъ сторонъ тянутся сыпучіе пески, покрытые кой-гдѣ желтою травой, высокимъ камышомъ, или тальникомъ. Изрѣдка встрѣчаются по берегу калмытскія кибитки, еще рѣже селенія и рыбныя ватаги. Но въ тихую и ясную погоду пріятно оставаться на палубѣ: можно забыть объ однообразномъ видѣ береговъ, любясь на раздолье волжскихъ водъ.

На 7 веретѣ отъ Сарепты, Волгу перерѣзываетъ поперекъ каменная гряда, которую жители называютъ *огрудками*. Въ полную воду они не видны, а по спадѣ водъ судовой фарватеръ не превышаетъ 50 сажень. Отъ этихъ огрудковъ остается еще 85 утомительныхъ верстъ до станціи, го-

рода Чернаго-яра. Вотъ онъ покажется вамъ, во всемъ своемъ безобразіи и во всей ничтожности, взгромоздившись, на крутой — крутой берегъ, или яръ, который издали чернѣетъ передъ вами. Отъ него, вѣроятно, отъ этого крутаго берега, и получилъ городъ свое названіе, къ этому черному яру подойдетъ пароходъ.

Черный-яръ. Уѣздный городъ астраханской губерніи. Лежитъ на правомъ берегу Волги, подъ $48^{\circ} 4'$ с. ш. и подъ $63^{\circ} 54'$ в. д. Отъ Петербурга 1824 в., отъ Москвы 1147 в., по Волгѣ: отъ Саратова—532 в., отъ Царицына — 129 в., отъ Енотаевска 147 в., отъ Астрахани 328 в., отъ Нижняго — 1807 в. Жителей около 4 тысячъ. Основанъ въ 1627 году. Бѣденъ и наружностью, бѣденъ и торговлею. Жители занимаются главнымъ образомъ рыбною ловлею.

Отъ Чернаго-яра еще пустыниѣ, чѣмъ прежде, становятся берега Волги. Изрѣдка продолжаютъ попадаться рыболовныя ва-

таги и казачьи станицы, а на 92 верстѣ отъ Чернаго-яра расположены строенія калмыцкаго зайсанга Черенъ-Янкура. Отсюда остается 55 верстѣ до паровой станціи, города Енотаевска.

Енотаевскъ. Уѣздный городъ астраханской губерніи. Лежитъ на правомъ берегу Волги, подъ $47^{\circ}14'$ с. ш. и подъ $64^{\circ}46'$ в. д. Отъ Петербурга — 1939 в., отъ Москвы — 1262 в., по Волгѣ: отъ Чернаго-яра 147 в., отъ Астрахани 181 в., отъ Нижняго 1854 в. Жителей около 2 тысячъ. Основанъ, какъ крѣпость, для отвращенія калмыцкихъ набѣговъ, въ 1741 году. Въ 1803 году крѣпость переименована въ городъ. Торговли въ городѣ почти нѣтъ, главный промыселъ жителей — рыболовство и добываніе жира изъ бѣшенки.

На пути отъ Енотаевска, среди мертвой природы, попадаются лишь кибитки калмыковъ, пасущихъ тутъ свои стада, да продолжаютъ казачьи станицы. Изъ этихъ

последнихъ назовемъ Сѣро-глазинскую станцию, верстахъ въ 60 отъ Енотаевска, на правомъ берегу. Къ ней иногда подходятъ легкіе пароходы, чтобы нагрузиться дровами. Проѣзжая не раньше конца іюля, здѣсь можно полакомиться прекраснымъ виноградомъ, который продаютъ на берегу (копѣекъ около 5 за фунтъ). Здѣшній виноградъ не только не хуже астраханскаго, но часто бываетъ вкуснѣе его.

На 93 верстѣ отъ Енотаевска, на луговой низменности, расположены строенія калмыцкаго Нойона Церенъ-Джабъ Тюменя (Тюменевка), съ красивымъ ламайскимъ хуруломъ (богомольня) и двухъ-этажнымъ домомъ владѣльца. Строенія имѣютъ оригинальную архитектуру, въ родѣ китайской. Здѣсь постоянное жилище владѣльца, обсаженное деревьями и похожее на загородный помѣщичій домъ со службами. Въ Тюменевкѣ считается до 300 человѣкъ жителей и болѣе 50 постоянныхъ кибитокъ. Умер-

шій владѣлецъ, Тюмень, учился въ Казани, служилъ въ казакахъ, имѣлъ чинъ полковника и званіе командира казачьяго полка. Его очень хвалятъ: говорятъ, что онъ былъ человѣкъ веселаго нрава, гостепріимный и пользовался большимъ вліяніемъ на свой народъ. Проживая въ Тюменевкѣ, онъ любилъ принимать у себя заѣзжихъ русскихъ людей, угощалъ ихъ здѣсь на европейскій ладъ и устраивалъ для нихъ калмыцкіе праздники. Онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и владѣнія его, простирающіяся до 2000 кибитокъ, состоятъ подъ опекой до совершеннолѣтія наслѣдниковъ. Въ Тюменевкѣ проживаетъ молодая вдова покойнаго, Эльзень-Учерала, съ сыномъ и родственницами. Она живетъ не въ домѣ, а въ кибиткахъ, устроенныхъ по калмыцки, съ примѣсью европейскаго комфорта. Въ Тюменевкѣ есть нѣкоторые, впрочемъ весьма не прочныя, зачатки осѣдлости: здѣсь считается около 150 постоянныхъ домиковъ

и мазанокъ. Приученіе калмыковъ къ осѣдлости не представляетъ покамѣстъ большаго успѣха; они упорно продолжаютъ оставаться сынами степей, имѣя жилищемъ лишь дымныя кибитки, которыя удобно переносить съ мѣста на мѣсто за стадами.

Калмыки прикочевали на Волгу изъ-за Алтая, откуда двинулись они чрезъ глубь киргизскихъ степей сперва къ вершинамъ Тобола, потомъ къ рѣкѣ Эмбѣ, потомъ перешли рѣку Уралъ и уже въ XVII столѣтіи показали на луговой сторонѣ Волги, а въ послѣдствіи заняли оба берега ея и разсыпались по степямъ отъ Узеней и Рынѣ-Пиновъ до хребтовъ Ергене и до рѣки Кумы. Въ настоящее время у волжскихъ калмыковъ девять главныхъ отдѣльныхъ группъ народа, образующихъ, каждая, отдѣльное цѣлое и именующихся *улусами*. Улусы эти слѣдующіе: Багацихуровскій, Икицихуровскій, Малодербетевскій, Большедербетевскій, Хошоутовскій, Яндыковскій, Еркете-

невскій, Харахусовскій и Ергене-Цаганъ-Кичиковскій. Большая часть калмыковъ именуются улусами *казенными* и управляются назначенными отъ короны правителями, которые управляютъ ими на общихъ законахъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Астраханской палаты государственныхъ имуществъ. Другіе же улусы считаются принадлежащими по праву наслѣдства «благороднымъ», «бѣлокостымъ» кореннымъ калмыцкимъ владѣтелямъ, которые именуются «нойонами»; они, точно также какъ и коронные «правители», непосредственно зависятъ отъ того же вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Калмыки кочуютъ по своимъ степямъ съ строгою послѣдовательностью и системою.

Зимой они по большей части «сидятъ» на одномъ мѣстѣ. Разставляютъ кибитку и обносятъ ее хорошимъ загономъ, который въ одно время и защищаетъ стада и предохраняетъ уютное жилье кочевника отъ бурь и

зимнихъ непогодъ. Мелкій скоть бережется около кибитки, ѣсть заблаговременно заготовленное для него сѣно, или пасется тутъ же вблизи на подножномъ корму. Лошади пасутся день и ночь на отгонныхъ поляхъ.

Весной, когда сойдетъ снѣгъ, когда только лишь проглянетъ молоденькая травка, кочевники «снимаются», покидаютъ зимовки, собираютъ кибитки и какъ ихъ, такъ и весь домашній скарбъ, вьючатъ на верблюдовъ, а гдѣ они перевелись — на воловъ, а не то и на лошадей. Они трогаются съ мѣста и идутъ въ путь, по направленію, изстари избранному и долгими годами усвоенными привычкою. Сдѣлавши версты три, верстъ пять и даже десять впередъ, калмыцкій *хотонъ* останавливается. Въ ту же минуту, мужчины, признавшіе мѣсто удобнымъ для ставки, принимаются за свое дѣло и распредѣляютъ скоть на пастбища; табунамъ лошадей отводятъ одно мѣсто, барановъ ведутъ въ другую сторону, а если рогатаго скота много,

то и его отгонять на отдѣльный лугъ. Между тѣмъ женщины разбиваютъ кибитки, разставляютъ въ нихъ домашній свой скарбъ и готовятъ мужьямъ пищу. Черезъ недѣлю, иногда больше, иногда меньше, когда скотъ вытравитъ всю траву по окрестностямъ, *жотонъ* снимается съ одного урочища и переходитъ на другое. Къ исходу лѣта, они достигаютъ крайней оконечности того пути, которому изъ года въ годъ постоянно слѣдуютъ, и въ августѣ, а иногда и въ началѣ октября, обращаются назадъ, иногда по тому же самому направленію пути, иногда по другому. Такимъ образомъ, къ концу осени всѣ кочевники достигаютъ постоянныхъ своихъ зимовокъ, куда доставляютъ и запасы сѣна. Ту линію дороги, по которой слѣдовали одни роды, другіе роды перекрещиваютъ линіями своихъ путей, въ различныхъ направленіяхъ. Но на обычныхъ привалахъ одного рода, другой не будетъ останавливаться, во первыхъ, потому, что родъ, кото-

рому данная мѣстность принадлежит *de jure primī occupantis*, по праву освященныхъ временемъ привычекъ и обычаевъ пользова- нія, самъ первый займетъ свою мѣстность, а вовторыхъ и сами чужеродцы, въ просто- тѣ своихъ патріархальныхъ нравовъ, не по- смѣютъ и подумать завладѣть тѣмъ, что, по освященному временемъ обычаю, принадле- житъ не имъ. Такимъ образомъ, кочеванье калмыковъ совершается совершенно пра- вильно, по установленному порядку,—и кто знакомъ съ ихъ жизнью, всегда съумѣетъ отвѣтить, гдѣ именно въ данное время нахо- дится не только улусъ, а родъ и даже от- дѣльная какая нибудь часть рода.

Въ калмыцкомъ народѣ встрѣчаемъ три сословія, признанныя нашимъ законодатель- ствомъ, съ предоставленіемъ имъ различныхъ правъ состоянія: нойоны, пользующіеся пра- вами дворянства, зайсанги, съ правами по- четнаго гражданина и «черные», «чернокост- ные», «неблагорожденные». Есть еще че-

твертое сословіе—духовенство. Калмыцкіе духовные, по правиламъ исповѣдываемаго ими буддизма, лишены права вступленія въ бракъ. Они раздѣляются на три степени: *гелюнчи* или жрецы первой степени, *гелюли* или второстепенные жрецы и *манжикки* — ученики вѣры.

Калмыцкій народъ имѣетъ нѣкоторую, конечно, своеобразную, цивилизацію. Не говоря объ исповѣдываемой имъ религіи, которая имѣетъ свою, довольно глубокую философію, у нихъ не мало распространена грамотность, такъ что на каждыя десять семей приходится два грамотныхъ; они уважаютъ ученость и знаніе. Не смотря на рѣдкость рукописей на ихъ языкѣ, грамотные, даже простолюдины, знакомы съ сочиненіями тибетскихъ писателей, объ устройствѣ вселенной, движеніи свѣтилъ, переменѣ времѣнъ года, явленіи существъ, паденіи человека, явленіи буддъ и исторіи своей вѣры. Между знаніями, у нихъ особенно уважает-

ся медицина, и ихъ гелюны — медики довольно свѣдуши по своей части и удачно пользуются нѣкоторыя болѣзни. Есть даже медицинскія сочиненія. Г. Лыткинъ, изучавшій бытъ калмыковъ, видѣлъ у нихъ книгу на тибетскомъ языкѣ съ рисунками, изображающими внутреннее строеніе человѣческаго тѣла и расположеніе костей.

Отъ Тюменевки остается 88 верстъ до Астрахани. Въ 22 верстахъ отъ нея, на лѣвомъ берегу, лежатъ хутора, принадлежащіе астраханскому архіерейскому дому; а не доѣзжая 4 верстъ до города, вамъ представится раскинутое по правому берегу селеніе Калмыцкій базаръ, къ которому приписано до 150 калмыковъ и до 40 постоянныхъ кибитокъ. Здѣсь живетъ калмыцкій лама, а для торгу построено 13 лавокъ.

Версты полторы ниже, лежитъ селеніе Татарская силянка, а вотъ представляется и самая Астрахань. Кажется, будто весь городъ построенъ на обширномъ островѣ:

множество судовъ съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ придаютъ ему видъ огромнаго приморскаго города. Среди малыхъ мачтовыхъ судовъ стоитъ тутъ не мало большихъ, частныхъ и казенныхъ пароходовъ, и вы увидите здѣсь, въ первый разъ на Волгѣ, большія суда, назначенныя для морскаго плаванья. Между большими судами стоитъ множество небольшихъ лодокъ. Кремль, возвышаясь надъ всѣми зданіями, походить на крѣпостную стѣну, вѣнчающуюся громаднымъ соборомъ. Пароходъ обгибаетъ вдоль берега узкую косу и вступаетъ въ узкій проходъ между рядами судовъ, поставленныхъ съ той и другой стороны. Вотъ онъ наконецъ останавливается у своей пристани, и вы въ Астрахани, среди разнообразной и шумной толпы, въ которой замѣчаете смѣшеніе одеждъ и лицъ и нарѣчій. Въ этой толпѣ вы видите и остроконечныя шапки персіянъ, и чухи татарскія, халаты и чалмы бухарцевъ, бѣлыя покрывала армянокъ, русскія

рубaхи, казацкіе казакины и форменныя фуражки чиновниковъ. Вамъ чудится, что вы попали въ какой-то другой міръ; такъ эта картина отлична отъ всего того, что представляется взорамъ въ другихъ приволжскихъ городахъ.

АСТРАХАНЬ.

Лежитъ подъ $46^{\circ}21'$ с. ш. и подъ $65^{\circ}42'$ в. д. отъ Петербурга — 2076 в., отъ Москвы — 1042, по Волгѣ: отъ Саратова — 806 в., отъ Самары — 1312 в., отъ Симбирска — 1538 в., отъ Казани — 1743 в., отъ Нижняго — 2135 в. Основана въ XIV вѣкѣ, подъ названіемъ Аджа-Тархани или Асторокани. Сначала была достояніемъ золотой орды. а потомъ столицей особыхъ хановъ. Послѣдній изъ нихъ, Ямъ-Гурчей добровольно призналъ себя данникомъ царя Ивана Васильевича Грознаго, но вскорѣ измѣнилъ. Въ 1554 году Астрахань была взята съ бою русскими, и въ ней былъ посаженъ царемъ Дербышъ, который поклялся быть вѣрнымъ и платить ей дань. Но и онъ измѣнилъ.

Въ 1557 г. Астрахань еще разъ была завоевана русскими, и окончательно присоединена къ Россіи. Въ 1559 г. была осаждена турками; но они были отбиты. Борисъ Годуновъ построилъ въ Астрахани кремль. Въ 1604 году вспыхнулъ здѣсь бунтъ, по случаю признанія царемъ 1-го самозванца. Въ 1608 году атаманъ Заруцкій и Марина жена Лжедмитрія, съ казаками заняли Астрахань, были здѣсь пойманы и отвезены въ Москву. Въ 1661 году Астрахань была раззорена татарами. Въ 1670 году была взята Стенькой Разинымъ и толькѣ въ ноябрѣ 1671 года была освобождена. Въ 1705 году былъ новый бунтъ въ Астрахани, по поводу нововведеній правительства. Въ 1722 году Петръ Великій два раза посѣтилъ Астрахань, по пути въ Персію и обратно, въ іюнѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ. Этотъ государь основалъ здѣсь портъ и заложилъ адмиралтейство, даровавъ Астрахани право губернскаго города. Въ 1784 году Астра-

ханская губернія переименована была въ область и присоединена къ Кавказскому на-мѣстничеству. Въ 1796 году ей возвраще-но прежнее значеніе губерніи, а въ 1801 году астраханская губернія была отдѣлена отъ кавказской области и приведена въ то положеніе, въ какомъ находится нынѣ. Жи-телей въ Астрахани около 50 тысячъ. Го-родъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ Россіи по торговлѣ и промышленности. Торговля Астрахани внутренняя и внѣшняя. Внутрен-няя торговля производится съ Москвою, съ Нижнимъ и другими приволжскими города-ми, съ уральскимъ войскомъ и съ Закав-казьемъ. Главнѣйшія статьи привоза заклю-чаются въ хлѣбъ и лѣсъ, а отпускаетъ Астра-хань рыбу и рыбныя произведенія, фрукты и персидскія матеріи, окрашенныя на здѣш-нихъ заводахъ. Заграничная торговля про-изводится, главнымъ образомъ съ Персіею. Туда везутъ: желѣзо, мѣдь, посуду, бумагу писчую и оберточную, бумажныя и другія

ткани. Оттуда привозятъ: хлопчатую бумагу, шолкъ; древесный клей, кунхуть, чернильные орѣшки, фрукты, пшено и нѣкоторыя фабричныя издѣлія. Въ настоящее время торговля съ Азіей находится въ упадкѣ. Изъ отраслей астраханской промышленности первое мѣсто занимаетъ *рыбная ловля*. Это очень большое дѣло: полагаютъ, что ежегодный уловъ рыбы и оборотъ на рыбныхъ промыслахъ доходитъ до 7 милліоновъ рублей серебромъ. Изъ отраслей астраханской промышленности слѣдуетъ назвать еще *садоводство* и *винодѣліе*, которыя впрочемъ находятся весьма въ неудовлетворительномъ состояніи. Привозъ къ астраханской пристани простирается на сумму до 6 милліоновъ рублей. Отвозъ-же до 7 милліон. Городскіе доходы простираются до 150 т. въ годъ.

Пристань.

Большая часть судовъ, приходящихъ въ Астрахань, останавливаются на р. Кутумѣ, между адмиралтействомъ и мостомъ, соеди-

няющимъ городъ съ предмѣстьемъ. Здѣсь же стоятъ дебаркадеры пароходныхъ компаній. На берегу у пристани множество лавокъ и трактировъ. Это самая оживленная часть города.

Извозники.

Извозничьимъ ремесломъ занимаются здѣсь преимущественно татары. Легкіе извозники ѣздятъ на пролеткахъ. Цѣна 25 коп. въ часъ. Есть также много ломовыхъ извозчиковъ.

Гостиницы.

Лучшая гостиница съ номерами г-жи Бремзенъ, на набережной Кутума. Квартиру легко можно сыскать въ частномъ домѣ. Стоитъ сказать объ этомъ извознику, — и онъ покажетъ нѣсколько квартиръ, цѣною 50 к. за двѣ-три комнаты въ сутки.

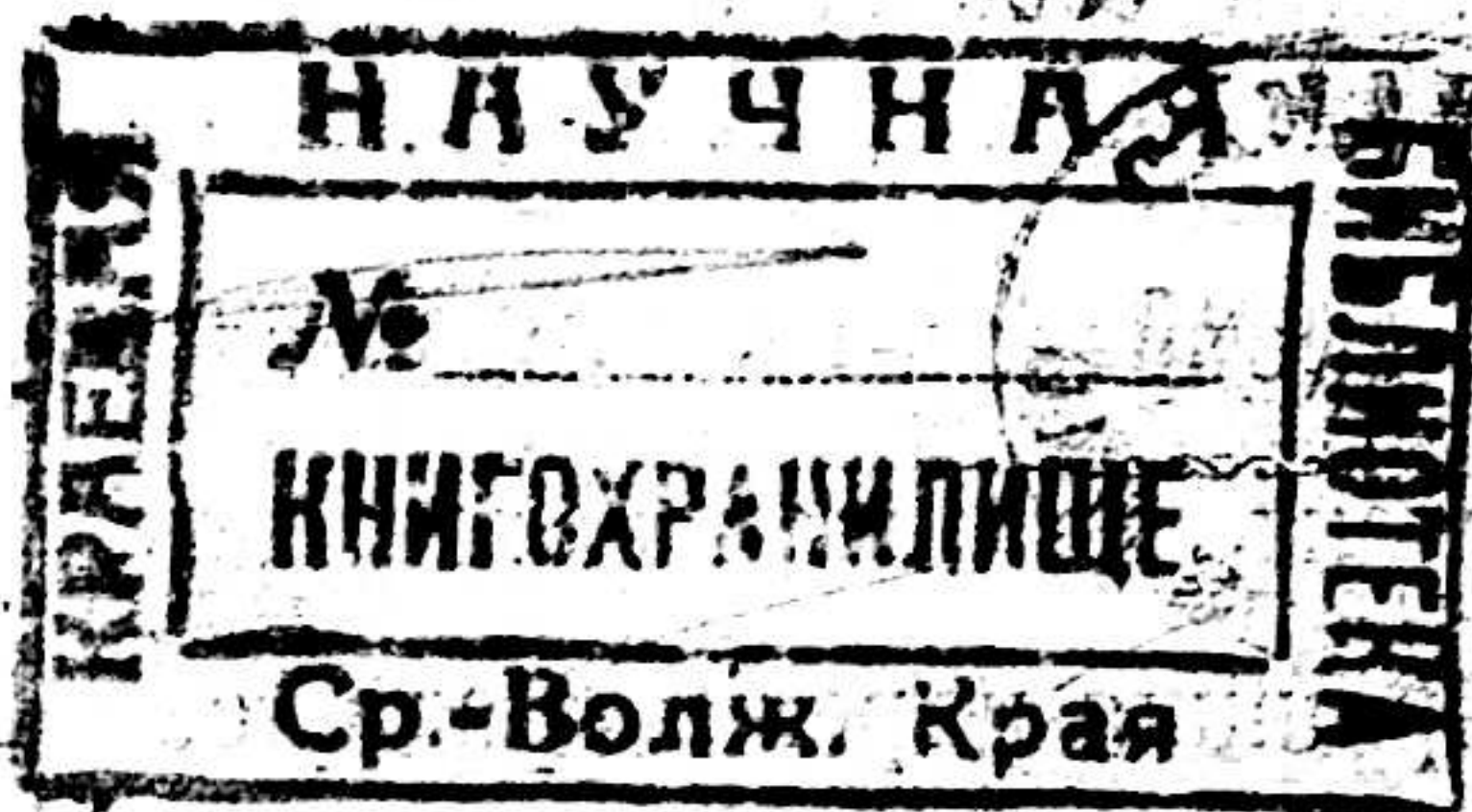
Слѣдуетъ обратить вниманіе на *персидскій дворъ* который заключаетъ въ себѣ лавки съ фруктами и мануфактурными произведеніями.

Публичная библіотека и при ней кабинетъ для чтенія съ нѣсколькими журналами и газетами.

Кремль, начало основанія котораго относятся къ 1582 году. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ повелѣлъ укрѣпить его восемью башнями, а стѣны каменные построены Годуновымъ. Матеріалы для его стѣнъ употреблялись изъ развалинъ прежней татарской столицы Сарая. Въ кремлѣ находится *кафедральный Успенскій соборъ*, построенный въ два этажа, коллосальное зданіе въ 14 сажень вышины; построенъ въ 1698 году. Соборъ замѣчателенъ своимъ богатствомъ: напримѣръ, серебрянныя царскія врата, серебрянный престолъ (вѣсомъ 3 п. 8 ф.), на одномъ изъ евангелій верхняя доска изъ чистаго золота (35 ф.), усыпанная алмазами, яхонтами и изумрудами и стоящая до 120 тысячъ рублей; архіерейскія митры, украшенныя драгоценными каменьями; одна стоитъ 150 т., другая около 50 т.

Городской музей, въ которомъ можно видѣть очень хорошія модели мѣстныхъ судовъ и рыболовныхъ орудій, образчики солей астраханскихъ озеръ и коллекціи животныхъ астраханской губерніи, а также собраніе монетъ, отысканныхъ въ развалинахъ древняго Сарая.

Въ адмиралтействѣ хранятся двѣ шлюпки, употреблявшіеся Петромъ Великимъ въ его поѣздкахъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предварительныя свѣдѣнія	1
Нижній-Новгородъ	7
Путь отъ Нижняго до Василь-Сурска . . .	20
Василь-Сурскъ	44
Отъ Василь-Сурска до Чебоксаръ	48
Чебоксары	67
Отъ Чебоксаръ до Казани	72
Казань	75
Отъ Казани до Симбирска	90
Симбирскъ	101
Отъ Симбирска до Самары	105
Самара	129
Отъ Самары до Саратова	137
Саратовъ	161
Отъ Саратова до Царицына	167
Царицынъ	214
Отъ Царицына до Астрахани	218
Астрахань	252

